

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования
«Европейский университет в Санкт-Петербурге»
Факультет антропологии

На правах рукописи

Захарова Александра Леонидовна

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕЛЬСКИХ БЮРОКРАТОВ: ТЕХНИКИ
УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ
СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГЕ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**

Научная специальность 5.6.4 Этнология, антропология и этнография
отрасль наук — исторические науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук

Научный руководитель
Кандидат искусствоведения, доцент
Лурье Михаил Лазаревич

Санкт-Петербург — 2025

Моей семье.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ	5
СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	7
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	14
Управление	15
Власть и господство	16
Уличная бюрократия.....	17
Практики и капиталы	18
ЭМПИРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ.....	18
Хронологические рамки исследования	18
Территориальные рамки исследования.....	19
Герои исследования	21
Методология полевой работы и объем исследуемого материала	22
НАУЧНАЯ НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ.....	23
ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ.....	24
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ	26
СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ	27
СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ И АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	29
БЛАГОДАРНОСТИ.....	31
ГЛАВА 1. СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ДВОЙНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКОЙ БЮРОКРАТИИ	32
«МЫ НИЧЕГО НЕ ПЛАНИРУЕМ»	32
ТЕМПОРАЛЬНОСТИ БЮРОКРАТИИ	34
КОМАНДНАЯ РАБОТА	37
ДВА РАЗНЫХ ТЕМПА РАБОТЫ И ДВЕ СХОЖИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ	45
«Козлы отпущения».....	50
(НЕ)СВОБОДА В (НЕ)ПЛАНИРОВАНИИ	53
ПРАКТИЧЕСКОЕ ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ В СТРУКТУРЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ	55
ХРОНОПОЛИТИКА ЗАБОТЫ И НЕВНИМАНИЯ: ОБ ОТНОШЕНИЯХ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ ЧИНОВНИКОВ С ТЕМПОРАЛЬНОСТЬЮ «УЛИЦЫ»	58
Выводы.....	62
ГЛАВА 2. ВЗГЛЯД НА ТЕРРИТОРИЮ: МОРАЛЬНАЯ КАРТОГРАФИЯ КАК СЕЛЬСКОЕ ЗНАНИЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ НАВЫК	64
ЗНАНИЕ ВСЕХ	64
БЮРОКРАТИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ	66
МОРАЛЬНАЯ КАРТОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ.....	69
ПРЕДУПРЕЖДЕН ЗНАЧИТ ВООРУЖЕН.....	74
«ПРОСТЫЕ», «ОТВЕТСТВЕННЫЕ» И «СЛОЖНЫЕ»	78
«НОРМАЛЬНЫЕ» И «НЕДОВОЛЬНЫЕ».....	80
ХОЗЯЙСКОЕ ЗНАНИЕ	83
Выводы.....	87
ГЛАВА 3. АФФЕКТЫ СЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	89

РАЗГОВОРЫ «НИ О ЧЕМ»	89
АФФЕКТИВНЫЙ ТРУД И СЕЛЬСКОЕ СОПРИСУТСТВИЕ	90
«ПОЧТИ СЕМЬЯ»: О ГЛАВНОМ АФФЕКТЕ СЕЛЬСКОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ	93
(ВОС)ПРОИЗВОДСТВО СВОЙСКОСТИ КАК ПРИТЯЗАНИЕ НА ГОСПОДСТВО	97
БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ.....	104
ЗАБОТА КАК ПРОДУКТ СЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ	107
Выводы.....	112
ГЛАВА 4. СЕЛЬСКИЙ АВТОРИТЕТ И ОБМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	114
БЕСПРЕКОСЛОВНЫЙ АВТОРИТЕТ?	114
ВЛИЯТЕЛЬНОСТЬ И БЕЗОТКАЗНОСТЬ	116
ДАР ГОСУДАРСТВА ИЗ РУК УПРАВЛЕНЦЕВ	123
ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ В ДИСКУРСЕ О ГОСУДАРСТВЕ	129
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ СЕЛЬСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ	138
ОЧЕВИДНАЯ РАБОТА	146
Выводы.....	148
ГЛАВА 5. УПРАВЛЕНИЕ В ОБХОД: ВЕРНАКУЛЯРНАЯ СЕЛЬСКАЯ БЮРОКРАТИЯ И КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВА	152
УПРАВЛЯТЬ И УПРАВЛЯТЬСЯ	152
ДРУГИЕ ОРГАНЫ СЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ: САМОУПРАВЛЕНИЕ ИЛИ СОУПРАВЛЕНИЕ?	153
МЕЧТА ОБ ОРГАНИЗАТОРЕ.....	160
БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ВЕРНАКУЛЯРНАЯ БЮРОКРАТИЯ	165
ОБ ОДНОЙ ГРАМОТНОЙ: ПОЛУЧАЯ БЛАГА, КОТОРЫЕ «ПОЛОЖЕНЫ»	169
КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВА: ДОТЯГИВАЯСЬ ДО ХАРИЗМЫ.....	173
Выводы.....	182
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	186
БИБЛИОГРАФИЯ	191
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ:	191
ПУБЛИКАЦИИ В СМИ:	191
НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА:	192

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы и актуальность исследования

В конце 2021 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект о реформировании системы местного самоуправления, подразумевающий переход от действующей двухуровневой системы к одному уровню власти (Проект федерального закона № 40361-8). К 2024 г. сельские и городские поселения предлагалось повсеместно лишить статуса муниципальных образований и, следовательно, трансформировать существующие органы местного самоуправления — сельские администрации, служащие которых избираются на конкурсной основе и осуществляют управление подведомственной территорией как чиновники, получающие стабильный оклад за свой труд. Представленный проект вызвал множество разногласий и получил около тысячи поправок¹. В марте 2025 г., несмотря на неутихающие споры, он был принят в третьем чтении, сохранив при этом право субъектов Федерации самостоятельно решать, проводить ли реформу на конкретной территории. Данный контекст заставляет задуматься о том, что может произойти с сельскими поселениями, если сельских администраций в прежнем виде в них больше не будет.

Как попытка понять, какую роль в сельских поселениях действительно играет сельская администрация и в каком политическом контексте сегодня существует местное самоуправление, и появилась данная диссертация. Помещая в центр исследования особенности управления в двух южносибирских поселениях, я обращаюсь к проблематизации способов, с помощью которых служащие сельских администраций и разные жители поселений осуществляли управление: взаимодействовали с государственными структурами и получали возможность воздействовать на сельское социальное пространство. Соответственно, в исследовании учитываются два основных контекста, в которые вписано сельское управление — политическая система России начала 2020-х гг. и социальное пространство сельского поселения со своими нормами, какими их представляют сами сельские жители.

Главный исследовательский вопрос, на который должна ответить диссертация — *как устроены социальные отношения в структуре сельского управления и что представляет из себя форма власти сельских бюрократов в России начала 2020-х гг.?* Этот общий вопрос можно разложить на несколько более частных: что представляет собой

---

¹ См. (В Думе перенесли рассмотрение проекта; Веретенникова 2022а; Она же 2022б; Мухаметшина 2024; Она же 2025; Перцев* 2022; Почему муниципальную реформу отбросили; Прах 2022). Здесь и далее знаком астериска, маркируются лица и организации, внесенные Минюстом РФ в список иноагентов и/или нежелательных организаций.

рабочая повседневность служащих сельских администраций? Как в существующей структуре управления решаются общие и частные проблемы жителей? Кто именно задействован в сельском управлении, и какая роль в этом процессе отведена местной администрации? Как и кем определяются обязанности сельских управленцев? Как воображается «близкая» и «далекая» власть? Как разные жители поселений представляют себе сельский социальный порядок? В каком отношении эти представления оказываются с реальной управленческой практикой? И как на сельскую муниципальную власть влияет существующий политический режим?

Следовательно, **объект** исследования — повседневность сельского управления, в котором участвуют как сотрудники сельской администрации, так и другие жители сельских поселений. **Предмет** — актуальные для сельских бюрократов и местных жителей техники управления и представления о сельском авторитете и государственной власти.

Цель исследования — проанализировать, как устроено управление в двух сельских поселениях начала 2020-х гг., учитывая общеполитический и локальный сельский контекст, чтобы понять, какую роль в процессе управления играет сельская администрация. Для достижения этой цели были сформулированы и реализованы следующие **задачи**:

- определить, какие агенты принимают участие в сельском управлении;
- этнографически описать управленческую деятельность служащих двух сельских администраций и других агентов управления;
- исследовать, каким образом сами сельские управленцы видят свою роль в процессе управления и как на эту роль смотрят другие жители поселений;
- выявить различия и сходства в способах управления двумя поселениями, выдвинуть предположения относительно причин тождества или различия в управленческих практиках;
- проанализировать, какое влияние на сельское управление оказывает выстроенная в исследуемом районе и, шире, в России начала 2020-х гг. структура муниципальной власти и каким образом сельские муниципальные службы организуют свою работу внутри нее;
- определить, из каких составляющих складываются представления местных жителей о сельской нормативной социальности и как они проявляются в рабочей практике и дискурсе местных управленцев;

— проанализировать, как воображают себе концепцию государства и нормативные отношения с ним разные жители поселений («управленцы» и «управляемые»), и исследовать, как эти представления встроены в реальную практику сельского управления.

Таким образом, данная диссертация посвящена этнографическому описанию сельского управления в двух сельских поселениях на юге Западной Сибири. Я рассматриваю несколько реальных кейсов управления, разворачивающихся в конкретное время в конкретных местах, ставя своей целью проанализировать тот момент исторической реальности, который мне удалось зафиксировать посредством полевой работы. В связи с этим в качестве осознанного ограничения в этом исследовании отсутствует диахроническая и масштабная компаративистская перспектива. Несмотря на все преимущества, последний подход предполагал бы иную в своем основании работу, я же остановлюсь на более близком к наблюдаемой реальности этнографическом описании и анализе.

Степень разработанности темы исследования

Сельское управление как специфическая форма власти неоднократно привлекало внимание отечественных историков и этнографов. Популярным объектом научных исследований XX в. была крестьянская община дореволюционного и советского времени — с одной стороны, предмет государственных реформенных преобразований, с другой стороны, отдельный политический субъект, взаимодействующий с государством (см., например, Богораз 1905; Феноменов 1925; Анфимов 1962; Александров 1976; Иванов 1984; Герасименко 1985; Зырянов 1992; Бухарев, Люкшин 1994; Данилова, Данилов 1996; Корелин, Шацилло 1996; Христофоров 2011 и мн.др.²). Под «общиной» понималась не только хозяйственная ячейка и форма управления, встроенная в государственную систему или, напротив, альтернативная ей, но и особая «крестьянская ментальность», в которой «групповая идентичность» преобладала над индивидуальной (Архипова, Туторский 2013: 104–105). Ученые рассуждали об устойчивости крестьянской общины перед лицом политических трансформаций или пытались определить точное время, когда под давлением государственных преобразований сельская община исчезла. Первый подход, по всей видимости, нашел у исследователей больший отклик, поскольку и в работах постсоветского времени можно найти отголоски сельского «общинного мифа» (Архипова, Туторский 2013: 105) с его идеей об особой (коллективистской) сельской социальности и

---

² Подробнее об историографии изучения крестьянской общины отечественными историками и этнографами см., например, (Александров 1976: 3–46; Яхшиян 1998; Алиева 2003; Алымов 2010; Архипова 2018: 13–28).

свойственных ей нормативных практиках (см., например, Никишенков и др. 2010; Архипова 2018).

В качестве посредника во взаимодействии между сельским социумом и «государством» рассматривались такие деревенские лидеры как сельский староста, бригадир, председатель колхоза и сельсовета, двойственность статуса которых (т.е. представление от своего лица одновременно и «государства», и села с их собственными нормами и интересами) (Туторский 2009; Мазур 2014; Лапердин 2024 и др.) может навевать ассоциации с героями данной диссертации — современными сельскими муниципальными служащими, также являющимися и жителями деревень, и представителями власти. Однако необходимо подчеркнуть, что изучаемые мною случаи далеки от общинной реальности. Как минимум, исчезли основания, на которых базировалась крестьянская земледельческая община, а именно общее владение землей и включенность в совместный аграрный труд (Андреев 1979).

С одной стороны, деревенский хозяйственный уклад, а вместе с ним и сельская социальность претерпели значительные изменения. С другой стороны, современный сельский чиновник, хотя и, на первый взгляд, находится в той же ситуации дуализма, что и советский председатель сельсовета, стал частью трансформировавшегося государственного аппарата (см. Мазур 2014; Она же 2018)³. В связи с этим исторические параллели, трансформации и/или преемственность сельского управления по сравнению с политическими системами прошлого — тема отдельного исследования. В рамках представленной диссертации к работам об управлении в иных хронотопах я обращаюсь для указания на некоторые типологические сходства, но не с целью диахронического анализа.

Представленная диссертация встраивается в ряд исследований по антропологии бюрократии и государства, и шире, в политическую антропологию, с которой данные подразделы находятся в отношениях «видов» и «рода». Нацеленная на изучение внутреннего устройства одного из главнейших институтов государственной власти — бюрократического аппарата, антропология бюрократии оформилась в отдельное направление в 1990–2000-е гг. Этот факт обусловлен «традиционным разделением труда в социальных науках», которое «оставляло изучение формальных организаций социологам, политологам и экономистам, в то время как антропологи концентрировались на не-

³ В частности, только за время написания данной диссертации изменилось законодательство, регламентирующее деятельность органов муниципальной власти. Тогда как Федеральный закон № 131 предполагал, что сельские администрации — часть местного самоуправления как «формы народовластия», которая близка власти «общины как исключительно самоорганизующейся единицы для решения коммунальных и иных хозяйственных вопросов», пришедший ему на смену Федеральный закон № 33 закрепил за администрациями муниципальных образований статус органов единой системы публичной власти (Гребенникова 2025).

модерных, малых обществах, которые, как считалось, функционировали без официальных организаций или независимо от них» (Hull 2012: 12; Thelen, Alber 2018: 1–10). Впрочем, антропологический след в социальных исследованиях бюрократических организаций можно обнаружить задолго до появления отдельной субдисциплины.

Антропологическими по своему посылу (т.е. рассматривающими бюрократические организации как пространства с особой культурой, а бюрократов как индивидов с их собственными представлениями и личными отношениями) можно назвать исследования бюрократических организаций первой половины XX в. Их интеллектуальным источником, ключевым текстом, на полях которого оставляли свои пометки все последующие исследователи, считается теория рациональной бюрократии Макса Вебера, элементы которой были опубликованы в посмертном издании «Хозяйства и общества» в 1921–1922 г. (Вебер 2019). Описывая не реальную бюрократическую структуру, но ее идеальный тип, Вебер выделил следующие характеристики: строгое распределение обязанностей среди государственных служащих, наличие специального образования, служебная иерархия, опора в работе на письменные документы и инструкции и жесткое разграничение личной и служебной сфер жизни. Подобно винтику большого бюрократического механизма, веберовский бюрократ действует предсказуемо и сообразно рациональным правилам, без гнева и пристрастия (Там же: 404).

Когда в 1946 г. вышел первый англоязычный перевод Вебера, в США, где произошел стремительный рост бюрократических структур, проводилось множество эмпирических исследований организаций. Их авторы, зачастую преследуя прагматические цели (пытаясь понять, как повысить эффективность предприятия), критиковали веберовскую бюрократию как «организацию без людей» (см., например, Bennis 1959; Stein 1952; Kaufman 1960; Blau 1966). Оспаривая тезис Вебера о рациональности и беспристрастности бюрократов, исследователи предлагали посмотреть на то, как именно осуществляется взаимодействие внутри бюрократических структур. На распространение этнографических методов в этих исследованиях повлияли антропологи, принесшие в работы о промышленных организациях аналитические инструменты из трудов о политических структурах небольших сообществ (см. Hull 2012: 12). Например, один из главных тезисов первого социологического учебника по бюрократии Питера Блау гласил, что «второе лицо» бюрократии — это неформальные отношения между сотрудниками и их нужно учитывать в исследованиях (Blau 1966).

Критика веберовской модели рациональной бюрократии, а также внимание к рабочей повседневности чиновников стали основой нового направления исследований уличной бюрократии (street-level bureaucracy) (см. обзор: Maynard-Moody, Portillo 2010).

Основоположники этого направления — американские политологи Майкл Липски, Джейфри Проттас и Майкл Браун — изучали рабочую повседневность служащих, находящихся внизу пирамиды государственной власти (Lipsky 1969; Lipsky 2010 (1980); Prottas 1979; Brown 1981). Термин «уличные бюрократы» объединил в себе сотрудников полиции, учителей, судей первых инстанций, социальных работников и других муниципальных и государственных служащих, лицом к лицу взаимодействующих с гражданами. Новаторским было утверждение, что уличные бюрократы «делают» (make) политику, а не просто «исполняют» ее (implement) (Lipsky 2010: XX). В противовес утверждению Вебера о том, что чиновник, в отличие от политика, выполняет приказ «под ответственность приказывающего» и не должен бороться, принимая какую-либо сторону (Вебер 1990: 666), основоположники теории уличной бюрократии указали на то, что относительная удаленность от надзора вышестоящих инстанций и *дискреция*, т.е. возможность принимать решения самостоятельно, наделяют низовых бюрократов политической властью.

Таким образом, уже в социальных исследованиях 1960-х гг. низовые чиновники предстали живыми людьми, сталкивающимися с дилеммами и преодолевающими трудности: нехватку ресурсов, завышенные ожидания, неясно сформулированные цели и плохо осозаемые результаты работы. В центр исследований уличной бюрократии авторы поместили способы адаптации низовых чиновников к особенностям своей позиции, тактики ежедневной борьбы, которую они ведут, чтобы выполнить работу и оправдать свои действия. Установившийся в русле этой теории подход был антропологическим в своей основной интенции. Он предполагал использование этнографического метода с его внимательностью к деталям рабочей повседневности: ее социальным нормам и проявлениям дискреции, знаниям, выборам и чувствам конкретных низовых чиновников. Данный подход стал важен для дальнейших социальных исследований бюрократии в рамках разных дисциплин (см., например, упоминаемую в диссертации работу: Zacka 2017).

Однако если говорить о том, как изучение бюрократии развивалось строго в границах антропологии, то справедливо утверждать, что антропология бюрократии прошла свой собственный путь и с исследованиями уличной бюрократии связана типологически, но не генетически. Наиболее известные работы этого направления — это прежде всего критика бюрократии. Первой широко известной антропологической работой о бюрократии (Graeber 2012: 109) считается книга Майкла Херцфельда «The Social Production of Indifference» (Herzfeld 1992). Херцфельд исследует феномен бюрократического безразличия американских чиновников — «неприятие тех, кто

отличается от других, ставшее привычным для инсайдеров» (Herzfeld 1992: 33) — и находит его корни в используемых бюрократами классификациях, в основе которых лежат культурные стереотипы. Несмотря на то, что позже Херцфельд уточнил, что «бюрократы могут сохранять свое личное чувство порядочности и использовать свое понимание правил на благо своих клиентов» (Herzfeld 2015: 536), «производство безразличия» в рецепции чаще всего расценивается негативно. Эта работа открывает исследовательское направление социальной критики бюрократии, причем бюрократии западной. Одними из самых популярных работ в этой области можно по праву назвать книги Дэвида Гребера «Утопия правил» (Гребер 2016) и «Бредовая работа» (Гребер 2021), в которых западная бюрократия рассматривается в первую очередь как инструмент управления «глупыми и оборачивающимися против самих себя» ситуациями, порожденными структурным насилием (Гребер 2016: 78).

В свою очередь подавляющее большинство работ антропологов о бюрократах написаны о странах глобального Юга. Еще одна классическая работа по антропологии бюрократии, важная для моего исследования, «The Anti-Politics Machine» Джеймса Фергюсона, посвящена критике концепции «развития», применяемой в африканском королевстве Лесото (Ferguson 1996). Подробно анализируя документы о развитии горного района Тхаба-Цека, антрополог показывает, каким образом формируется дискурс о Лесото как о стране с крестьянским обществом и национальной, изолированной экономикой. Обращаясь к политэкономическому контексту, автор объясняет, что проекты «развития» не приносят планируемых положительных изменений, так как противоречат местным социальным нормам. Критику бюрократии в стране «третьего мира» представляет и другая значимая для моего исследования книга Наяники Матур «Paper Tiger», анализирующая феномен медлительности индийской бюрократии, буквально убивающей простых жителей (Mathur 2015). Положенный в основу упомянутых работ этнографический подход с его вниманием к бюрократическому дискурсу и рабочим практикам чиновников позволяет заглянуть внутрь «черного ящика» бюрократии и разглядеть предпосылки (государственного, локального, индивидуального уровня), стоящие за действиями и решениями конкретных чиновников. Этот же подход применяю и я в своей работе.

Теория уличной бюрократии и антропология бюрократии имеют схожие основания, т.к. предполагают использование этнографических методов для анализа комплекса социальных отношений, норм и идей, переплетающихся в бюрократическом процессе и задающих его форму. Разные главы моей диссертации снабжены отдельным разделом об исследовательском контексте, поскольку они вписываются в одно из

исследовательских направлений в рамках антропологии бюрократии и этнографических исследований бюрократии в целом.

Кроме того, поскольку я понимаю управление как многосторонний процесс, в котором активная роль может быть отведена не только сотрудникам администрации, но и самим разным людям, большое значение для меня имеют работы по антропологии государства. Данная субдисциплина близка, но не тождественна антропологии бюрократии, т.к. внимание в ней уделяется преимущественно представлениям о государстве и практикам взаимодействия с бюрократией граждан, а не исключительно анализу профессиональной деятельности и точки зрения чиновников. В рамках диссертации я обратилась к некоторым значимым работам в этой области, что позволило реконструировать релевантную для героев исследования концепцию государства и тем самым углубить представление о желаемом и реальном сельском управлении. К примеру, важным для меня понятием является *культура государства* Моник Нейтен (Nuijten 2003), позволяющее говорить о том наборе представлений и интерпретаций, который релевантен как для отношений граждан с бюрократией, так и для их общей идеи о том, что из себя представляет государство. Большой вклад в работу внесла также концепция *гоббсианского дара* государства, сформулированная Николаем Скориной-Чайковым (Ssorin-Chaikov 2017). Анализируя представления о государстве советских управленцев, работавших среди эвенков, Скорин-Чайков утверждает о взаимосвязи советских форм управленческого патернализма с идеей дара Томаса Гоббса, когда преподносимое гражданам от государства благо автоматически предполагает навязывание суверенитета. Данная концепция дарообмена между гражданами и государством подробно обсуждается мною в диссертации.

Работа Скорина-Чайкова — один из примеров исследований, в которых внутренняя механика государственной власти и бюрократии в России анализируются с применением антропологических методов (см., например, Ssorin-Chaikov 2003; Гаазе 2016; Гудова 2020; Мартыненко 2023а; Она же 2023б; Она же 2025; Шевченко 2023а; Он же 2023б; Ларкина 2024). Несмотря на то, что система муниципального управления в России и, в частности, профессиональная деятельность служащих сельских администраций — популярный среди отечественных ученых объект изучения, в поле науки он закреплен преимущественно за исследованиями в области государственного и муниципального управления, политологии и социологии. Мне известна всего одна работа, в которой бы уделялось внимание рабочей рутине, конфликтам, переговорам и неявным знаниям в социальном пространстве сельского управления в современной России и задействовались бы этнографические методы. С опорой на теорию капиталов Пьера Бурдье и материалы собственного

наблюдения Анастасия Ярзуткина анализирует «детерминанты власти и статуса» главы одного сельского поселения на Чукотке (Ярзуткина 2025). Автор приходит к выводу, что для вступления в эту должность и исполнения своих полномочий чиновник должен обладать локально специфическим «комплексом капиталов»: принадлежать к селу по рождению, иметь в нем устойчивые социальные связи и в ходе работы приобрести «государственный капитал». В моей диссертации представлен более подробный анализ составляющих авторитета главы сельского поселения, на работу которого, к тому же, влияет иная региональная специфика.

Помимо упомянутых выше, интересующей меня проблематике близки качественные социологические исследования, посвященные политическому устройству сельских населенных пунктов в России 2010–2020-х гг. Эти исследования можно условно разделить на социальные типологии и работы, находящиеся в большем приближении к полевому материалу. К примеру, в книге «Социальная структура провинциального общества» Юрий Плюснин, с опорой на материалы сорокалетних эмпирических исследований, типологизирует стили местного управления в современной России (Плюснин 2022а). Автор выделяет четыре «границных случая форм организации власти», разнящихся по степени пространственной изоляции и зависимости от государственных ресурсов и вышестоящих чиновников. Перечислю их от наиболее зависимого к наименее или от менее изолированного к наиболее: «государственное наместничество» (советский тип управления); «поместное» управление; «конкурентное» (политизированное) управление и «реальное местное самоуправление» (Там же: 368–402). Как отмечается в книге, только в последнем типе управления, характерном для изолированных сообществ, можно наблюдать «полноценное самоуправление» (Там же: 393). При этом Плюснин приходит к выводу, что влиятельный человек в российском провинциальном обществе — это «мудрый, нравственный и правильного поведения индивид среднего и старшего возраста, который участвует в создании и поддержании системы социального контроля <...>» и обладает профессиональными компетенциями, важными на конкретной территории (Там же: 377–378). Представленное определение видится мне несколько абстрактным (что стоит за этим «правильным поведением» и «нравственностью»?) и в своей диссертации я постараюсь понять, из каких именно составляющих складывается авторитет в исследуемых мной поселениях.

Стоит сказать, что взаимосвязь между удаленностью населенных пунктов от административных центров и наличием в них самоорганизации — это один из наиболее известных тезисов качественных исследований о современной политической организации сельской местности в России, как правило пространственно закрепленных на российском

севере (Плюснин 2008; Позаненко 2017; Он же 2018; Фадеева 2019: 86; Ярзуткина 2025 и др.). В принципе большой интерес к исследованию устройства сельской власти ученых вызывает ее «особенная» локализация в разных преломлениях. К примеру, мне известны работы об устройстве управления в пригородах (т.е. не совсем в селах) с их специфической социальностью (Григоричев 2012; Он же 2013; Шелудков 2017), в удаленных пространствах «северных окраин» (Ssorin-Chaikov 2003) или межселенных территориях, «пустых» и «невидимых» для государственной власти за отсутствием нижнего уровня территориальной организации местной власти (Бляхер и др. 2024). Однако, хотя в этой работе и идет речь о территории Сибири, контекст «удаленности» не вполне релевантен, т.к. изучаемые поселения находятся в относительной близости к административному центру района и не удалены от путей сообщения и других элементов инфраструктуры.

Определить некоторые общие тренды российского муниципального управления помогают качественные социологические исследования, строящиеся на анализе интервью с сельскими муниципальными служащими (Шелудков и др. 2016; Рогозин 2015; Фадеева, Нефедкин 2018; Фадеева 2022 и др.). Данные работы позволяют составить представление об общих проблемах сельского муниципального управления, т.к. здесь приведены не только общие данные о структуре власти, но и слова самих муниципальных служащих, а также выдвинуты гипотезы по поводу обоснованности и необходимости реформирования системы муниципальной власти. Тем не менее в своей диссертации от выявления проблем, с которыми вынуждены иметь дело сельские муниципальные служащие (зависимость от вышестоящих структур; требования, не учитывающие местную специфику; бюджетный дефицит; пассивность населения и др.), я хотела бы перейти к более детализированному анализу их переживания и решения, т.е. к анализу повседневности управления, которую я изучала не только со слов информантов или из статистических данных, но наблюдая ее непосредственно.

Теоретические основы исследования

Используя данные, полученные этнографическими методами, данная диссертация на первом уровне анализа опирается на методологию интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца (Гирц 2004), восходящую корнями к проекту понимающей социологии Макса Вебера с ее фокусом на субъективном смысле действий индивидов (Вебер 2016: 67–68). На втором уровне анализа высказывания и индивидуальные смыслы, которые вкладывают в них герои этого исследования, исследуются с опорой на принципы конструктивистского структурализма Пьера Бурдье (Бурдье 2007: 67–69), сочетающего в

себе внимание как к объективным и независимым от воли индивидов структурам, так и к социальному генезису этих структур. Поскольку моя работа предполагает анализ разных аспектов сельского управления, в каждой главе представлен собственный исследовательский контекст и вводятся разные аналитические концепты. Тем не менее стоит прояснить некоторые общие теоретические основания этой работы через обращение к базовым для нее понятиям.

Управление

Обращу внимание, что на протяжении всего Введения я последовательно использовала понятие «управление». Выбор этого слова в качестве главного аналитического термина — не прямое следование за юридически закрепленным понятием «муниципальное управление». Не случайно, что я не говорю, например, о «правлении», «власти» или «губернаторности» местных чиновников. Начиная с середины 1970-х гг., в социальных науках можно заметить растущий интерес к оппозиции «government» и «governance» (Jessop 1995: 309). «Government» указывает на социальную практику официальных институтов и государственных структур, тогда как «governance» отсылает к широкому спектру механизмов управления и способам распределения власти, как внутренней, так и внешней по отношению к государственным органам власти (Jessop 1995: 310–311; Goodwin 1998: 6; Lockie et al. 2006: 33). Отталкиваясь от данного различия, под *управлением* я понимаю то взаимодействие с государственными структурами и (вос)производство местного социального порядка — решение частных и общих проблем, возникающих в социальном пространстве поселений, и воздействие на само социальное и физическое пространство в реальности и в бюрократической плоскости, — которое осуществляется как служащими сельских администраций, так и отдельными жителями поселений, которых вместе я предлагаю называть *управленцами*.

В таком толковании управления можно увидеть перекличку с фукольдианским видением власти как «стратегических игр между свободами» (Фуко 2006с: 268), где каждый участник преследует свою политическую рациональность (Фуко 2006б: 31). Власть, в фукольдианском понимании, — взаимный процесс, направленный на структурирование возможных действий друг друга (в т.ч. своего собственного поведения), что философ предлагает определять как (у)правление (*gouvernement*) (Фуко 2006а: 181). Однако несмотря на то, что я предлагаю рассматривать управленческий опыт как представителей государства на местах, так и жителей поселений, не имеющих формально закрепленных должностей «управленцев», этот ход не следует рассматривать как следование идеи губернаторности Мишеля Фуко. Во-первых, представленный в

диссертационном исследовании анализ сельского управления учитывает государственный политический контекст, во многом определяющий форму власти сельских управленицев, и тем самым мой подход, хотя и не сводит управление к деятельности абстрактного «государства», все же не вполне соответствует заложенному в концепцию гувернаментальности призыву отказаться от «привычки мыслить власть через государство» (Каплун 2019: 191). Во-вторых, концепция власти Фуко предполагает наличие свободы у всех участников (у)правления, по сути оказывающихся равными друг другу (Там же: 190). С моей же точки зрения, все агенты управления, напротив, не свободны, но степень их свободы всегда соотносится с их позицией в социальном поле. Более близкими моему пониманию устройства сельского управления, таким образом, оказываются такие авторы как Пьер Бурдье и Макс Вебер.

Власть и господство

Сельские чиновники считаются представителями муниципальной власти и нередко сами говорят о себе как о «власти». Однако описывая, какое влияние они на самом деле оказывают на социальное пространство, полезно обратиться к веберианскому различению *власти* (*Macht*) и *господства* или *авторитета* (*Herrschaft*). В то время как «власть», по Веберу, проявляется в действиях, направленных на реализацию своей воли несмотря на возможное сопротивление со стороны, то «авторитет» подразумевает вероятность того, что этой воле будут повиноваться добровольно, признавая легитимность господства волеизъявителя (Вебер 2019: 17–23). «Каждому подлинному отношению господства свойствен определенный минимум желания подчиниться, а следовательно, внешней или внутренней заинтересованности в подчинении» (Ионин 2019: 467). *Авторитет* — это конкретная форма власти («возможности подчинить поведение другого собственной воле»), при которой подчинение приказу господина должно восприниматься как максима собственного поведения.

Если принимать во внимание приведенное различие, говоря о «власти» сельских бюрократов, мы должны признавать вероятность того, что работа служащих сельских администраций предполагает насилиственное навязывание своей воли, реализацию собственных идей, несмотря на внешнее сопротивление. Сельские чиновники ретранслируют волю широко понимаемого «государства». Важно помнить при этом, что вручая повестки, составляя характеристики на жителей поселения для правоохранительных органов и манипулируя персональными данными в бюрократической плоскости, они реализуют не собственную волю, но служат посредниками во взаимодействии других органов власти с конкретным субъектом. В этих действиях они

исходят не из представлений о своей личной власти, но пытаются опереться на идею *бюрократического господства*, подчеркивая, что они вынуждены делать то, к чему их обязывает должность (см. Глава 3). Тем не менее по большей части сельские бюрократы все же занимаются тем, что Вебер называет *техническим управлением* (Вебер 2019: 24). Они решают актуальные задачи, возникающие в сельском поселении, — «вопросы местного значения» (Федеральный Закон № 131: Гл. 3. Ст. 14) или «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» (Федеральный Закон № 33: Гл. 4. Ст. 32), а объем их власти по отдаче личных приказов минимизирован. То, какие основания имеют под собой притязания на господство в исследуемых поселениях, — это один из главных вопросов, на которые отвечает данная диссертация.

Уличная бюрократия

Конкретизируя специфику *технического управления*, которым в ходе своей профессиональной деятельности занимаются сельские бюрократы, необходимо сказать, что с некоторыми оговорками эти служащие могут быть отнесены к так называемым *уличным бюрократам* — типу низовых муниципальных и государственных служащих, который был выделен в конце 1960-х гг. политологом Майклом Липски и соавторами (см. предыдущий раздел). Подчиняющиеся требованиям вышестоящих чиновников и зависящие от бюджета, дотируемого районом, т.е. встроенные в «единую систему публичной власти», сельские служащие, так же, как и описанные в рамках теории уличной бюрократии американские судьи, учителя, полицейские, врачи и социальные работники, лицом к лицу взаимодействуют с гражданами и должны самостоятельно принимать в этих взаимодействиях те или иные решения.

Тем не менее важно прояснить, что герои моего исследования, развивая метафору Липски, работают не на абстрактной «улице» как анонимизирующем пространстве модерного города, но на сельских улочках, переулках и завалинках, ключевым свойством которых является «сгущенность» социальных связей (Бредникова 2013: 41). Количество «клиентов» здесь ограничено, а состав известен заранее — в селе служащие местных администраций взаимодействуют с людьми, которых знают и в не-рабочих контекстах и с которыми находятся в отношениях большей или меньшей близости. В связи с этим, учитывая и сходства, и различия в положении этих низовых служащих с хрестоматийными уличными бюрократами, сельских муниципальных служащих я предлагаю называть *сельскими бюрократами*, вынося «уличный» характер их деятельности за скобки.

Одними из ключевых особенностей работы уличных бюрократов, как отмечают исследователи, являются дефицит времени, дискреция и относительная автономия от контролирующих органов (Lipsky 2010: 13–26; Maynard-Moody, Portillo 2010) — работающие «на улице» чиновники буквально удалены от начальников «в кабинетах». Однако в диссертации я покажу, что подобные утверждения не вполне релевантны для описания рабочей практики сельских бюрократов и могут вызвать соблазн неоправданно преувеличить степень свободы чиновников в процессе управления. Чтобы нюансировать описание их позиции, необходимо обратиться к идеям Пьера Бурдье.

Практики и капиталы

Примирая два популярных теоретических подхода к бюрократии — концепцию рациональной бюрократии Макса Вебера и теорию уличной бюрократии, теория практик Пьера Бурдье позволяет найти баланс между тем, чтобы смотреть на бюрократов как на обезличенные винтики большого механизма, и тем, чтобы пристально всматриваться в «автономию» низовых чиновников. Сельские бюрократы занимают конкретную структурную позицию как в *государственном*, так и в *локальном социальном пространстве* (Бурдье 1993c: 52) — т.е. в структуре муниципальной власти и в сельской социальной среде. В результате интернализации правил обеих структур, как показывается в диссертации, у чиновников развивается особое *практическое чувство* или *габитус* — «бесконечная способность свободно (но под контролем) порождать мысли, восприятия, выражения чувств, действия» (Бурдье 2001b: 107). Анализ имеющихся у сельских бюрократов структурных ограничений, исходящих как от бюрократических структур, так и от сельского социального пространства, и вырабатывающегося у них в заданных условиях практического чувства, позволяет получить более полное представление об объеме дискреции и автономии, которой на самом деле обладают сельские чиновники. В свою очередь, для изучения оснований господства в конкретной структурной позиции оказывается полезной теория капиталов (Бурдье 2014; Бурдье 2001b), которые, подчиняясь правилам структуры, накапливают разные агенты управления.

Эмпирический материал и методология полевой работы

Хронологические рамки исследования

Данное исследование проходило в непростое для его героев время, хотя в силу специфики их работы едва ли можно сказать, что долгие периоды «затишья» у сельских чиновников в принципе возможны. С 2021 по 2023 г., в последние месяцы лета или осенью ежегодно

проводилась двухмесячная полевая работа, так что в итоге в каждом поселении я прожила, за вычетом всех выходных, около трех месяцев. В 2024 г. длительное полевое исследование не проводилось, но состоялся однодневный выезд в одно из поселений. На период моего исследования выпала пандемия Covid-19, сельскохозяйственная микроперепись 2021 г., двойные выборы 2021 г. (в Областную и Государственную Думу) и выборы губернатора региона 2023 г., мобилизация в связи со Специальной военной операцией, сезонные ландшафтные пожары и ревизорская проверка. Уже после окончания полевой работы в одном из поселений принимались активные противопаводковые меры и эвакуация жителей, а во второй половине 2024 г. в районе произошло реформирование муниципального управления и все сельские администрации лишились собственных бюджетов и бухгалтеров. Следовательно, представленная работа — это описание той системы управления, которая в исследуемых местах успела стать частью истории.

Территориальные рамки исследования

Выбор места исследования был обусловлен наличием связей, обеспечивших мне возможность жить в сельских поселениях и наблюдать за работой сельской администрации. Регион⁴, в котором проходило исследование, находится на юге Западной Сибири (границит с Казахстаном), имеет экономические преференции и считается одним из наиболее развитых регионов России по уровню благосостояния. Работа началась в Большовском сельском поселении. Оно состоит из трех населенных пунктов — села Большое (официально 786 чел.), села Заречная (официально 320 чел.) и деревни Никулино (официально 192 чел.) — с общей численностью жителей примерно⁵ 1 300 человек.

Административный центр Большого расположен в 12 километрах от города, который, согласно классификации по величине, является средним городом России (Градостроительство: Ст. 4. П. 4). Большое — одно из самых близко расположенных к городу поселений района, как и деревня Никулино, его административный центр прилегает к федеральной трассе. Близость к городу и хорошая транспортная доступность стирают четкие оппозиции города и села. Многие жители поселения включены в процесс маятниковой трудовой миграции и проводят в селе меньшую часть времени в течение недели. Как сформулировано в альбоме к юбилею села, Большое — это «то ли село, то ли

---

⁴ В целях обеспечения безопасности для героев исследования все топонимические названия и имена в тексте изменены и не указывается точное название региона.

⁵ Точное количество жителей в поселении неизвестно даже самим сельским управленцам, т.к. они не обладают регистрационными полномочиями и получают сведения о зарегистрированных на территории поселения людях, к примеру, из данных переписи, присылаемых им сверху списков избирателей или от жителей напрямую. Последние, впрочем, не всегда сообщают в сельскую администрацию об изменении своего статуса. К тому же, большое количество людей в сельских поселениях прописано, но не проживает постоянно — например, молодые люди, которые после школы часто уезжают учиться и жить в город.

пригород». Небольшое расстояние от города, зависимая от городской структура потребления и вовлеченность жителей в ежедневные маятниковые миграции действительно позволяют сопоставить Большое с пригородом — «сельской территорией, находящейся в промежуточном положении между городом и деревней (по быту и образу жизни, состоянию социально-бытовой и инженерной инфраструктуры)» (Бреславский 2017: 8).

На момент полевой работы в Большовском поселении отсутствовали серьезные проблемы с дорогами, газификацией и водоснабжением (несмотря на то что в Заречной не было водопровода, это в какой-то мере компенсировалось водоразборными павильонами подготовки питьевой воды, установленными в рамках федерального проекта «Чистая вода»). В этом поселении работали школа, детский сад, два фельдшерско-акушерских пункта (ФАП-а) в Большом и Заречной, дом культуры в Большом (зареченский клуб был закрыт), библиотека, почта, продуктовые магазины, пекарня, мельница, а на въезде в село возвышался храм. Важным источником рабочих мест здесь была агрофирма (бывший совхоз) — один из главных символов поселения, чья эмблема была расположена на трассе у въезда в село. На предприятии работали около ста сорока человек: местные и большое количество приезжих из соседних деревень или города. Кроме того, ввиду постоянной нехватки кадров агрофирма приглашала на работу граждан Казахстана, с которым граничит регион. В результате значительную часть населения Большого составляли приезжие, а «коренные жители» (т.е. родившиеся здесь) находились в меньшинстве. Этнический состав жителей был разнообразным: русские, казахи, армяне, украинцы, чуваши, татары, мордва и поляки⁶.

Второе поселение, в котором я работала, Павловское — это зеркальное отражение Большовского, поэтому оно и было выбрано в качестве еще одного места исследования (октябрь–ноябрь 2022 г.; сентябрь 2023 г.). «У нас село, а там вообще деревня⁷», — как-то сопоставила два административных центра поселений глава Большовского поселения. Павловское сельское поселение находится в 70 километрах от города и является самым дальним поселением района, что активно подчеркивалось как жителями других населенных пунктов, так и самими павловчанами. Это сельское поселение также состоит из трех населенных пунктов — села Павлово (~240 чел.), деревни Ильинки (~210 чел.) и деревни Шумиловки (официально 1 чел.). Общая численность населения здесь около 450 человек, преимущественно пенсионного возраста, что примерно в три раза меньше

⁶ Информация была предоставлена главой Большовского поселения.

⁷ В остальное время для характеристики Большого разными жителями и самой главой поселения использовались слова «село» и «деревня» как взаимозаменяемые. Различие между «селом» и «деревней» было принципиально в контексте сопоставления двух административных центров сельских муниципалитетов. Оно указывало как на расстояние от города, так и на количество и состав населения.

разнообразного населения Большовского поселения. Этнический состав населения также гетерогенен: русские, казахи, чуваши, украинцы⁸. В Павлово, как утверждали жители поселения, проживали в основном «местные», тогда как в Ильинке «приезжие» или более «молодые», переехавшие туда после 1980-х гг. на работу или купившие там дом, выйдя на пенсию. Эти два населенных пункта поселения активно противопоставлялись жителями (см. Глава 2), и если Павлово считалось «деревней» и «глушью», то об Ильинке местная жительница как-то сказала, что «деревня» — не подходящее слово для этого населенного пункта: «Мы просто отработали и приехали сюда [на пенсию]».

Павловское поселение не прилегает к федеральной трассе — от нее к населенным пунктам ведет дорога худшего качества, заканчивающаяся бетонными плитами в самом Павлово. Общественный транспорт до города или соседнего сельского поселения ходит несколько раз в день. Во время моей полевой работы на территории поселения не было работающих предприятий и школ, среди значительной доли жителей было распространено регулярное употребление алкоголя. Жители не пенсионного возраста держали хозяйство, занимались промыслами (изготовлением и продажей самогона, продажей фермерской продукции, продажей вязанных изделий, мелкими ремонтными работами), жили на государственные выплаты, работали вахтовым методом или были устроены в немногочисленных организациях на селе. Бывшие совхозы, переформатировавшиеся в годы перестройки благодаря участию предприятий, базирующихся «на Севере», в частные агрофирмы (со своей пекарней, сыроварней, ткацким цехом и гостиницей), обанкротились в 2010-х гг., после чего постепенно закрылись и школы. Однако в обоих населенных пунктах поселения работали новые модульные фельдшерско-акушерские пункты, сельские клубы и продуктовый и хозяйственный магазин; в Павлово также была библиотека, спортивный клуб и почта. Когда в 2023 г. клуб в Павлово временно закрылся в связи с уходом заведующей, один из местных жителей сказал: «Всё, капец деревне. Лет пятнадцать еще и всё».

Герои исследования

В Большовской администрации на момент полевой работы (август–сентябрь 2021 г.; июль–август 2023 г.) служили: глава поселения Анна⁹ (1970 г.р.), живущая в Большом с 1990-х гг. и занимавшая свою должность с 2010 г.; ведущий специалист Ксюша (1987 г.р.); специалист по похозяйственному и воинскому учету Елена (~1976 г.р., уволилась в

⁸ Информация, известная по материалам полевой работы.

⁹ В целях упрощения чтения все служащие администраций представлены только личными (измененными) именами без отчеств, с сохранением уменьшительной формы имени, если в реальности к этим людям я использовала такую форму обращения (как правило, к своим собеседникам я обращалась по имени-отчеству). Другие герои, особенно старшего возраста, представлены именами и отчествами.

2022 г.); бухгалтер Настя (~1995 г.р.), водители Дмитрий Николаевич (~1954 г.р., уволился в 2022 г.) и сменивший его Петр Максимович (~1956 г.р.), а также специалист по социальной работе и отец Ксюши Михаил Евгеньевич, работавший с начала пандемии Covid-19 «на удаленке», т.е. практически не присутствовавший в администрации (1961 г.р., ушел на пенсию в 2022 г.), его сменила недолго задержавшаяся в Большом специалист по социальной работе Рената (1972 г.р.). Настя, Петр Максимович и Рената каждый день приезжали на работу из другого места: двое из них жили в соседних сельских поселениях, а Настя — в городе.

В администрации Павловского сельского поселения служили: глава Надежда (1970 г.р.) — ровесница Анны, вступившая в свою должность также в 2010 г.; ведущий специалист и специалист по воинскому учету Валерия (1970 г.р.), ведущий специалист (бухгалтер) Юлия (1986 г.р.), специалист по социальной работе Ира (1977 г.р.), водитель Тимур (1980 г.р.) и уборщица Зоя (~1975 г.р.). Главы регулярно поддерживали связь, а до пандемии служащие Большовской и Павловской администраций совместно отмечали праздники. Остальные многочисленные герои, благодаря которым состоялось это исследование, будут представлены непосредственно в тексте диссертации.

Здесь же стоит оговорить, что важное значение для данной диссертации имеет то, что в ней исследуются два случая «женского» сельского управления — весьма распространенного в изучаемом регионе: в момент исследования около половины глав сельских муниципальных образований района были женщинами. Гендерная принадлежность структурирует доступ к властным ресурсам и задает определенный стиль управления, который может быть не характерен для представителей другого пола, использующих иные стратегии действий (см. Архипова 2023). Коллективы обеих администраций были преимущественно женскими по своему составу. При этом следует отметить, что, в отличие от случаев женского управления, описанных Анастасией Ярзуткиной (Ярзуткина 2025), главами исследуемых мной поселений не были задействованы матrimonиальные ресурсы: одна из них пережила тяжелый развод, другая проживала с мужем, но в обоих случаях (экс-)супруги глав не обладали важной конфигурацией капиталов в сельском социальном пространстве, не были включены в социальные сети значимых обменов и не участвовали в управлении.

Методология полевой работы и объем исследуемого материала

В работе использовались методы включенного наблюдения, неформальных бесед и полуформализованных интервью. В Большовском поселении я жила в одном доме с главой Анной, в Павлово снимала комнату у специалиста по социальной работе Иры, в

Ильинке, где провела около недели, арендовала комнату у пенсионерки Галины Тимофеевны. Мою роль удачно сформулировала в первый приезд сама Анна, переведя мои долгие объяснения про социальную антропологию в емкую формулировку «студентка на практике». Как «студентка на практике», я ежедневно ходила на работу в сельскую администрацию вместе с Анной или Ирой, а по выходным нередко уезжала. Закрепленной должности в администрации у меня не было, но мне регулярно поручали разную несложную работу — заполнить анкеты от партии, написать письмо президенту или помочь с поздравлением начальнику, разнести по почтовым ящикам информационную продукцию, ответить на звонки, когда в кабинете никого нет, и т.д.

В общем и целом, герои моего исследования позволяли мне включаться в работу и, что не менее важно, давали возможность наблюдать за ее ежедневным ходом. Когда это было возможно, я сопровождала служащих в поездках «по территории» или в город и при «обходах». О том, что я пишу диссертацию, было известно всем моим собеседницам и собеседникам. В течение дня я делала заметки в телефоне, которые позже превратились в подробные записи полевого дневника, к концу полевой работы состоящего из 650 страниц. Кроме того, со всеми служащими проводились биографические интервью или серия неформальных бесед. Также были записаны четыре телефонных интервью с главами других сельских поселений того же района, материалы которых вошли в данную диссертацию. Начиная со второго этапа полевой работы проводилось исследование за стенами сельских администраций — интервью и беседы с местными жителями, прогулки и наблюдения, участие в коллективной деятельности. У меня не было цели собрать строгую репрезентативную выборку данных, но необходимо было составить объемное представление об опыте и точке зрения разных жителей, чтобы ухватить общие механизмы и принципы сельского управления.

Организация полевой работы посредством включения в социальную жизнь села (участие в подготовке и проведении выборов, помочь в организации поминок, совместный отдых на пикнике и общая работа по хозяйству) позволила мне познакомиться с разными сельскими жителями и увидеть, как в реальном времени осуществляется сельское управление, если смотреть на него глазами управленца или управляемого.

Научная новизна исследования

Научная новизна представленной диссертации заключается, во-первых, в антропологическом исследовании российской низовой (сельской) бюрократии. Как было сказано ранее, бюрократические системы России и их сотрудники — достаточно редкий

объект работ отечественных и зарубежных антропологов. Диссертация вводит в научный оборот принципиально новый материал о рабочей повседневности современных сельских управленцев.

Во-вторых, в диссертации предпринимается попытка комплексного анализа управления с учетом не только общего институционального контекста, но и норм сельского социального пространства и актуальной для героев исследования концепции государства и власти. Таким образом, данная работа позволяет, с одной стороны, получить новые знания об одном из вариантов сельского управления в современной России; с другой стороны, дает возможность глубже исследовать устройство самого сельского социального пространства и характерных для него норм и социальных ожиданий.

В-третьих, в исследовании применяется этнографический метод включенного наблюдения, делающий возможным нюансированное исследование внутренней механики сельского управления и, шире, государственного устройства, каким его видят конкретные сельские жители.

Положения, выносимые на защиту

1. Несмотря на существующий образ сельских управленцев как «хозяев территории», в реальности они находятся в отношениях двойной зависимости и подотчетности. С одной стороны, на уровне государственного социального пространства, степень и форму их дискреции определяет централизованная («командная») структура муниципальной власти в России 2020-х гг. С другой стороны, на уровне локального социального пространства, — особенности конкретных поселений и взаимоотношений управленцев с сельскими жителями.
2. Сельские чиновницы сталкиваются с серьезными структурными ограничениями, проявляющимися, к примеру, в устройстве темпоральности сельской бюрократии, а именно в *хронополитике срочных требований* и *хронополитике заботы*, развивающих у сельских управленцев специфическое *практическое чувство времени*.
3. Сельские бюрократы обладают авторитетом — это хрупкая форма власти, которая не гарантируется их положением априори, но нуждается в постоянном переподтверждении в каждом конкретном взаимодействии с односельчанами. Сельский авторитет складывается из составляющих, отсылающих к местным представлениям о «сельскости». В рабочей повседневности местных муниципальных служащих демонстративно реализуются такие слагаемые «сельскости» как *знание, простота, безотказность и трудолюбие*. В

соответствии с выделенными слагаемыми, сельские управленцы накапливают и демонстрируют в рабочей деятельности *культурный*, *аффективный*, *социальный* и *символический* капиталы, необходимые для исполнения своих обязанностей.

4. Сельские управленцы классифицируют социальное пространство своих поселений, и этот процесс предлагается называть *моральной картографией*. В ходе подобного классифицирования служащие подспудно формулируют образ идеального управляемого (самостоятельного, трудолюбивого, сочувствующего управленцам и не требовательного). Моральная карта населенных пунктов позволяет бюрократам утверждать свой статус авторитетных управленцев («хозяев территории») при всей уязвимости их позиции.
5. Важная роль в сельском управлении отведена (вос)производству *аффекта сельской свойскости*. Для сельских чиновниц главным позитивным аспектом работы, позволяющим оправдывать ее негативные стороны, служит помочь другим людям. Для жителей, в свою очередь, одной из главных функций сельской администрации и государства в целом является забота о населении, что требует от сельских управленцев делать свою работу видимой для жителей. Перформативно воспроизведенная во взаимодействиях чиновников с жителями сельская «свойскость» и «простота» становится для управленцев осознанной техникой работы и эксплуатируется системой муниципального управления.
6. Социальное и инфраструктурное благополучие видится управленцам и большинству жителей одновременно как *гоббсианский дар* государства, не связанного обязательствами, и как результат проявления воли отдельных личностей. При этом передавая односельчанам свободный дар государства из своих рук, сельские управленцы воспринимают свои личные взаимодействия с жителями как *московский дарообмен*, который производит обязательства взаимности и солидарности. Подобная сложноустроенная концепция взаимоотношений вступает в противоречие с другой популярной у жителей идеей *договора с государством*.
7. Как «управленцы», так и «управляемые» не воспринимают (само)управление как горизонтально устроенный процесс, в котором каждый человек должен принять активное участие и быть инициативным — на самом нижнем уровне управления заметен характерный для современной российской политики *персонализм*, который предполагает

восприятие управления как цепочки волевых действий и силы *хаизмы* отдельных личностей.

8. В исследуемых поселениях сельские администрации играют главную роль в управлении при декларируемой пассивности и разобщенности сельских жителей. Вместе с тем функционируют и альтернативные структуры управления в обход официальных бюрократов, они выстроены вокруг отдельных личностей, обладающих особым культурным капиталом и качествами характера, — *вернакуллярных бюрократов*. Управление без участия сельских управленцев может быть эффективным, однако наиболее гармоничным вариантом является кооперация жителей с сельскими чиновниками.

Теоретическая и практическая значимость работы

В данной диссертации представлен ряд рассуждений, которые оказались возможны благодаря продолжительному этнографическому исследованию. Впервые управленческая практика современных российских сельских муниципальных служащих изучается с применением метода включенного наблюдения. Полученные благодаря использованию данного метода выводы вводят в научный оборот антропологии бюрократии российский материал и вносят свой вклад в теоретическую дискуссию о степени автономии и соотношении агентности и структуры на примере российских уличных бюрократов.

Подходы, примененные для анализа практики сельского управления, и изложенные в диссертации соображения могут быть задействованы для разработки законодательных инициатив в области муниципального управления, а также использованы для создания учебных курсов по антропологии бюрократии, социальной и политической антропологии. Так, материалы проведенного исследования уже были использованы в лекционных и семинарских занятиях по курсам «Социальная антропология» («Антропология бюрократии» совместно с Александрой Мартыненко), «Введение в изучение Сибири и Севера» («Моральная экономика» совместно со Степаном Петряковым; «Главы северных поселков» совместно с Анастасией Ярзуткиной), «Антропология бюрократии и государства» (совместно с Александрой Касаткиной, Александрой Мартыненко, Никитой Шевченко и Степаном Петряковым) в Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2022–2025 гг.

Структура диссертации

Диссертация устроена по принципу воронки. Она состоит из пяти глав, в каждой из которых раскрывается один из контекстов сельского управления. «Обрамляющие главы» (Глава 1, 4, 5) в большей степени концентрируются на влиянии государственного социального пространства, а «внутренние» (Глава 2, 3) — на микрополитике управлеченческой практики в конкретных сельских поселениях. При этом с учетом выделенных четырех слагаемых нормативной сельскости («знание», «простота», «безотказность» и «трудолюбие») во «внутренних» главах анализируется, как в управлении проявляется каждое слагаемое (Главы 2–4). Поскольку управление — процесс, в котором поведение каждого агента взаимно обусловлено, во всех главах так или иначе анализируется взгляд на управление разных жителей поселений. В заключительных главах (Глава 4, 5) перспективе жителей уделяется большее внимание.

Глава 1 «Структурные особенности сельского управления: двойная зависимость и темпоральность сельской бюрократии» посвящена изучению общей структуры сельского управления. На примере анализа темпоральностей сельской бюрократии и отношений между ними (хронополитик) рассматривается, с какими структурными ограничениями сталкиваются местные управленцы — не суверены своих поселений, но вдвойне зависимые (от «района» и от «населения») чиновники, переживающие чувство непредсказуемости ближайшего будущего и небезопасности и координирующие свои действия с опорой на проекты будущего, которые они создают в ходе ежедневной работы. Анализируется профессиональный габитус сельских чиновников и делается вывод, что он связан с предвосхищением и интерпретативным трудом, в ходе которого бюрократы пытаются заранее предсказать развитие событий, выбирая с опорой на это предвидение стратегию действий.

От временного аспекта сельской бюрократии в Главе 2 **«Взгляд на территорию: моральная картография как сельское знание и управлеченческий навык»** осуществляется переход к пространственному. Здесь анализируется, как сельские управленцы видят территорию поселения, которым они управляют. Классифицируя жителей и целые населенные пункты, бюрократы создают моральную картографию поселений, которая отражает желаемое для бюрократов поведение «населения». Характеризуя населенные пункты посредством дилеммы, сельские управленцы определяют различия территорий в степени выраженности ценности нагруженного для них, как для чиновников, признака (степень «сельскости» и готовность самостоятельно заниматься решением проблем). Знание «характера» жителей поселения позволяет служащим не только эффективнее организовать работу, но и сформировать ожидания, и

выработать способ оправдания управленческих успехов и неудач. Кроме того, классификации жителей позволяют на риторическим уровне реализовать популярную идею о местной власти как о «хозяевах территории».

В центр Главы 3 «**Аффекты сельского управления**» помещается следующая характерная сельская черта — «простота». Анализ аффективного режима российского сельского управления позволяет увидеть, что, подчиняясь требованиям, с одной стороны, государственного политэкономического режима, с другой стороны, локального социального пространства, сельские бюрократы активно занимаются аффективным трудом, (вос)производя в коммуникации с жителями эффект сельской участливости, который они надеются обменять на содействие в управлении. Аффективный капитал сельских бюрократов, как сумма продемонстрированных ими в коммуникации с жителями эмоций, конвертируется в капитал символический и вместе с тем становится для управленцев наиболее значимой частью работы на фоне «бумажного» и потому невидимого нематериального труда.

В Главе 4 «**Сельский авторитет и обменные отношения**» анализируется влияние на рабочую практику сельских управленцев моральных сельских принципов взаимопомощи (безотказности) и трудолюбия. Здесь проблематизируется устройство сельского авторитета — хрупкой формы господства, которая нуждается в постоянном переподтверждении в ходе обменных отношений. Сельское управление устроено персоналистски — социальное и инфраструктурное благополучие видится управленцам и другим сельским жителям как гоббсианский дар ничем не обязанного государства и/или как результат настойчивости отдельных личностей. Это вступает в конфликт со взглядом некоторых жителей на отношения с государством как на регулирующиеся договором. Передавая односельчанам дар государства из своих рук, сельские управленцы воспринимают личные взаимодействия с жителями как московский дарообмен, который позволяет им рассчитывать на взаимность.

В Главе 5 «**Управление в обход: вернакулярная сельская бюрократия и культура государства**» поднимается вопрос о том, может ли управление селом быть устроено в обход официальных управленцев. Демонстрируется, что среди героев исследования не распространена сама идея горизонтально устроенной самоорганизации без ярко выраженных лидеров, и даже минимальное бюрократическое знание распределено между несколькими наиболее «грамотными» и бюрократически агентными людьми — вернакулярными бюрократами. На примере анализа практик альтернативного муниципальным служащим управления реконструируется культура государства, в рамках которой государство видится как источник благ, добиться до которых позволяет

внеповседневная харизма влиятельных лиц и настойчивость. Показано, что современная бюрократическая система в России устроена двояко: она иерархизирована и цифровизирована, но одновременно с этим требует особого бюрократического знания и габитуального умения взаимодействия с государством. В этой ситуации сельские бюрократы не персонифицируют государство, но служат наиболее подготовленными посредниками во взаимодействии с ним.

Заключение обобщает все сделанные этнографические наблюдения и аналитические рассуждения и объясняет, почему теория уличной бюрократии с ее идеями относительной автономии и дискреции низовых чиновников не вполне применима к исследованию сельского управления в России начала 2020-х гг. Предпринимается попытка дать ответ на вопрос, насколько сельская администрация — необходимый орган власти в сельских поселениях, что приводит к новым вопросам, побуждающим к дальнейшим исследованиям.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Результаты диссертационного исследования были представлены в ряде докладов на научных мероприятиях:

- 1) «Потому что в селе и несмотря на это: сельскость в “обыденных социологиях” и рабочей практике бюрократов “на земле”», регулярный семинар в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН «Новая сельскость» (17 декабря 2021);
- 2) «Классифицированная сельскость: “менталитет”, “устой” и “образ жизни” как контекст бюрократического управления на местах», научный семинар «На хвосте у Левиафана: антропология бюрократии в современной России» (ЕУСПб, 16–17 декабря 2022);
- 3) «“Жить в глухи”: символическое значение инфраструктуры в ландшафте сибирского села», международная конференция «Все меняется: климат, общество, ландшафты» (Ереван, 6–7 октября 2023);
- 4) «“Свои люди”: о формальности неформальных и неформальности формальных отношений в системе сельской бюрократии», общероссийская научная конференция «Выставка Достижений Научного Хозяйства — XVII» (ЕУСПб, 22–23 марта 2024);
- 5) «Говорить по-простому и помнить о людях: об аффективном труде сельских бюрократов», международная конференция Векторы 2024 (Москва, 18–21 апреля 2024);

- 6) «“Сейчас мы совсем ничего не планируем”: хронополитика срочных требований и проживание времени сельскими бюрократами в юго-западной Сибири», Томский Антропологический Форум (Томск, 3–5 октября 2024);
- 7) «Гастрономические идеологемы в дискурсе сельских управленцев: о концепциях сытости, кормления и потребления», конференция «Съедобное-несъедобное: к антропологии пищи и насыщения» (ЕУСПб, 6–7 декабря 2024);
- 8) «Управление в обход: о сельском (само)управлении в двух не удаленных сибирских поселениях»; XVI Конгресс антропологов и этнологов России; секция 15 «Изучение (не)равенства в этнографии/антропологии» (Пермь, 1–6 июля 2025).

Отдельные фрагменты диссертационного исследования обсуждались на полевых, исследовательских и аспирантских семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге и на «Антропологическом кружке» под руководством Н. В. Скорина-Чайкова (НИУ ВШЭ СПб).

По теме диссертационного исследования автором подготовлены четыре научные статьи, три из которых — в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных исследований. Кроме того, опубликованы две аналитические рецензии на антропологические монографии, тематически близкие диссертационному исследованию и повлиявшие на его аналитическую конструкцию.

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования:

1. Захарова А. Л., Мартыненко А. А. На хвосте у Левиафана: антропологические исследования бюрократии и бюрократов¹⁰ // Антропологический форум. – 2023. – № 59. – С. 11–47. – doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-11-47.
2. Захарова А. Л. Моральная картография: классификации жителей деревень в рабочей повседневности сельских бюрократов¹¹ // Антропологический форум. – 2023. – № 59. – С. 103–129. – doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-103-129.
3. Захарова А. Л. Время сельского бюрократа: темпоральности и хронополитики муниципального управления // Этнографическое Обозрение. – 2025. – № 2. – С. 160–180. – doi: 10.13039/501100006769.

---

¹⁰ Опубликован также перевод данной статьи: Zakharova A., Martynenko A. On Leviathan's Tail: Anthropological Studies of Bureaucracy and Bureaucrats // Forum for Anthropology and Culture. 2024. No. 20. P. 63–91. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-20-63-91.

¹¹ Опубликован также перевод данной статьи: Zakharova A. Moral Cartography: Classifications of Village Residents in the Everyday Life of Rural Bureaucrats // Forum for Anthropology and Culture. 2024. No. 20. P. 139–161. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-20-139-161.

4. Захарова А. Л. Недоверие в румынской деревне (Рец. на: Radu Umbreş. Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village. New York: Oxford University Press, 2022. 228 p. ISBN: 978-0190869908) // Сибирские исторические исследования. – 2023. – № 4. – С. 308–317. – doi: 10.17223/2312461X/42/15.
5. Захарова А. Л. Рец. на кн.: James Ferguson. Presence and Social Obligation. An Essay of Share. Prickly Paradigm Press, 2021. 85 p. // Антропологический Форум. – 2024. – № 61. – С. 259–268. – doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-259-268.

В других научных изданиях:

1. Захарова А. Л. Потому что в селе и несмотря на это: сельскость в обыденной социологии и рабочей практике бюрократов на земле // Деревня как ценность. Идеологии и практики новой сельскости: сб. ст. / Ред.-сост. П. С. Куприянов, М. Л. Лурье, Е. А. Мельникова. – М.: Common place, 2026. [В печати]

Благодарности

Я хочу выразить свою благодарность факультету антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге: всем преподавателям и студентам, чьи вопросы и комментарии мотивировали меня продолжать и углублять это исследование. Я благодарна своему научному руководителю Михаилу Лазаревичу Лурье за возможность творческого поиска и поддержку на всех этапах работы, а также Николаю Борисовичу Вахтину за возможность заниматься работой над диссертацией в Центре социальных исследований Севера. Спасибо Степану Петрякову, помогавшему мне во всем от выбора темы исследования до совершенствования финального текста, а также Александре Мартыненко, Ирине Прус, Екатерине Хониневой и Никите Шевченко за вдохновляющую и дружескую обстановку, в которой проходила эта работа. Мое исследование не было бы возможным без поддержки моей семьи: мамы, дедушки и тети, их вклад в эту диссертацию нельзя описать в двух словах. За открытость и бесконечное тепло я благодарна всем героям моего исследования — как тем, чьи имена часто встречаются в тексте, так и тем, кто остался неупомянутым, но помог мне лучше понять устройство сельского управления. Особую благодарность я хотела бы выразить тем, кто в тексте диссертации представлен под именами Иры, Надежды, Алевтины Степановны, Жанны, Насти, Ксюши, Маргариты Геннадьевны, Юрия Григорьевича и, конечно, Анны, без помощи, радущия и понимающего отношения которой к моему следованию за ней по пятам эта работа бы не состоялась.

ГЛАВА 1. Структурные особенности сельского управления: двойная зависимость и темпоральность сельской бюрократии

Когда возвращались, я, заметив огромную тучу над администрацией, пошутила по этому поводу. Ксюша посмеялась: «Тучи над нами постоянно ходят». Потом она пересказала эту шутку Анне.

Полевой дневник

«Мы ничего не планируем»

Это была не совсем обычная рабочая пятница в Большовской сельской администрации. В самом ее начале, около восьми утра водитель Петр Максимович уточнил у главы поселения Анны, как скоро потребуется машина и есть ли время ее помыть, на что получил ответ: «Пока только одно задание в городе. Ждем пока появится еще другое. Так что мойте». Прошлым вечером, как это часто бывает — уже в нерабочие часы, в общем районном чате управленцев появилось сообщение о том, что до десяти утра необходимо получить агитационную продукцию. Это вызвало негодование у Анны: «Они выдают все в час по чайной ложке, выдали бы сразу». В итоге в пятницу в городе появились и другие дела, и Анна, до этого прослушавшая ежедневный утренний отчет ведущего специалиста Ксюши о сельских новостях и рабочих делах и прошедшая тест по требованию из «района»¹², до обеда успела уехать и вернуться, привезя с собой предвыборные плакаты, которые мы, к счастью, не стали вешать сразу. День спустя, в субботний выходной в чате появилось голосовое сообщение с тревожным требованием «срочно» новую продукцию снять.

Пока Анна была в разъездах, я оставалась в кабинете с бухгалтером Настей, у которой сегодня наконец появилась возможность передохнуть от выполнения требований ревизора, порой доходящих до абсурда: измерить газетную статью о поселении линейкой, чтобы убедиться в корректности указанного в отчете размера текста; запросить все недостающие чеки и справки у предприятий, оказывавших услуги администрации в последние годы; исправить неочевидные ошибки в отчетных документах и т.д. Радуясь тому, что ревизор в тот день пока не звонила, Настя отметила: «Пока время есть — зарплату сделать, а то потом некогда будет с выборами», чем и начала заниматься. Я праздно сидела с телефоном у соседнего с Настей стола, на своем обычном месте, и мы обменивались репликами. Ни во время отсутствия главы, ни после ее возвращения

---

¹² Здесь и далее в кавычках (если не указано иное) приводятся слова информантов и эмные категории.

посетителей в администрации не было, что было для меня непривычно. Свое ощущение я решила сверить с Настиным: «Было бы все сегодня спокойно и тихо... — обречено ответила девушка. — Кто его знает, на что способны наши люди».

Впрочем, и после обеда больших дел у Анны и Насти не было, обе работали с документами, периодически отвлекаясь на просмотр ленты в социальных сетях, и полтретьего (за полтора часа до конца рабочего дня) Анна предложила уйти домой пораньше, продолжив при этом листать ленту. Вдруг в начале четвертого открылась дверь и в кабинет вошли две женщины с просьбой о составлении доверенности¹³, разрешающей сестре присутствовать вместо матери на заселении своего несовершеннолетнего брата в общежитие. Посмотрев на нарушивших мирную тишину кабинета посетительниц с молчаливым возмущением (образца нужной доверенности не было, а глава хотела пойти домой), Анна, однако, ответила: «Давайте будем что-нибудь придумывать». Тут же раздался звонок — другая жительница просила сделать для нее выписку из похозяйственной книги.

Так в один миг размеренный день наполнился неотложными делами. «Почти два с половиной часа ни телефон не трезвонил, никому ничего не нужно было, — поделилась с посетительницами Анна. — Я уж думаю, какая пятница хорошая у нас, сама себя сглазила. У нас же пятница как всегда, будто конец света, будто жизни больше не будет». В конце концов, составив оба документа, домой служащие администрации, как и в большинстве случаев, ушли позже, чем предполагал формальный график работы.

Стоит сказать, что в принципе рабочее время, указанное на входе в кабинеты сельских чиновниц, — с восьми до четырех — не отражает режим их работы. Описанный рабочий день служащих Большовской администрации позволяет увидеть характерную черту работы сельских бюрократов — «ориентацию на задачу» в большей степени, чем «на время» (Thompson 1967), т.е. опору скорее на конкретный социально укорененный и ежедневно пересобираемый набор дел, нежели на график работы по часам. Профессиональные обязанности служащих администрации определены довольно широко и сводятся к «решению вопросов местного значения»¹⁴ (Федеральный закон № 131: Гл. 3. Ст. 14). На практике это означает, что фактическое время работы сельских бюрократов зависит от объема и срочности задач на конкретный день. В этом смысле сельские управленцы могут быть сопоставлены, к примеру, с врачами, регулярно

¹³ На момент полевой работы сотрудники сельских администраций имели право совершать некоторые нотариальные действия (Федеральный закон № 131: Гл. 3. Ст. 14.1. П. 1), при этом их услуги стоили в разы дешевле, чем у городских нотариусов. В 2024–2025 гг. объем нотариальных полномочий сельских бюрократов в исследуемом районе был значительно сокращен.

¹⁴ Под «вопросами местного значения» фактически понимаются все возможные задачи, касающиеся воздействия на физическое и социальное пространство поселения или поддержания порядка в них.

задерживающимися в отделении из-за своих пациентов (Zerubavel 1979: 49). Работа служащих сельской администрации предсказуемо непредсказуема, и эта ожидаемая непредсказуемость — ключевая характеристика особого темпорального режима сельской бюрократии.

Как-то накануне дня рождения Анны Настя поручила мне деликатное задание. Чтобы украсить их общий кабинет, ей нужно было знать, придет ли глава на работу как обычно к восьми утра или поедет тем утром на поминки родственницы. Я жила с главой в одном доме и, наконец улучив подходящий момент, за пару дней до события спросила, поедет ли она на поминки. На этот вопрос Анна ответила уклончиво: «Как на работе будет. Тут же видишь какая непредсказуемость». День рождения приближался, и вопросы Анне стали задавать и коллеги-главы других поселений, о чем она рассказывала мне с раздражением: «А я откуда знаю, что будет завтра? Сегодня бы прожить».

Подобные замечания о невозможности строить четкие планы — неотъемлемая часть коммуникативного репертуара служащих сельских администраций. Их я слышала не только в Большом. «Последнее время вообще не можем планировать, — сетовала, беседуя со мной о работе, Надежда, глава Павловского сельского поселения. — Вот с этими коронавирусами, со всеми на свете мы вообще ничего не планировали. Раньше как-то маленько-немножко... ну как-то поскромнее было. <...> щас мы совсем ничего не планируем. Ничего! Как пойдет — так пойдет!» Подобные высказывания и наблюдаемые мною способы обращения со временем, которых придерживались героини моего исследования, кажутся мне удачной отправной точкой для анализа общего структурного контекста сельского управления. В самом ли деле сельские чиновники не могут строить планы? Чем именно конституирована эта (не)возможность? Как соотносятся способы обращения местных управленцев со временем с особенностями подвластных им поселений? И почему о не-планировании даже ближайшего будущего сельские бюрократы так часто заявляют вслух? Иными словами, помещая в центр этой главы темпоральный аспект сельской бюрократии, я предлагаю исследовать специфическую структуру сельского управления, какой я наблюдала ее в двух сибирских сельских поселениях в 2021–2024 гг., смотря изнутри кабинетов сельских чиновниц.

Темпоральности бюрократии

Итак, анализ структурного контекста сельского управления будет центрирован вокруг изучения специфической *темпоральности* сельской бюрократии. Меня интересует не столько субъективное время каждой служащей Большовской и Павловской администраций в отдельности (ведь на способы обращения со временем и его восприятие,

несомненно, влияют и индивидуальные особенности характера, здоровья и биографии каждой героини — перфекционизм, болезни, боязнь темноты, тяжелый развод, семейные обязанности и т.п.), сколько то восприятие времени и способы обращения с ним, которые в общем и целом разделяют служащие сельских администраций как социальный класс — «совокупность агентов, занимающих сходную позицию» (Бурдье 1993с: 59).

Однородного и единого (сингулярного) времени не существует. Согласно Николаю Скорину-Чайкову, в каждом социокультурном контексте время распадается на множественные вступающие в отношения друг с другом темпоральности, которые несут за собой разные явления, вещи, «системы действия», политики, образы жизни и т.д. (Скорин-Чайков 2021). Например, можно вообразить «темпоральность развития», заложенную в стремлении директора совхоза и районных чиновников обеспечить эвенков комбикормом (Ssorin-Chaikov 2017: 19–37); а можно, наверное, представить себе темпоральность свечи, время горения которой в прошлом могло повлиять на то, когда именно ночью писатель отложит перо в сторону. Соответственно, мы можем говорить о темпоральности в привязке к чему угодно — и это один из главных пунктов критики концепции множественных темпоральностей (Агадов и др. 2021: 109, 111). Однако в контексте моего исследования данный подход кажется мне продуктивным. Во-первых, он позволяет анализировать одновременно и представления о времени конкретной группы людей, и связанные с ними образы действия. Во-вторых, он учитывает взаимосвязь времени и пространства¹⁵. В-третьих, анализ отношений между темпоральностями позволяет получить более глубокое знание о социальной структуре, т.к. предполагает внимание к тонкостям взаимодействия между разными агентами.

Темпоральность бюрократии — в целом популярный объект исследования, однако чаще всего ученые подходят к ее анализу со стороны клиентов (в особенности мигрантов): изучают темпоральный опыт посетителей разных бюро, рассматривая их как жертвы структурного насилия, вынужденных тратить время на многочисленные и абсурдные процедуры и подолгу ожидать решений, т.е. часто речь идет о характерной для бюрократии жестокой нерасторопности (см., например, Griffiths 2013; Гребер 2016; Geoffrion, Cretton 2021 и мн.др.). Время самих чиновников оказывается в зоне видимости ученых реже. Среди наиболее известных примеров — книга Эвиатара Зерубавеля о социо-темпоральном порядке одной американской больницы (Zerubavel 1979). Создавая «темпографию» рабочей жизни медицинских специалистов, Зерубавель исследует

¹⁵ При этом «темперальность», на мой взгляд, охватывает разрозненные термины со схожим значением связи времени и пространства — «временной ландшафт», timescape (Bear 2016); «время-пространство», timespace (May, Thrift 2003); «хронотоп» (Бахтин 1975) — и позволяет избежать путаницы и/или долгого разговора о понятиях.

tempоральные циклы медицинской рутины («хронемы») и принципы структурирования времени врачей, медсестер и интернов в их взаимосвязи с представлениями о морали, профессиональной ответственности и этике.

Кажется, что у сотрудников американской больницы 1970-х гг. и российских сельских бюрократов 2020-х гг. мало общего, но на деле, как было сказано ранее (см. Введение), их труд схож — и сельские чиновники, и медицинские работники могут быть отнесены к «уличным бюрократам». Майкл Липски также обращает внимание на темпоральность уличной бюрократии, а именно на постоянную нехватку времени у низовых служащих, которая, по его предположению, заставляет сотрудников определять среди клиентов более или менее «достойных» (Lipsky 2010: 29–39; 140–156).

Дефицит времени — пожалуй, самая распространенная проблема, которой уделяют внимание исследователи, пишущие о темпоральности бюрократов (White 1998). Большое количество дел ведет к тому, что стирается грань между работой и личной жизнью (см., например, Zerubavel 1979; Murphy, Skillen 2015; Гудова 2020) и возникает необходимость сонастройки собственного ритма работы с темпоральностью клиентов, нуждающихся в помощи своевременно (Andersen, Bengtsson 2019; Mathur 2015). Так, бюрократические конторы оказываются локусом, где переплетается множество темпоральностей: организации, группы сотрудников, служащих как отдельных личностей, клиентов... Однако можно обобщить, что структура, правилам которой подчинены чиновники, какой ее представляют в исследованиях, часто не выходит за пределы организаций или сводится к индивидуальным представлениям людей, по обе стороны участвующих в бюрократическом процессе. Ученые анализируют в первую очередь то, как на поведение сотрудников влияют организационный контроль, потребности клиентов или собственные представления чиновников о справедливости и норме, подробно не рассматривая взаимосвязь этих представлений или конкретных особенностей работы с явлениями более широкого порядка — в частности, с региональной / государственной политикой, как это, к примеру, делает Наяника Матур (Mathur 2015).

Матур обращается к той же бюрократической нерасторопности и связывает медлительность индийской бюрократии с неоднозначностью нескольких законов, интерпретация и соблюдение которых вызывают затруднения не только у простых жителей, но и у самих бюрократов. Матур подчеркивает, что для общей бюрократической темпоральности важна сложившаяся рутина документооборота и переплетение в этом процессе нескольких темпоральностей, которые автор выделяет, ссылаясь на Скорина-Чайкова (Ssorin-Chaikov 2006). Благодаря разговору о разных темпоральностях внутри

бюрократического процесса, Матур детализирует анализ производства неравенства и глубже изучает его локальные предпосылки.

«Обращая внимание на время, мы можем критиковать и измерять неравенство по-новому» (Bear 2016: 489). Как, к примеру, показывают Анастасия Карасева и Мария Момзикова, разница часовых поясов в России ставит удаленные от Москвы по времени регионы в ситуацию темпорального неравенства, заставляя сотрудников в этих регионах выстраивать свою жизнь так, чтобы подстраиваться под москвичей (Карасева, Момзикова 2019). Т.е. основаниями для темпоральных практик жителей Владивостока и Магадана становятся географические особенности страны и характерная для России структура ярко выраженного и привилегированного «центра» (Москвы) — «периферии» (остальной России). О той же пространственной иластной иерархии как об условиях темпоральной гегемонии пишет Елена Гудова, в центре исследования которой находится «амбитемпоральность» работы сотрудников «Почты России» (Гудова 2020).

Помещая в центр данной главы темпоральность сельских бюрократов, я надеюсь прояснить некоторые важные аспекты отношений в системе муниципального управления в России 2020-х гг. Первая часть главы посвящена разговору о том, как организованы отношения сельских бюрократов с другими агентами в существовавшей на момент полевой работы структуре муниципального управления. Затем анализируется, каким образом данная структура управления инкорпорируется служащими двух сельских администраций посредством научения особому способу восприятия времени и управления им. Так, в главе будет показано, чем именно производится и поддерживается разделяемое сельскими управленцами ощущение невозможности планировать будущее, специфический темпоральный режим и техники их работы.

Командная работа

Один из ключевых тезисов теории уличной бюрократии состоит в том, что работа «на уровне улицы» не только сопряжена с дискрецией и возможностью самостоятельно выбирать, кому одобрить предоставление тех или иных услуг или в отношении кого предпринять какие-либо санкции; работа уличных бюрократов предполагает и значительную степень автономии от начальства (Lipsky 2010: 13–26). «Природа работы на уличном уровне затрудняет надзор за их деятельностью <...> служащие уличного уровня определяются как “основные творцы политики” (ultimate policymakers), а не просто как последнее звено в цепи исполнительной власти» (Maynard-Moody, Portillo 2010: 258–259).

Формально статус современных российских сельских бюрократов соответствует этому утверждению. По Федеральному закону, муниципальные образования, к которым в

момент проведения исследования (до реализации реформы муниципального самоуправления) относились и сельские поселения, должны были заниматься «решением вопросов местного значения» самостоятельно. Однако в реальности дело, как кажется, уже долгое время обстоит иначе, и введенное в 2020 г. понятие «системы единой публичной власти» (Конституция РФ: Гл. 8. Ст. 132; Федеральный закон № 394; № 414; № 33) лишь юридически закрепило существующую властную вертикаль¹⁶. Более того, в конце 2024 г. в сельских администрациях исследуемого района были ликвидированы должности бухгалтеров, и функция распределения бюджетных средств была полностью передана на уровень района, еще сильнее ограничив дискрецию сельских чиновников.

То, что сельские администрации вписаны в систему «единой публичной власти», заметно при первом же взгляде на кабинеты, в которых они работают. В Большом в кабинете Анны за ее спиной на полке слева и справа были размещены портреты главы муниципального района и губернатора, рядом с ними стояли кубки за победу на районных фестивалях, а над шкафом возвышался выточенный из дерева герб Российской Федерации. Напротив над столом бухгалтера Насти висели оформленные в рамки фотографии, на одной из которых Анна, широко улыбаясь, стояла рядом с главой района и влиятельным депутатом Областной Думы, а на другой был запечатлен большевский вокальный ансамбль возле экс-губернатора региона, ныне чиновника более высокого уровня. Прилегающая стена кабинета была обильно увешана грамотами за участие или победу служащих администрации в спортивных и творческих районных соревнованиях, а также грамотами за добросовестную работу от политической партии «Единая Россия», членами которой являлись служащие администрации. Подобным образом были украшены и кабинеты в Павловской администрации, где так же на стенах размещались выданные «районом» многочисленные грамоты и дипломы, а в большом зале гордо являл себя идентичный большевскому деревянный герб, но, впрочем, отсутствовали портреты вышестоящих в иерархии чиновников.

¹⁶ Об истории централизации муниципалитетов Российской Федерации с 1990-х до 2020-х гг. (см., например, Фадеева 2019; Моляренко 2021; Андрианов, Кащеева 2024: 233–235).

Структура муниципального управления Российской Федерации за годы существования государства менялась несколько раз, что доступно описал мне экс-глава района, где проходило исследование: «...вначале был территориальный орган Госвласть — это было как бы территориальный орган областной администрации. Т.е. назначала область главу [района]... И как бы сельские поселения, они были отдельно <...>. Потом прошла реорганизация, было создано Объединенное муниципальное образование (“ОМО”) — т.е. в который вошли уже все сельские поселения и район <...> что-то типа вертикали власти <...> Главу района избирали, когда были всеобщие выборы — т.е. весь район, все голосовали за главу, избирали главу. А глава [района] назначал уже от сельских поселений и вот. А в [Сельскую] Думу избирались тоже. А потом вот уже, где-то это, наверное, году в две тысячи четвертом, наверное, или в третьем, уже сложилась такая структура: т.е. администрация района и сельские поселения... Т.е. там же как, идут выборы сначала в Думу Сельскую, Сельская Дума назначает главу [сельского поселения] по контракту. Так же и в районе: т.е. в районе избираются сначала депутаты Районной Думы, всем районом уже избирают... А депутаты уже по рекомендации, прислушиваются к рекомендации губернатора, партии... они уже назначают по контракту главу района».

Как в ответ на мой вопрос объяснила Анна, она сама попросила специалистов администрации распечатать на цветном принтере фотографии главы района и губернатора — чтобы приходящие к главе люди, видели, «правящий строй какой сейчас идет, и куда ты попал... ты попал не к завхозу в кабинет, а к руководящему кому-то». Визуально подчеркнуть свою должность главе, как я предполагаю, было особенно важно ввиду отсутствия у Большовской администрации собственного здания — после пожара в старом здании, местная администрация уже больше десяти лет занимала два кабинета на втором этаже сельского дома культуры и библиотеки. Возможно, в какой-то степени поэтому без портретов начальников можно было обойтись в Павлово, где у сельской администрации было свое добротное и просторное деревянное здание.

Тем не менее назначение портретов и грамот на стенах не ограничивается демонстрацией принадлежности служащих администрации к представителям государственной власти как таковой. Данная атрибутика указывает на приверженность местных чиновников конкретной структуре управления и лояльность вышестоящим в иерархии служащим. «Это же во всех государственных структурах должна быть фотография. Хоть президента, — продолжала свое объяснение Анна. — <...> А как? Если я работаю в этой структуре? <...> Потому что что-то, конечно, что-то может не нравиться, но! Я же поручения все выполняю, то, что руководитель сказал свыше. <...> Не становлюсь на дыбы. Скрипя сердцем выполняем и делаем».

Особенность оформления интерьера в помещениях, в которых работали и принимали граждан сельские бюрократы, и приведенное высказывание главы поселения отлично иллюстрируют, каким образом в реальности организовано российское муниципальное управление. Как было сказано, с середины 2010-х гг. структура муниципального управления представляет собой вертикаль, укреплению которой способствуют особые эlectorальные отношения между чиновниками сельского и районного уровня (Tahara 2013: 95–97), увеличивающаяся бюджетная зависимость сельских поселений от районного и регионального финансирования и подотчетность вышестоящим органам управления (Шелудков и др. 2016: 146–149; Мазур 2018: 59; Фадеева 2019; Она же 2022). Цитируя экс-главу района (2005–2017), в котором проводилось мое исследование, и ныне советника губернатора на общественных началах Юрия Григорьевича, «...все бюджеты¹⁷ сельских поселений [в районе], они дотационные. Т.е. ни одного сельского поселения нет такого, которое бы прожило на свои деньги, на

¹⁷ Бюджет сельских администраций формируется из трех источников: дотации из бюджетов верхнего уровня, налоги и доходы от использования муниципального имущества и целевые средства на реализацию федеральных или региональных программ (Фадеева 2022: 136).

свои налоги. И бюджет района, он дотирует все сельские поселения... А у кого деньги — у того и власть».

Наш разговор с Юрием Григорьевичем проходил в холле районной администрации, куда экс-глава приехал по делам, но где у него уже не было своего кабинета. Заметив нас, молодой преемник экс-главы предложил нам пройти в чей-то кабинет, но Юрий Григорьевич отказался. В креслах шумного холла районной администрации он вспоминал о работе и старался доходчиво объяснить, как устроено управление в районе. Благодаря нашей доверительной беседе я поняла, что вертикаль власти, по мнению Юрия Григорьева, есть не только вынужденный, но и желательный или даже необходимый способ организации системы муниципального управления. «Вы знаете, вот хотя они [сельские поселения] как бы и самостоятельные... чисто вертикали власти, ее нет, но а что делать, ее приходится выстраивать все равно, — вкрадчиво сказал экс-глава и ответил на мой последовавший вопрос. — Потому что, я считаю, что без этой вертикали не получится делать в районе добрых дел. Если каждый сам по себе, одеяло каждый на себя тянет, то ничего не получается».

С точки зрения Юрия Григорьева, для организации работы управленицев наиболее продуктивным образом (т.е. так, чтобы без лишних препятствий выполнять поставленные на федеральном и региональном уровне задачи, а также запросы жителей), служащие администрации всех сельских поселений в районе должны быть солидарны друг с другом и с районным начальством. Чтобы повысить степень солидарности управленицев, Юрий Григорьевич в годы своей работы инициировал проведение множества «неформальных мероприятий», способствующих сближению сельских муниципальных служащих всего района. «Соревнования мы же проводим по рыбной ловле, допустим, — с теплом вспоминал экс-глава, — там приезжают все сельские поселения со своими командами, главы <...>, все сидят с удочкой, наловили рыбы, взвесили <...> уху варили. <...> неформальное это общение, оно сближает и формирует нам всю команду <...>. И здесь же при неформальном общении ты же обсуждаешь не только чего-то там, где-то и тихонечко и производственные вопросы обсуждаешь, поговоришь».

Стоит обратить отдельное внимание на то, что, характеризуя отношения между главами сельских поселений и служащими районной администрации, Юрий Григорьевич говорил о «команде». «Команда» — это крайне важное слово для существующей системы муниципального управления, риторика которой оказывается схожей то ли с командной системой советского управления (Кордонский 2006: 142), то ли с риторикой новой корпоративной культуры, где за внушаемой сотрудникам идеей об их принадлежности

одной «семье» или «команде» скрывается строгая иерархия и дисциплина, нацеленная на улучшение продуктивности предприятия (см., например, Casey 1999). В исследуемом мной районе слово «команда» вошло в название общего районного чата управленицев «Мы — команда!» и стало лозунгом системы управления с акцентом на личную приверженность чиновников общим интересам и на больше чем формальные отношения управленицев друг с другом. И хотя герои моего исследования не раз отмечали, что «при Юрии Григорьевиче была прямо вообще команда», тем самым намекая на негативные изменения в настоящем, «командный» принцип работы оставался здесь актуальным, по крайней мере уверенно занимая свое место в дискурсе управленицев.

Согласно Питеру Блау, неформальная структура с ее особенными практиками «так же “реальна” и так же непреодолима для членов [бюрократической организации], как и элементы официальной структуры» (Blau 1966: 46). Применительно к российской сельской бюрократии можно сказать, что «неформальность» отношений между бюрократами вполне формализована. Сама структура муниципального управления, сформировавшаяся в районе, в состав которого входят Большое и Павлово, побуждает низовых чиновников вступать в неформальные отношения друг с другом, вводя их в «командную игру»¹⁸.

При этом любопытно, что из команды района сельские муниципальные служащие зачастую исключают главу и работников районной администрации: «На субботник не поеду... Там администрация района, никто из наших не едет», — говорила Анна по телефону коллеге-главе. Разговоры с районными чиновниками и произнесенные ими на совещаниях фразы регулярно за глаза саркастически комментировались сельскими бюрократами и обсуждались со служащими других сельских администраций. Одни из самых приятных воспоминаний о полевой работе — это «ВКС-ки»¹⁹, на которых я присутствовала вместе с главой поселений, специалистами или заведующей сельским домом культуры. Прячась за выключенным микрофоном и камерой (и бдительно следя за этим), разные служащие едко комментировали слова районных чиновников, вступая с ними в невозможный в реальности диалог. Шутки и наполненное горькой иронией комментирование речи начальников даже можно назвать отдельным устойчивым жанром коммуникативного репертуара сельских чиновников. О существовании этого жанра вышестоящим бюрократам не должно быть известно, что свидетельствует о том, что на деле «команда» района воспринимается как иерархическая структура, лишь подчиненные

¹⁸ О кооперации сельских поселений, находящихся поблизости друг от друга, см. также (Архипова, Туторский 2013: 112).

¹⁹ «ВКС» — совещания по видеоконференцсвязи с районными управленцами, вошедшие в обиход сельских бюрократов во время пандемии Covid-19.

в которой (т.е. служащие сельских администраций) находятся друг с другом в равных отношениях и могут прямо высказать свое мнение.

Это сужение команды до коллектива сельских администраций противоречит изначальному замыслу Юрия Григорьевича и передает испытываемое сельскими управленцами чувство аномии — «состояния изоляции и дезориентации, часто возникающего среди низших эшелонов бюрократической иерархии» (Blau 1966: 59, 69). «И никакой поддержки мы не видим: ни добрым словом, ни морально, ни материально, — сетовала в интервью ведущий специалист Большовской администрации Ксюша. — Уважения хочется больше к профессии. В первую очередь, это должно идти от власти. Чтобы было понимание у людей, что мы не против них, а для них. Они просто [в районной администрации] сидят ждут — кинь эти цифры и раскладку. А по людям — мы. Здесь нам сложнее, мы как на фронте²⁰, и разведчики, и всё на свете. А они уже там тыловые».

Фактически повторяя тезис Питера Блау, Бернардо Зака в книге о сотрудниках американской некоммерческой организации пишет, что уличные бюрократы «не работают одни», но «задают друг другу вопросы и обращаются друг к другу за эмоциональной поддержкой и советом; они поощряют, бросают вызов и осуждают друг друга», и в этом заключается одна из характерных особенностей уличной бюрократии (Zacka 2017: 154). Действительно, главы сельских администраций, — в отличие от героев Заки, даже находясь далеко друг от друга, — ежедневно взаимодействовали посредством телефонных звонков (как, хотя менее регулярно, и специалисты — со специалистами, а бухгалтеры — с бухгалтерами). К коллегам из других поселений главы, специалисты и бухгалтеры сельских администраций обращались, чтобы проконсультироваться, какие слова подобрать в разговоре с жителем и как корректнее и с наименьшими затратами выполнить требование «района», или чтобы попросить образец нужного документа, ведь «каждое постановление должно быть на основании какого-то постановления, иначе могут конфисковать ревизоры».

Так, наравне с «командой» района — в большей степени частью корпоративного менеджмента районных управленцев, риторической оберткой, скрывающей под собой вертикаль власти, — внутри системы муниципального управления существовала и другая, горизонтально устроенная система взаимоотношений между служащими разных администраций. Сами сельские управленцы не называли эту систему взаимопомощи «командой», но именно она по сути и обеспечивала командную работу. Перед лицом общего оппонента — чиновников из районных органов управления и негативно

---

²⁰ Любопытно, что данная метафора идентична одному из наименований низовых бюрократов, которое использует и классик теории уличной бюрократии, — «frontline workers» (Lipsky 2010).

настроенных жителей поселений — служащие разных сельских администраций выстраивали систему взаимоподдержки, которая существенно смягчала тяготы существования в структуре властных отношений в позиции низового бюрократа.

Пользуясь термином Эрика Вульфа, служащие сельских администраций находились друг с другом в отношениях инструментальной дружбы, отличающейся от дружбы эмоциональной (нацеленной по большей части на удовлетворение эмоциональных потребностей) стремлением получить доступ к необходимым ресурсам и отношением к члену диады как к «спонсору» — «потенциальному связующему звену с другими людьми за пределами диады» (Wolf 2004: 11–16). Согласно Вульфу, отношения инструментальной дружбы характерны для крупных бюрократических структур, внутри которых они выливаются в формирование клик — «носителей эффективных элементов, которые могут быть использованы для уравновешивания формальных требований организации, чтобы сделать жизнь в ней более приемлемой и конструктивной» (Wolf 2004: 15). Принадлежность к клику способствует снижению ощущения давления внешних сил, обеспечивая взаимную поддержку, защищающую от неожиданных потрясений, превращая «непредсказуемую ситуацию в более предсказуемую» (Ibid.: 16).

При этом, по Вульфу, в инструментальной дружбе обязательно присутствует и заряд аффекта эмоциональной дружбы: «Первоначальная ситуация дружбы — это ситуация взаимности <...> отношения нацелены на большую и неопределенную серию выступлений по оказанию взаимной помощи» (Ibid.: 14). Я много раз наблюдала, как главы сельских поселений набирали номер коллеги не только по рабочим вопросам, но и без особого повода. Традиционный вопрос, с которого начинался диалог глав, — «Все ли у вас нормально?». Ассоциируя свою позицию с перманентно существующей возможностью чрезвычайной ситуации, главы администраций всегда находились в режиме готовности оказать коллеге требующуюся (эмоциональную, консультационную и конструктивную) помощь.

Между отдельными главами (в т.ч., между Анной и Надеждой) складывались более близкие, дружеские отношения, которые поддерживались не только посредством помощи по работе и поздравлений с праздниками, но и воспроизводились в таких неформальных контекстах, как совместные поездки в лес или в церковь и частые и долгие разговоры по телефону. С другой стороны, из реплик героев моего исследования также можно заключить, что между служащими администраций существовали и своего рода отношения конкуренции, проявляющейся, впрочем, не в том, что сельские бюрократы старались делать свою работу *лучше всех*, но в том, что они обязательно стремились быть *не хуже* других. Как объяснила мне Ксюша, служащие администрации осторегались быть

раскритикованными на совещании за самые низкие показатели вакцинации или количество сделанных звонков в рамках «обзыва» избирателей. По замечанию ведущего специалиста, за хорошо сделанное дело сельские администрации в «районе» не хвалили, но за несоответствие требованиям подвергали публичному выговору, вынуждая публично объяснять причины своего отставания. В связи с этим сельские бюрократы стремились выполнять требования «района» сверх назначенных показателей и порой делали больше работы, чем требуется, «чтобы на ВКС-ке тебя не отчитывали и не приходилось оправдываться».

Таким образом, сельские управленцы осознавали себя не суверенами отдельных друг от друга муниципалитетов, но частью общей структуры — «команды» района (как иерархически устроенной, так и горизонтальной сети коллег) и, шире, исполнительной ветви государственной власти. Это проявлялось, к примеру, в том, что служащие сельской администрации порой делали не предназначавшуюся для них изначально работу в интересах «района». Так, в 2021 г. большовские чиновницы занимались «обзвоном» избирателей несмотря на то, что депутаты в Областную Думу (куда были выборы) от поселения не выдвигались. В условиях низких показателей по проценту оповещенности совокупного населения о предстоящих выборах «район» потребовал обзванивать жителей во всех поселениях, чтобы выполнить план, предъявленный, вероятно, на более высоком уровне. Занятость этой «ненужной» для служащих Большовской администрации работой оценивалась ими, с одной стороны, как обязательство, наложенное на них премиями, выделенными незадолго до этого требования («Дали деньги — теперь отрабатывайте»). С другой стороны, данная работа осмыслялась и через моральную категорию «помощи» — «надо же помочь району [выполнить план]».

Своими действиями и репликами оспаривая базовый тезис теории уличной бюрократии служащие сельских администраций воспринимали свое положение не как «относительно автономное», но, напротив, как в высшей степени зависимое от вышестоящих чиновников и коллег. Свое положение в принципе они мыслили как вписанное в общую воображаемую «команду». По моим наблюдениям, Анна зачастую оказывалась в позиции лидера среди глав района. Она несколько раз организовывала совместные поездки глав администраций и отвечала за общее поздравление главы района в местной газете. Негодя по поводу назначенной «наверху» крайне низкой оплаты за труд водителей-частников, задействованных на выборах, Анна обзванивала нескольких глав поселений и подговаривала их высказывать районным начальникам свои возмущения — этот план сработал, и Екатерина, глава Марковского поселения, соседствующего с Большовским, и подруга Анны, обратившись с претензиями в районную администрацию,

добилась пересмотра оплаты для всех водителей. От Анны же я несколько раз слышала фразы в духе «Опять за собой весь район тянем», когда дело касалось формальных показателей работы.

Иначе, но тоже отсылая к общей команде, характеризовала свое положение Надежда. Несмотря на то, что в беседе со мной Надежда говорила о том, что не слишком серьезно относится к требованиям района, в качестве иллюстрации своей добросовестной работы она, тем не менее, указывала на формальный результат — соответствие назначенным районом показателям и все ту же формальную позицию администрации в общей районной команде:

Мне вот лично тяжело, потому что деревня пустеет, зарастает всё. Сверху-то это... [Махнула рукой.] Поорут и перестанут. Я это знаешь, я щас, я молчу, соглашаюсь и делаю все равно свое, да идите вы в лес. Спорить смысла нет. Не докажешь ты правоту свою, они все равно будут правы. У кого больше прав, тот и прав. Ну а я просто тихонечко делаю свои дела. Я все равно лучше знаю свою территорию, я знаю своих людей лучше. Ну для вас это хорошо. Для меня, может быть, это десять раз плохо. Я сделаю так, как для меня хорошо. Самое главное — результат. Ну ни в каких списках мы нигде не числится так что в отстающих. <...> Вот 518 этот закон. Мы вообще вторые в районе. <...> Мы выполнили 92 % почти. <...> Как бы в отстающих вот так, чтобы нам говорили: «А вот Павлово это не сделало», — ну вот у нас такого нет. Мы золотая середина — это точно всегда.

Таким образом, несмотря на относительную автономию де-юре, в реальности сельские муниципальные служащие не обладали ни реальной, ни воображаемой автономностью от вышестоящих органов управления. Риторически оформленная как единая «команда», структура муниципального управления в условиях усиливающейся централизации власти, предполагала, что сельские бюрократы зависят от районных органов управления и должны все время учитывать собственную подотчетность им, справиться с которой служащим помогала горизонтально устроенная система взаимопомощи между бюрократами разных поселений. Какое влияние данная структура оказывает на повседневность сельских чиновников и что в принципе представляет собой их работа, рассмотрим далее.

Два разных темпа работы и две схожие темпоральные практики

В тот августовский день 2021 «ковидного» года мы с Анной вышли из дома чуть позже восьми утра и, вопреки обыкновению, добирались до администрации не на служебной машине, обычно ожидавшей главу у ворот дома, а пешком. Как глава, Анна регулярно совершала обходы села (или иногда то, что точнее называть «объездами»), чтобы заметить проблемы, которыми ей стоило бы заняться (заросшие участки, мусор, поломки в местах отдыха и на детских площадках и пр.). Однако эта цель в тот день была не единственная.

Придя на работу, Анна сказала специалистам, что мы «ходили агитировать за прививку». Двух человек, встретившихся нам на недолгом пути, Анна спросила, собираются ли они ставить вакцину от Covid-19, и привела примеры, которые должны были бы, с ее точки зрения, сподвигнуть жителей на это решение (гарантировав тем самым повышение показателей по вакцинации в поселении).

В полдевятого Анна пришла на работу, провела традиционный разговор с работником по благоустройству Томиным, который тогда косил траву в поселении, далее ответила на звонок односельчанина, желавшего верифицировать смерть одного из жителей села — первого умершего в поселении от Covid-19. Затем глава подписала принесенные специалистом Еленой документы; ответила на несколько сообщений; в девять вместе с ведущим специалистом Ксюшей начала «работать со списками вакцинировавшихся» (данные о количестве привитых людей в разгар пандемии сельским администрациям нужно было подавать еженедельно, но официального доступа к информации об этом от медицинских учреждений служащие не имели). В девять шестнадцать в администрацию за справкой приехала жительница из Заречной (села в составе поселения); в девять восемнадцать Анне позвонил коллега-глава с вопросом о вакцинации; затем позвонили еще несколько человек, а в девять двадцать семь Анна позвонила подруге-главе Екатерине, чтобы спросить, как лучше выразить соболезнования овдовевшей односельчанке, затем позвонила и ей.

В девять пятьдесят восемь Анна поехала в Заречную — сфотографировать огороженный земельный участок по запросу из отдела по земельно-имущественным отношениям и заодно отвезти туда Томина, чтобы выкосить траву. В Заречной Анна сфотографировала мусор на детской площадке, который в качестве исправительных работ должна была убирать живущая в том селе «цыганка» (фотография служила доказательством плохой работы или неявки на нее). В десять двадцать пять мы поехали к этой «цыганке» домой, чтобы убедить ее убрать мусор — вместо нее за ворота дома вышел сожитель, заявивший, что женщины нет дома несколько дней. Этого мужчину Анна попыталась убедить найти себе «нормальную бабу», с которой бы он, возможно, меньше выпивал.

Далее мы поехали в Зареченский ФАП, где Анна обсуждала с местной санитаркой (фельдшер приезжает сюда из другой деревни и не всегда на месте), как продвигается вакцинация. Пока мы были на ФАП-е, Анне позвонили с телевидения по поводу завтрашней съемки репортажа — его назначили на полвторого, потому что в час дня завтра Анна должна быть на похоронах односельчанина (она посещала не все похороны, но этот мужчина был мужем председателя местной первичной ветеранской организации и

бывшим директором большовского совхоза). Все время, пока мы были на ФАП-е, работавший в то время в администрации водитель Дмитрий Николаевич сидел у дома напротив на лавочке со своей знакомой. От нее он узнал, что сожитель «цыганки» нам наврал — скорее всего, она находилась дома и была пьяна. Анна ответила, что именно так она и думала. Когда мы собирались возвращаться в Большое, Анне позвонил участковый — один из жителей поселения опять избил свою жену: «Это уже третья жена, которую он гоняет <...> страшный человек», — с горькой усмешкой отметила Анна. Тут же она ответила на еще один звонок — выяснилось, что в два часа в городе будет встреча по проблемам трудоустройства: «Сможете приехать?» — «Постараюсь, — ответила Анна, добавив после окончания разговора мне, — Хоть разорвись».

В одиннадцать сорок мы вернулись в администрацию, Анна оформила подготовленную специалистами выписку в бумажный реестр, подписала врученные ей Настей документы на премию служащим администрации, откорректировала составленную Ксюшей характеристику на избитую женщину и ее мужа. В двенадцать часов одну минуту Елена позвала Анну пойти вместе домой на обед, но глава решила дождаться, пока Ксюша доделает характеристику, потому что не хотела уезжать в город, оставляя это дело незавершенным. В двенадцать часов двенадцать минут Анне позвонила заболевшая Covid-19 жительница села, поделившаяся с главой, что ей сложно выходить в магазин из-за пересудов односельчан: «Чтоб разговоров не было, звони мне. Звони мне, будем подъезжать и покупать вам», — с искренней участливостью сказала жительнице глава. Ксюша закончила характеристику, которую Анна одобрила и подписала, и полпервого мы вместе пошли на обед домой.

В тринадцать тридцать Анна уехала в город на совещание, о котором узнала пару часов назад. В это время Настя составляла заявки на зарплаты, Ксюша работала с документами. Я же вместе с Еленой вносила в планшет данные по сельскохозяйственной микропереписи, на которой в том году Елена работала переписчиком. Во сколько вернулась Анна, я не заметила, но она, как обычно совместив в поездке в город несколько дел, привезла с собой агитационную продукцию от партии к выборам: плакаты, кепки, браслеты, которые мы вместе рассматривали. В шестнадцать двадцать три Анна позвонила с соболезнованиями дочери скончавшегося от Covid-19 мужчины — местной учительнице. В шестнадцать тридцать, на полчаса позже официального окончания рабочего дня, мы вышли из администрации домой. Уже дома Анне позвонила «цыганка» с извинениями, неубедительными оправданиями по поводу своей неявки на работу и просьбой не сообщать об этом в полицию, однако Анна ответила, что сведения уже передала.

Так закончился этот обычный рабочий день в Большовской администрации. Его нельзя назвать исключительным, однако и несправедливо было бы говорить, что так проходил каждый день главы сельского поселения. Иногда случались менее насыщенные дни (как тот, с описания которого началась эта глава), однако чаще они все же состояли из разноплановой деятельности и более или менее внезапных поездок по территории поселения или в районный центр. Очень часто таких поездок в город из Большого было несколько в день и, как минимум в половине случаев, они не планировались (и не могли быть запланированы) заранее.

Несколько иначе рабочие дни проходили в Павловской администрации. Рабочее время здесь тоже могло захватывать время личное, что в Большом материализовалось, к примеру, в стационарном блоке рабочего компьютера, который Насти аккуратно грузила в машину, уходя в свой отпуск, а в Павлово — в распечатанных раскрасках, которыми ведущий специалист Валерия занимала внучку, с которой во время отпуска она приходила поработать. Однако темп работы в Павлово сильно отличался. Как правило, чиновницы приходили на работу до восьми, около получаса обсуждали дела, а затем отправлялись пить чай, что могло занимать до пары часов, в течение которых обсуждались новости, просмотренные фильмы, покупки, болезни и семейные проблемы. После чаепития глава и специалисты Павловской администрации расходились по кабинетам, часто, впрочем, навещая друг друга, обмениваясь шутками и беседуя. «Люди к нам особо не ходят», — в первый мой день сказала Валерия. Позже я убедилась — жители действительно приходили в администрацию не каждый день, и если «срочной» работы не было, глава разрешала сотрудникам не возвращаться из дома с обеда и часто не приходила сама.

В другие дни павловские бюрократы уезжали в город, совмещая в этих поездках рабочие дела и походы по магазинам. Из-за расстояния в семьдесят километров от города (против двенадцати от города до Большого), как правило, поездки планировались накануне и, уезжая, служащие Павловской администрации практически никогда надолго не возвращались на работу²¹. Тогда как в Большовской администрации до конца рабочего дня должна была оставаться хотя бы одна сотрудница, в Павлово могли уехать все, оставив на входной двери цветной стикер с надписью «Уехали в город [дата]».

Разницу в темпе работы можно заметить даже в том, как служащие двух администраций смотрели на часы. В кабинете Анны и Насти в Большом были настенные часы, которые как минимум три года не шли: «Честно говоря, некогда на них смотреть», — как-то ответила на вопрос односельчанина Анна. В кабинете Надежды тоже висели

²¹ В частности, из-за бетонной дороги путь до города и обратно занимал около двух часов. Путь туда-обратно из города до Большого, расположенного у федеральной трассы с отличным дорожным покрытием, составлял около получаса.

часы, но в 2023 г. их убрали на время ремонта. И я не раз замечала, как сотрудницы, собираясь за столом в форме буквы «Т», привычно направляли свой взгляд на пустующее место над дверью. «Блин, часы повесьте на место, головой туда поворачиваться постоянно», — как-тоозвучила разделаемое всеми неудобство бухгалтер Юлия. Вспоминая слова Анны, можно сказать, что у павловских чиновниц время, чтобы смотреть на часы, было, а их размеренный темп работы и зачастую сокращенный рабочий день в кабинете показались мне удивительными после большовской «вечной гонки», с ежедневными обращениями односельчан и с постоянными (по нескольку раз в день) поездками в город или по территории.

Однако, несмотря на разницу в общем темпе деятельности, темпоральные практики служащих обеих администраций во многом совпадали. Мне сразу бросилось в глаза, что сельские бюрократы и в Большом, и в Павлово старались выполнять все задачи как можно быстрее. К примеру, однажды Анна поручила мне заполнить таблицу по запросу газовой службы, но вместо того, чтобы листать похозяйственные книги, ведущий специалист Ксюша предложила мне заносить сведения под ее диктовку — чтобы, по ее словам, «сделать все быстрее». «Не откладывать» старалась и Анна — в разговоре с коллегой она упрекала себя, что «че-то два дня уже прошляпила» ответ на несрочный запрос из «района». «Сделала хер знает когда, отправляем хер знает когда», — злилась одна из сотрудниц Большовской администрации на другую за то, что та промедлила с отправкой письма, хотя ответ на тот запрос не предполагал срочности. В меньшей степени, но «торопились» и служащие Павловской администрации: «Все должно быть сделано в срок, все заранее», — объясняла мне суть своей работы Юлия, отождествляя, казалось бы, два разных принципа обращения со временем, ведь «сделать в срок» — это не «заранее» и не подразумевает окончания дела задолго до наступления дедлайна.

На первый взгляд, это стремление сельских управленцев сделать все быстрее можно было бы, вспоминая выводы Липски, связать со свойственным уличным бюрократам дефицитом времени. Однако в нашем случае речь не идет о большом потоке клиентов (как в городах), и несмотря на то, что деятельность сельских управленцев разнопланова и многозадачна, она не всегда требует спешки, так что нередко в течение дня и в Большом, и в Павлово можно было заметить лакуны, которые заполнялись разговорами и интернет-серфингом. И тем не менее сельские бюрократы предпочитали выполнять каждую задачу заранее и разными способами экономили рабочее время: не писали электронные письма, а звонили, т.к., по словам Анны, «это надо время, чтобы писать»; при составлении документов искали в своих архивах или у коллег из других

администраций образец, который «ускорил» бы процесс (и вместе с тем обезопасил бы от ошибок), хотя на деле сам этот поиск мог занимать много времени.

Одновременно с этим в работе сельских управленцев была и другая темпоральная практика. Как сказала Анна в телефонном разговоре с коллегой-главой: «Я всегда вспоминаю... Юрий Григорьевич [экс-глава района] говорил: “Бумажка должна вылежаться на столе”... Потому что правильно, вчера мне этот баннер [к выборам] пихнули, через тридцать минут его забрали... а я уже с человеком договариваюсь, чтобы его повешал... нечего было мне спешить. Ну а у нас же как обычно, помнишь, когда Конституцию принимали — такая фигня...» Так, в рабочей практике сельских бюрократов сосуществовали две, казалось бы, противоречащие друг другу темпоральные практики: стремление все сделать как можно быстрее и отказ от спешки. Что именно заставляло сельских чиновников то торопиться с выполнением каждой рабочей задачи, то замирать или жалеть о поспешных решениях?

«Козлы отпущения»

Один из популярных тезисов исследований уличной бюрократии гласит, что работа низовых служащих сопряжена с неопределенностью, обусловленной взаимодействием с разными людьми, и с необходимостью быстро принимать решения (Zerubavel 1979: 42; Lipsky 2010: 29). «Предсказуемая непредсказуемость» (White 1998: 71), на мой взгляд, оказывает большое влияние и на темпоральные практики сельских бюрократов. Однако в этом случае речь идет об ином виде неопределенности — не связанном с недостатком знания о личной истории клиента или дефицитом времени, чтобы принять решение, отвечающее личным ценностям. Как было сказано ранее, сельские бюрократы не только представляют местную власть в поселении, но и подчиняются районным органам управления. При этом, в то время как в городе разнообразие запросов рассредоточивается между инстанциями или кабинетами, на селе большинство проблем адресуется именно главе и ее подчиненным, из-за чего трудно строго очертить список потенциальных задач управленцев.

«Да... Что день грядущий нам готовит?» — часто тяжело вздыхала Анна, уходя на работу. Зависимые в рабочей практике от происшествий, поступков и запросов других людей (жителей поселения и вышестоящих чиновников), сельские управленцы переживают «social contingency» (Cooper, Pratten 2015: 3–5; Whyte, Siu 2015) — когда как сложится каждый конкретный день, определяется внешними обстоятельствами, сельские чиновники остро ощущают собственную зависимость от таящегося в социальном

*nепредвиденного*²². Поэтому, как объяснила мне Ксюша, даже если запрос не требует срочного ответа, «у нас такая работа, что лучше не затягивать. Потом еще что-нибудь подкинут». С одной стороны, скорость ответа на запрос жителя (например, подготовка справки сразу, а не в течение трех дней, на которые чиновники формально имеют право) позволяет управленцам сохранить свою репутацию и реализовать профессиональный императив помощи — один из главных позитивных аспектов их работы (см. Глава 3). Однако, помимо этого, озадачившая меня спешка сельских управленцев была связана со стремлением обезопасить свое будущее, в которое в любой момент может вторгнуться новое дело.

Сьюзен Р. Уайт пишет, что под «неопределенностью» нередко понимаются три не тождественных понятия — «*uncertainty*», «*contingency*» и «*insecurity*», т.е. «ощущение неопределенности» (недостаток знания), «зависимость от непредвиденного» (экзистенциальное условие зависимости от чего-то, что не может быть полностью предвиденным и контролируемым) и «небезопасность» (условие, при котором оказываются слабы социальные механизмы, обеспечивающие безопасность) (Whyte 2009: 213–214). Эти три взаимозависимых вида неопределенности можно выделить и в работе сельских бюрократов.

Недостаток априорного знания о том, каким образом реагировать на запрос, связан с зависимостью от непредвиденных обстоятельств, неподвластных контролю низовых чиновников (от требования подготовить документ до просьбы найти хозяев пяти козлов, изнасиловавших чужую козу). Состояние небезопасности, в свою очередь, обусловлено угрозами правовому статусу или репутации управленцев внутри бюрократической структуры или поселения: выговором на районном совещании за промедление с выполнением задачи; давлением со стороны надзорных органов, среди которых самый сильный страх вызывает прокуратура; недовольством односельчан, которое осложнит работу в будущем (см. Глава 2) и т.д. В связи с этим я предполагаю, что решение «не спешить» принималось управленцами тогда, когда возникающее у них ощущение неопределенности, небезопасности или зависимости было сильнее, чем обычно. Причем, как кажется, чаще всего это относилось к ответам на запрос вышестоящих чиновников, т.е. к тому источнику зависимости, который связан с более серьезными последствиями (штрафами, выговорами, увольнением или даже судебным приговором).

---

²² О том, что бюрократия — это «не рационализация власти в дисциплинарном обществе», но «процесс, пронизанный непредвиденными обстоятельствами и едва контролируемым хаосом» писал Ахил Гупта, описывая опыт взаимодействия с бюрократией индийских сельских жителей (Gupta 2012: 14). Мое исследование, в свою очередь, показывает, что бюрократия является столь же непредсказуемой для самих сельских чиновников.

«Каждое решение по проблеме должно отлежаться — не решать все сразу, решение придет», — успокаивала себя Анна, после тяжелого телефонного разговора с районным чиновником, который неожиданно «закусился»²³, что не может рассчитать смету на уже установленный фонарный столб возле большовской школы. Анна не только получила выговор, но оказалась в ситуации, когда платить подрядной организации за уже сделанную работу ей было нечем. Тот столб Анна устанавливала по требованию прокуратуры и УВД, но это действие привело к недовольству другого районного чиновника — типичный пример того, как в процессе рассогласования логик разных бюрократических структур и действий конкретных чиновников главы поселения оказываются «козлом отпущения во всех организациях».

Кроме того, я наблюдала, как бюрократы призывали коллег не торопиться с реализацией задачи, когда требования районных органов управления казались им наиболее непоследовательными (вспомним произошедший в предвыборные дни случай с баннером). Пандемия коронавируса, выборы, проверка ревизора, мобилизация — эти довольно продолжительные периоды наибольшей небезопасности структурировали темпоральное воображение управленцев и часто выступали в их разговорах в роли «точки отсчета», когда время ощущается по-другому: «Вот эти три дня бы пережить, чтобы оно быстрее все началось», — сказала Анна за три дня до выборов, тогда как обычно отмечала, что «сейчас начнется новая неделя — опять пролетит». В указанные промежутки сельские бюрократы в наибольшей степени осознавали свою зависимость от решений вышестоящих чиновников.

Популярный тезис антропологии времени гласит, что ожидание — это технология власти, воспроизводящая социальную иерархию и создающая особую субъектность (Janeja, Bandak 2018: 4; Auyero 2012). Случай сельских бюрократов позволяет усомниться в том, что в бюрократии роль ожидающих закреплена за клиентами (см. также Ssorin-Chaikov 2017: 26–27) и, следовательно, он позволяет описать иную модель бюрократической иерархии. Помимо того, что сельские бюрократы, как было сказано ранее, стремятся минимизировать ожидание обращающихся к ним сельчан, они и сами часто являются теми, кто ждет (новых задач или развязки непростой ситуации). Их ожидание можно разделить на перманентное *предожидание* (о чем далее), и стратегическое *выжиздание* в наиболее небезопасных случаях. Выжиздание позволяет сельским бюрократам избежать переделывания уже сделанного, если требования вдруг поменяются, и уберечь их от негативных последствий, если решение проблемы не

---

²³ Т.е. оказал этому противодействие.

очевидно. Эта темпоральная практика содержит надежду, что решение придет из другого источника с его собственной логикой и темпоральностью.

Таким образом, выбор темпоральной практики связан с иерархией и ощущением небезопасности — принцип «не спешить» чаще всего действовался в подчиненных отношениях с районным начальством и парадоксальным образом позволял сельским бюрократам экономить будущее время. Оставляя «бумажку» с требованием «лежать на столе», сельские бюрократы дожидались новых данных, помощи или такого момента, когда указание вышестоящих чиновников покажется им окончательным. В то же время иногда даже при четком формулировании районом требования, сельские чиновники, следуя своей профессиональной интуиции, предпочитали делать что-то по-другому — «на всякий случай», ведь «...мы не знаем, что будет, что и как».

(Не)свобода в (не)планировании

Вернемся к отправной точке главы: в разговорах с коллегами или со мной сельские бюрократы нередко упоминали, что они не загадывают ничего наперед. Об отказе от планирования как о реакции на крайнюю степень неопределенности пишет, к примеру, Дженифер Джонсон-Хэнкс (Johnson-Hanks 2005). Анализируя, почему молодые женщины в Камеруне 1990-х гг. не могут ответить, сколько хотели бы детей или кем хотели бы работать, Джонсон-Хэнкс приходит к выводу, что экономический и социальный кризис в Камеруне заставляет женщин ощущать неопределенность и структурирует их «сослагательный габитус» (*subjunctive habitus*). Под этим термином автор понимает признание зависимости от будущих случайных событий, когда жизнь воспринимается не как последовательность реализованных намерений и сознательно сделанных выборов, но как использование различных подкидываемых судьбой шансов (*Ibid.*: 367–370). На вопрос о планах на будущее камерунские женщины отвечают с опорой на многочисленные «если...», отрицая саму возможность точного и краткого ответа.

Несмотря на всю разницу контекстов, для российских сельских управленцев, так же зависимых от социальных обстоятельств, свойственен принцип «пользоваться случаем» — каждый визит жителя в администрацию здесь максимально ресурсифицировался. Как только в кабинет заходил человек, вне зависимости от его запроса, он мгновенно оценивался управленцами на предмет возможных ресурсов, источником которых может послужить. Словно угодившему в паутину, посетителю администрации не было отсюда выхода, пока сельские бюрократы не использовали удачу внезапной встречи до конца: заполнили спущенные сверху анкеты, уточнили данные, провели агитационную беседу, узнали новые сплетни и т.д. Подобным образом дело

обстояло и с событиями, происходящими в поселении, стране или мире, которые также становились для бюрократов риторическими ресурсами, потенциально полезными для работы.

Мастерство сельских бюрократов во многом заключается в их умении пользоваться случаем. Вернемся к описанному выше дню из жизни главы Большовского поселения и вспомним, как она утром ходила «агитировать за прививку», учитывая при этом, что в то время в поселении произошла первая смерть от последствий Covid-19. Нетрудно догадаться, что это трагическое событие было упомянуто при попытках убедить жителей вакцинироваться. Встретившимся нам в тот день по дороге в администрацию людям Анна говорила: «Вы прививку ставили?.. [Фамилия] вот умер — непривитый. А [соседи скончавшегося мужчины] переболели в легкой форме. Я привилась. Вся районная администрация — никто не умер. Вы подумайте и делайте прививку». Эта смерть односельчанина подарила случай и подрабатывавшей тогда переписчицей Елене. После выноса тела покойного из дома специалисту удалось по дороге «переписать» нескольких человек, тоже пришедших проститься с умершим, о чем я узнала, наблюдая за похоронной процессией из окна. Не знаю, что меня тогда поразило больше — само траурное шествие или появление сразу после него Елены с простой зеленой тетрадкой, которую она использовала для переписи.

Тем не менее было бы неверным, слепо соглашаясь с управленцами, утверждать, что они не строили планов и, подобно камерунским женщинам, лишь занимались благоразумным оппортунизмом (*judicious opportunism*), используя возникающие шансы (Johnson-Hanks 2005: 370). «Чем я планирую на неделе заниматься... — как-то отвечала Анна на вопрос коллеги-главы. — Заказала схему на кладбище. Она в любом случае будет нужна [табличку со схемой захоронений глав поселений обязывали установить в судебном порядке, исход этого процесса был предсказуем], я решила пока сделать, чтобы потом не прыгать. <...> Мы еще уничтожаем теперь эти пеньки [от срубленных возле администрации кленов], они же поросль дают». Так, сельские бюрократы все же структурировали свое время, выстраивая краткосрочные и долгосрочные планы. Однако эти планы всегда были примерны и подразумевали вероятность смещения задуманного более срочными делами — в ежедневниках обеих глав можно было найти списки задач, но составлялись они не каждый день, а подчиняясь непредсказуемому темпу, когда указанные пункты наконец зачеркивались.

Чиновники занимались примерной разметкой ближайшего будущего и тогда, когда выделяли «личное время» в рабочие часы. Так, накануне выборов павловская глава Надежда говорила специалисту Валерии: «Ты тоже можешь на работу неходить с обеда,

если сильно работы нет... Следующая неделя будет такая, и по вечерам дежурить [как председателю участковой избирательной комиссии] и все... какого хрена сидеть тут высиживать?» Регулировала длину рабочего дня и Анна, назначая поездки в парикмахерскую или к врачу на свои рабочие часы. Можно сказать, что «свободное время» чиновницы выкраивали исходя из своих предположений о будущей внешней обстановке.

И все же не совсем оправданно говорить о свободе управленцев в планировании времени и воспринимать их слова об отсутствии планов лишь как риторический прием. На мой взгляд, продуктивно увидеть в темпоральном поведении сельских бюрократов «невыбираемый принцип всякого “выбора”» (Бурдье 2001б: 119). Бурдьевистская концепция габитуса предполагает, что у социального класса, есть общее «практическое чувство», существующее в схемах восприятия, мышления и действия (Бурдье 2001б: 101; 105; 111). Согласно Бурдье, наличие этого чувства не подразумевает детерминированность всех мыслей и действий агентов, но является «бесконечной способностью свободно (но под контролем) порождать мысли, восприятия, выражения чувств, действия» (Там же: 107). Темпоральность сельских бюрократов помещена в структурный контекст. Какая структура и как именно обуславливает характерные для героинь этого исследования темпоральные практики и способ восприятия времени?

Практическое чувство времени в структуре муниципальной власти

В основе управленческой привычки восприятия времени лежит предвосхищение (*anticipation*) — «предвидение будущего на основании как приобретенного опыта, так и этического представления о прошлом и будущем, которые нашли отражение в нашем чувстве агентности» (Bear 2016: 494). Лаура Бир призывает к тому, чтобы глубже исследовать темпоральность бюрократической рутины и то, как в этой рутине достигается ощущение большей безопасности (*Ibid.*: 493). Данная глава представляет собой один из ответов на этот призыв.

Темпоральность сельских бюрократов предполагает перманентное ощущение, которое Надежда назвала «готовностью номер один» или состоянием «на фоксе»²⁴. Местные чиновницы воспринимали время как настоящее, сквозь которое просвечивает потенциальность будущего. Это восприятие воплощено и в материальных артефактах: в туфлях на каблуке и лаке для волос, всегда имевшихся в шкафу в кабинете Анны, — если срочно вызовут в город; и в телефонах, которые служащие сельских администраций

²⁴ Имеется в виду ощущение постоянной готовности и бдительности (быть начеку). Исследующая темпоральную работу сотрудников «Почты России» Елена Гудова пишет об этом же, обусловленном непредсказуемостью и зависимостью сотрудников ощущении как о «бдительности» (Гудова 2020: 167).

всегда брали с собой — если кто-то вдруг позвонит или напишет. Систематически сельские чиновницы пытались заранее предсказать развитие событий и с опорой на это предвидение выбирали стратегию действий. Поэтому речь служащих была испещрена многочисленными «а то мало ли», «сейчас начнется» и другими предсказаниями, как поведут себя те или иные люди. Это практическое чувство времени конституировано двойной зависимостью²⁵ служащих сельских администраций, находящихся в уязвимом положении в структуре муниципального управления — и в локальном социальном пространстве, и в государственном (Бурдье 1993с: 52).

Следовательно, мы можем говорить о влияющих друг на друга темпоральностях сельских служащих, районных чиновников и жителей поселений (а также физических объектов в пространстве поселений). Причем распределение влияния не соответствуют формальной, нисходящей иерархии (районные органы власти — сельская администрация — население). В реальности конец и начало рабочего дня, скорость работы, выбор темпоральных практик, краткосрочные и долгосрочные планы, ощущение времени и т.д. сильно зависели и от «района», и от односельчан, которые своими запросами формируют поле работы чиновников. Эта зависимость, как было отмечено чуть выше, не односторонняя, но в самой невыгодной позиции оказываются, как правило, именно сельские служащие, ответственные за благополучие поселения перед обеими сторонами (районным начальством и населением).

Как говорилось ранее, государственное социальное пространство — более серьезный источник зависимости и опасности для сельских чиновников, что ставит вопросы о (не)согласованности логик бюрократических структур (вспомним случай с фонарным столбом) и месте произвола в бюрократической практике. Однажды в личном разговоре со мной Анна так развила «командную» метафору районных чиновников: «...Да, мы команда, мы все в одной лодке, только кто-то со спасательными жилетами, а кто-то без. Первыми за борт у нас полетит кто? Главы».

Опасности локального социального пространства менее осязаемые, но и они заставляют сельских бюрократов предвосхищать, к примеру, то, к чему приведет большая прорезь на сделанной к выборам коробке для лотерейных жетонов. «Скажут, что все видно, что все подтасовано», — перед праздником с беспокоенностью «предсказала» Надежда и попросила меня закрыть прорезь пластиком от старой канцелярской папки. А Анна после инициированного ей самой по-особенному доброжелательного разговора с односельчанкой о проблемах при переводе зарплаты ее внуку объясняла Насте: «С этой

---

²⁵ О двойной подотчетности сельской администрации в разные исторические периоды см.: (Мазур 2014: 263).

дамой надо вот именно на опережение... она сейчас вот в таком вот... [хорошем] настроении, ...если бы у меня копии реквизитов карты не было, они бы подумали, что это [перевод зарплаты не на ту карту] было сделано специально... поэтому Ксюше всегда говорю, обезопасьте себя — всегда чтобы копию делали».

Профессиональный навык предсказывать дальнейшее развитие событий и включать в любые планы потенциальность их (не)реализации позволял управленцам воспринимать свое будущее как более безопасное, а в некоторых случаях, возможно, и делал его таковым. Постоянно ощущаемая сельскими бюрократами необходимость предвосхищать развитие событий обусловлена структурно и может быть названа профессиональным габитусом, любопытно перекликающимся с «бюрократическим габитусом», о котором писал Бурдье, — возведенной в доблесть осторожностью (Бурдье 2001а: 168).

Чтобы конкретизировать структурные условия этой бюрократической осторожности, полезно, на мой взгляд, обратиться к греберовскому понятию *интерпретативный труд* — обычно возложенная на подчиненных «постоянная и зачастую тонкая работа воображения, бесконечные попытки увидеть мир с другой точки зрения» (Гребер 2016: 64; 67). Дэвид Гребер имеет в виду труд клиентов бюрократов. Я же утверждаю, что предвосхищением-интерпретацией (в отношении как «района», так и «поселения») занимаются сами сельские бюрократы, чья позиция вдвойне уязвима. Такое использование термина, впрочем, не противоречит логике Гребера, который изначально понимал под «интерпретативным трудом» стремление женщин увидеть мир с мужской точки зрения и писал, что такие «однобокие структуры воображения» создаются структурным неравенством (Graeber 2011: 50–51).

«Сытый голодного не разумеет — так и у нас. Даже региональные депутаты получают по полмиллиона в месяц. Они что, поймут специалиста, который в месяц получает шестнадцать тысяч?» — негодовала Анна по поводу экономического неравенства между сельскими и районными управленцами. Это неравенство структурно, оно проявляется в необходимости низовых чиновников предвосхищать действия тех, кто стоит выше, а также просматривается в темпе работы служащих сельских администраций и в том, что граница между их рабочим и личным временем стерта: «...Когда звонят по телефону поздно, вот особенно начальство, всегда думаю: “Господи, вы че, не люди что ли? А вдруг я пьяная валяюсь?” — смеялась Надежда. — Нет, мы не можем себе этого позволить. Мы правда не можем себе этого позволить».

Одним из важных средств исходящего «сверху» контроля над служащими сельских администраций являлось то, что я предлагаю называть *хронополитикой срочных*

требований. Время сельских бюрократов постоянно изымалось «районом» посредством адресации им «срочных» запросов, которые зачастую приходили с указанием в качестве крайнего срока выполнения уже прошедшей даты. Из-за этого темпоральность сельских бюрократов была сопряжена с постоянной спешкой — чтобы всегда быть готовыми к «неотложному требованию» и снизить вероятность выговоров и штрафов. Эта хронополитика, т.е. способ воздействия одной темпоральности на другую, заставляла низовых чиновников экстренно перекраивать планы, из-за очередного «срочного» запроса откладывая текущие дела. Образ районных чиновников, притязывающих не только на рабочее, но и на личное время сельских служащих, напоминал последним об их низшей позиции в структуре властных отношений, а хронополитика срочных требований воспроизводила иерархию между сельскими и районными управленцами, становящуюся все более строгой и заметной в условиях возрастающей централизации власти.

Хронополитика заботы и невнимания: об отношениях темпоральности сельских чиновников с темпоральностью «улицы»

Так как героини моего исследования — не просто низовые, но уличные бюрократы, то, развивая метафору Липски, огромное влияние на их темпоральность оказывает темпоральность «улицы». Жители поселений (наряду с районными бюрократами) также оказываются объектами интерпретативного труда чиновниц: сельские служащие пытаются предсказать, кто и с какой просьбой к ним обратится, кто и как отреагирует на их слова и действия и т.д. Личное время сотрудниц администрации может быть изъято не только по требованию «сверху», но и посредством локальных проблем: просьбы в выходной вызвать полицию из-за смерти односельчанина; пожара, требующего от главы присутствия на месте случившегося; вечернего сообщения о запое жительницы поселения, заставляющего управленцев срочно проверять, все ли в порядке с ее детьми, и т.д. Эту модальность отношений между темпоральностями низовых бюрократов и их поселений я предлагаю называть *хронополитикой заботы* — ответственные за социальное пространство поселения, сельские управленцы должны быть всегда восприимчивы к его проблемам, что особым образом организует их личное время.

Однако темпоральности самих исследуемых поселений отличались как бурлящая в половодье река и заболачивающееся озеро. Близость к городу и федеральной трассе, храм на въезде в село, привлекающий водителей, школа и агрофирма, преобладание «приезжих» — все это обуславливает постоянное биение жизни на улицах Большого: мелькают машины, громыхают трактора, слышится детский гомон, люди разного возраста едут на велосипедах в магазин, на остановке собираются подростки. Практически

невозможно пройти по улице и никого не встретить, даже, казалось бы, непреложное для села правило здороваться со всеми в Большом часто игнорируется, так как здесь постоянно встречаются незнакомые друг другу люди.

Кэролайн Хамфри отмечает, что «депрессивные зоны в России обычно образуются на границах областей. Это происходит в административных единицах каждого уровня — там, на границах областей, образуется своего рода вакуум. <...> Там быстрее всего происходит процесс депопуляции, наблюдается наименьшая численность деревень и те, что еще не исчезли, находятся в упадке» (Хамфри 2014: 15). В Павлово — самом дальнем поселении района, отделенном от федеральной трассы не очень хорошей дорогой, продолжающейся «бетонкой», — нет работающих предприятий, а старые здания школы и совхозной конторы разобраны. Местные жители говорят, что «село вымирает», и часто сетуют, что теперь, пройдя по всем улицам, можно никого не встретить. Действительно, во время моей полевой работы здесь чаще всего звенела тишина, а редкие прохожие, попадавшиеся на пути, обычно приветствовали меня и вступали в разговор. «И к работе у них другое отношение, спокойнее», — как-то сказала о павловских коллегах Анна. В самом деле, тогда как в Большом служащие, как правило, придерживались формального графика, совершая в день по нескольку запланированных или спонтанных рабочих поездок, в Павлово Надежда и члены ее коллектива выезды по большей части планировали заранее и часто позволяли себе находиться в официальные рабочие часы в городе или дома.

Темп работы в этих двух сельских администрациях словно согласовывался с отличающимися друг от друга темпоральностями сельской жизни: «Там [в Большовском поселении] и людей, во-первых, очень много. У них предприятие есть. И как бы, ну, понятно, и зона ответственности больше... но потом отношения с людьми сложнее... Мне вот с людьми повезло... Для меня нет великой проблемы, особенно вот Павлово. Ильинка [деревня в составе поселения] посложней», — так Надежда описала различия в техниках коммуникации с жителями и в темпах работы большовских и павловских чиновниц, указывая на зависимость рабочей рутины от социальных особенностей и темпоральности поселений. Более того, в своей работе глава опиралась на знания о темпоральностях населенных пунктов внутри поселения: дождалась полудня для звонка жительнице Ильинки — ведь там давно не держат хозяйства, поэтому «спят до обеда», или могла спокойно сама отсутствовать в кабинете после полудня — якобы павловчане все дела решают с утра (см. Глава 2).

Однако во второй свой приезд в Павлово я поняла, что на самом деле то, как местные служащие управляли временем работы, вызывало у многих жителей негативную

реакцию. Некоторые павловчане выражали непонимание, почему сотрудники администрации, приходя в «сельсовет», подолгу пьют чай, и намекали или прямо говорили, что служащие «ничего не делают». Несколько ильинцев поделились, что не обращаются в сельскую администрацию, т.к. знают, что, приехав на маршрутке в Павлово, могут оказаться перед закрытыми дверями и стикером «Уехали в город». Следовательно, отношения между темпоральностью «улицы» и темпоральностью сельских бюрократов не столь однонаправленные. Темпоральные практики местных чиновниц сами влияли на то, приходили ли жители в администрацию в принципе (вне зависимости от общей темпоральности поселений и конкретных темпоральных практик отдельных жителей), звонили ли служащим или же решали возникающие проблемы иными способами (например, ездили к городским бюрократам в районный центр). Иными словами, наряду с хронополитикой заботы можно увидеть и хронополитику невнимания. Своими действиями управленцы могли ввергать сельчан в отношения темпорального угнетения — игнорирования или уменьшения значения потенциальных запросов жителей по сравнению со своими собственными интересами, что делает местных чиновников недоступными в то время, когда к ним хотят обратиться люди, что заставляет воспринимать их как равнодушных к проблемам сельчан. Особенно темпоральное угнетение заметно, когда речь идет о жителях не родного села / административного центра, а прилегающих к нему населенных пунктов (вновь по схеме «центр» — «периферия»).

На взаимодействие темпоральностей поселений и бюрократов (помимо прочих индивидуальных обстоятельств) влияло и положение управленцев внутри села. Важно, что Надежда в Павлово «местная», тогда как Анна в Большом «приезжая» — у них с мужем здесь не было родственников. Это объясняет различие конфигураций социального и символического капиталов чиновниц внутри локального социального пространства. Близкие и неформальные отношения в коллективе павловской администрации (служащие между собой были на «ты», подшучивали друг над другом, обсуждали на работе сокровенные проблемы), наличие в селе родственников и друзей, на которых можно опереться в управлении, — этот обширный социальный капитал²⁶ делал позицию павловских служащих в селе более безопасной. Недовольство отдельных жителей нивелировалось наличием надежной поддержки, в связи с чем одна жительница назвала павловскую команду управленцев «мафией», у которой «все схвачено». В Большом ситуация была иная: здесь у главы было меньше «своих людей», и в условиях, когда локальное пространство не виделось безопасным (вспомним слова Насти «кто знает, на

---

²⁶ О важности для работы главы сельского поселения социального капитала внутри села см. (Ярзуткина 2025).

что способны наши люди»), Анна не допускала, чтобы в рабочее время в администрации никого не было.

Таким образом, в ситуации двойной зависимости позиция у главы в Павлове, если речь идет об отношениях с жителями, была не настолько уязвима, как у главы в Большом. Немаловажно и то, что у Надежды был другой источник дохода: она вела бухгалтерию двух магазинов (единственных в селе), владельцем которых являлся ее сын. Поэтому в случае увольнения она «не пропадет», как выразилась Анна. О сельском магазине как-то мечтала и сама Анна во время напряженной предвыборной недели: «Открыть бы магазин в какой-нибудь деревеньке... Нужно только продумать всю логистику... Закупать оптом или у производителей — проще простого». Так не только сама темпоральность поселений, но и более или менее безопасное положение чиновниц в социальном пространстве этих поселений оказывало влияние на темпоральность их работы, которая, в свою очередь, корректировала темпоральные практики жителей поселений: зная, что администрация работает, люди в нее обращались.

Наконец, влияние на темпоральность сельских бюрократов, в том числе и на темп их работы, оказывало расположение поселений относительно города. «Простите, мне 70 км... я в любой день могу забрать?» — звонила в «район» павловский бухгалтер Юлия и получила разрешение приехать в другой день. В Большом подобный вопрос, скорее всего, не возникал — здесь поездка в город по внезапному поручению, занимающая 10–15 минут, не требовала особого планирования, и чиновницы чувствовали себя более зависимыми. Большовские служащие в целом тщательнее исполняли приходящие «сверху» требования — возможно, отчасти потому, что угрозу визита вышестоящих чиновников они ощущали сильнее, чем павловские бюрократы, наученные опытом, что ревизорам, скорее всего, не захочется тратить на поездку к ним время и портить машину на бетонной дороге.

Таким образом, разница темпов работы в двух сельских администрациях обусловлена не только разными темпоральностями поселений, в которых они расположены, но и тем, насколько безопасно сельские управленцы ощущают себя в социальном пространстве сельского поселения, насколько остро перед ними стоит необходимость охранять собственный социальный, символический и экономический капитал (рабочее место как источник средств к существованию) и тем, насколько доступными взору чиновников из «района» они себя воспринимают.

Выводы

Теория уличной бюрократии предлагает смотреть на низовых чиновников как на «творцов политики», относительно автономных от надзора начальников (Lipsky 2010: 13–26). Однако мне кажется важным не преувеличивать степень их свободы, а напротив, учитывать структурный контекст, в который вписаны уличные бюрократы и который определяет их поведение. В этой главе я попыталась показать, каким образом степень и форму дискреции сельских чиновников определяет как централизованная структура муниципальной власти в России 2020-х гг., так и особенности конкретных поселений и взаимоотношений управленцев с их жителями. Перманентное пред-ожидание, спешка, выжидание — это продукты возникающего у сельских бюрократов в трехчастной структуре (район — сельская администрация — население) практического чувства времени. Время воспринимается сельскими бюрократами как настоящее с просвечивающей сквозь него потенциальностью будущего, которую необходимо разглядеть. Обратной стороной отказа сельских чиновниц от планирования (с чего началась эта глава) оказывается построение многочисленных проектов будущего, которые должны сделать положение чиновников в вечном круговороте просьб и требований более безопасным.

Однако зачем сельские бюрократы так часто говорят о невозможности планировать свое время вслух? С одной стороны, позиция угнетаемых обеспечивает им возможность легитимного ухода от ответа: на вопрос о том, поедут ли они в город и заодно не подбросят ли кого-то из односельчан, Анна и Надежда вполне честно могли ответить, что они «пока не знают» и «до вторника дожить надо». Ведь даже если у чиновниц были какие-то примерные планы, они и правда могли поменяться, поэтому имелись все основания не давать односельчанам обещаний, но и не отказывать в их просьбах. С другой стороны, эти «организационные разговоры» (White 1998: 71) я чаще слышала в беседах чиновниц не с односельчанами, а между собой. Эвиатар Зерубавель писал о социальной солидарности, возникающей в больнице у «со-временников» («contemporaries») (Zerubavel 1979: 82). Указывая на исполнение одних и тех же темпоральных ролей (общие темпоральные практики, темпы работы, расписания и т.д.), уличные бюрократы укрепляют связь друг с другом (*Ibid.*) — в случае сельских бюрократов, видимо, с членами своего коллектива и с коллегами из соседних поселений. Но зачем эту солидарность нужно риторически воспроизводить и укреплять?

Как было описано в главе, чиновникам из других администраций служащие регулярно обращались за образцами требуемых от них документов, спрашивали у них совета и поддерживали друг друга. Однако, думается, здесь дело не только в надежде

сельских бюрократов на получение помощи, действительно важной в условиях двойной уязвимости и постоянной нехватки средств. Я предполагаю, что прямые высказывания о непланировании своего времени были нацелены и на разоблачение «командной» риторики районных управленцев — не все члены «команды» имеют спасательные жилеты, как отметила Анна. Возможно, указывая на непредсказуемость своей жизни, низовые бюрократы восстанавливали реальные границы между «начальниками» и «подчиненными»?

При этом, как подробнее показано в следующих главах, сам сельский контекст управления во многом определяет его форму и содержание, влияя и на сам образ местного чиновника. Одной из главных характеристик сельскости, как следует из материалов моей полевой работы, является сельское *знание* всего и про всех (см. Глава 2). В наиболее совершенной своей форме оно становится культурным капиталом сельских бюрократов и одним из компонентов их специфического авторитета (см. Глава 2, 4).

Я предполагаю, что постоянное предвосхищение будущих событий вслух — одна из составляющих этого культурного капитала сельского чиновника, а именно такая часть управляемого знания, демонстрация которой отведена для круга коллег и имеет ценность в глазах управленцев. Возможно, всякий раз проговаривая, что произошедшее было предвиденным ими, или пытаясь предсказать, к чему приведут те или иные действия, низовые бюрократы демонстрировали наряду с осознанием своего зависимого положения еще и важную для них управляемую проницательность. Когда сельские чиновницы отказывались строить планы на ближайшее будущее, они риторически трансформировали свое *незнание* о том, что случится, в *знание* о невозможности знания или в предвосхищающее *знание*, с опорой на которое можно принимать решения в настоящем. Указывая на понимание правил игры в структуре сельского управления, сельские бюрократы получали возможность увидеть себя не только «козлами отпущения», но и мудрыми управленцами, осознающими недостатки своего положения и приспосабливающимися к ним. Вырабатываемые в ходе повседневного управления темпоральные практики сельских чиновниц, рассмотренные в этой главе, в свою очередь, с одной стороны, помогали низовым бюрократам справляться с тяготами своей позиции, с другой — работали на воспроизведение структуры муниципальной власти с присущими ей механизмами угнетения.

ГЛАВА 2. Взгляд на территорию: моральная картография как сельское знание и управленческий навык

*...A это тоже уклад, один из укладов жизни деревенской нашей. Вот его и нужно знать, для того, чтоб... <...>
Просто, я говорю, что надо знать. Знать село.*

Юрий Григорьевич, экс-глава района

Знание всех

«Иринаолегънна!» — выкрикнув звонким голосом и растягивая последнюю гласную, не вставая с рабочего места, как принято в Павловской администрации, Надежда позвала в кабинет специалиста по социальной работе. «Женé Третьякова будут давать материальную помощь? — спросила глава, едва Ира переступила порог. — Почему я не знаю? Я к ней ездила познакомиться, поговорить. Она меня спрашивала про материалку, а я не знаю, что ей ответить». Сперва несколько стушевавшись от высказанного в ее адрес упрека, Ира подтвердила: совсем недавно переехавшая в Ильинку Третьякова, как жена поступившего на военную службу, указала в анкете, что ей и ее ребенку необходимо доставлять продукты. Это требование было переадресовано Ире из района. Как стало известно накануне, она вместе с водителем администрации теперь должна была регулярно покупать по списку и привозить молодой матери продукты из города (чтобы предоставлять для отчетности чеки).

«Какая она хоть из себя? Я ее в глаза не видела», — спросила Ира, пользуясь возможностью составить представление о новой клиентке. Надежда охотно поделилась деталями поездки к Третьяковой. Вчерашнее знакомство позволило главе описать девушку как «сбитенькую» и «девочку не простую, сложную». Из разговора Надежды с Третьяковой следовало, что необходимость доставки продуктов силами администрации возникла в т.ч. из-за ссоры невестки со свекровью, якобы давшей семимесячному внуку выпить пива. Эти детали стали началом оживленного обсуждения, в ходе которого Надежда и Ира пытались реконструировать возможные причины и ход конфликта. Анализируя отдельные фразы и сам процесс беседы девушки с главой, сотрудницы сельской администрации пытались раскусить «характер» новой «клиентки» и сопоставить его с «характером» другой участницы ссоры.

Как показывает Раду Умбреш, исследующий политическую организацию румынской деревни Сэтени, формальные институты власти находятся под влиянием локальных представлений о морали и доверии, и чтобы понять, как власть становится легитимной в конкретном контексте, необходимо исследовать, что сами сельские жители

думают о ней и как они с ней взаимодействуют (Umbres 2022: 137–166). Одной из основополагающих черт сельского социального порядка в современной России, о которой пишут исследователи (Бредникова 2013: 41; Лярская, Гаврилова 2020) и на которую мне систематически указывали разные жители обоих поселений, как активно участвующие в управлении, так и нет, — считается особенное сельское знание *всего обо всех*. К примеру, когда большовская пенсионерка и председатель волонтерской организации Зинаида Евгеньевна во время интервью на кухне рассказывала мне о том, как пенсионерский актив помогал нуждающимся жителям, на мой вопрос о способах узнавания о существующих проблемах она ответила так: «Узнаем от кого-то. [А. З.: Обходы не делаете?] Это деревня, тут не надо никуда приходить — *и так все знают*, в магазине или где-то». Или, как в другом кухонном интервью мне сказала жительница Павловского поселения Варвара Станиславовна, «все равно же живем все друг у друга на виду, в городе же друг у друга соседей даже не знают, да? <...> А здесь все равно все на виду: если у кого-то что-то где-то произошло — всю неделю вся деревня гудит, обсуждают там какую-то новость, хорошую плохую, не важно, но неделю гудят. <...> Интересно в деревне жить. <...> мы как одна семья что ли, уже с которыми давно-давно, уже так запросто общаетесь».

Собственная сельскость — это аспект, который постоянно обсуждался и осмыслился и сотрудниками местных администраций, возникая, как правило, в противопоставлении жизни и работе в городе. Справедливо сказать, что сельское поселение здесь выступает отдельным видом хозяйства — «культурно-специфического контекста семейных и соседских отношений» (Скорин-Чайков 2024: 6). Сами сельские бюрократы часто подчеркивали свое сельское знание всех. Цитируя главу Большовского поселения Анну, «ну все равно же мы в деревне живем, все равно всех знаем. Все равно ж ты видишь, с кем ты сможешь вообще разговаривать». На основании этого сельского знания низовые бюрократы формировали представления о характерах жителей поселения. Так, Ира, вызванная в то утро в кабинет главы, заметила, что свекровь новой клиентки, Машку, они знают «с рождения», а какой характер у новой жительницы, «что она за человек», пока не известно, а значит, подразумевалось, не стоит ей беспрекословно верить.

Надежда была солидарна с Ирой, она говорила, что Машка «не такой человек», чтобы специально поить младенца пивом — она «нормальная мать, у нее дома все хорошо». Как заключила глава, опираясь на собственное мнение, повседневное знание и жизненный опыт, вероятно, Машка макнула в пиво палец и дала попробовать ребенку, что расценивалось служащими как нормальный, ничего не значащий поступок. Из резкого решения новой жительницы и ее поведения во время беседы глава сделала вывод — «по

ней заметно, что она характерная»: «Она девочка сложная, она вот не простушка такая — раз, и вся простая. Нет, она с характером. <...> Я говорю, я с ней пообщалась еще, конечно. Но не простая. Вот, например, человек простого склада характера — она бы может где-то там расплакалась, что-то попыталась рассказать. Ну эта нет, эта ничего не сказала — единственное, вот про пиво это сказала, и что “сына она забрала” [т.е. что свекровь приревновала невестку к сыну]».

Возникшие в ходе обсуждения сотрудниц Павловской администрации категории «простого» и «сложного» человека — это не окказиональные характеристики, но устойчивая классификационная пара, которую используют управленицы. Описанный случай дает редкую для исследования сплоченного коллектива с устоявшимися принципами работы возможность наблюдать, как в ходе совместных рассуждений муниципальных служащих новая жительница поселения непосредственно, в сам момент разговора классифицировалась.

Как показывают доступные мне материалы, бюрократы обоих сельских поселений, в которых проходила моя работа, активно обращаются к категоризации жителей поселения. Каждая из категорий имеет, как правило, свою дихотомическую пару: например, «простой / сложный»; «активный, ответственный, сознательный / пассивный, ленивый»; «нормальный, свой / ненормальный», «авторитетный, достойный, благополучный, положительный / неблагополучный» и др. При этом, классифицируются и противопоставляются по «характеру» не только отдельные жители поселения, но и совокупное население входящих в его состав населенных пунктов. Цитируя Екатерину, главу Марковского поселения того же района: «Каждое поселение — это вообще... как небо, наверное, и земля в любом случае, это вот разные склады характера у людей, люди разные. Несмотря на то, что вообще живут-то вот там в нескольких километрах друг от друга. Да что говорить, если у нас населенных пунктов их пять, и везде люди разные, совершенно!» В центр этой главы я предлагаю поместить это особое сельское знание, которым располагают и которое регулярно демонстрируют и применяют на практике низовые бюрократы. По какому принципу сельские управленицы классифицируют жителей и целые населенные пункты? В каких контекстах и каким образом инструментализируетсяправленческая таксономия? И, главное, каковы ее функции?

Бюрократия и классификации

Способы классификации — одна из популярных тем в исследованиях бюрократии. Как пишет Дон Хандельман, идея таксономии, т.е. «присвоения имен путем контраста и сравнения», встроена в саму идею бюрократии (Handelman 1981: 7–9). Авторы, прицельно

исследовавшие бюрократические классификации, утверждали укорененность стереотипов бюрократов в национальной культуре (Becker 1957; Handelman 1981; Herzfeld 1992) и говорили о них как об инструменте производства бюрократического безразличия и социального неравенства (Herzfeld 1992; Nisar, Masood 2020), анализировали классификации как продукт институтов, легитимирующих определенный порядок социальных отношений (Дуглас 2020 (1986)), пытались понять, в соответствии с какими именно экономическими и политическими интересами страны государственные служащие используют таксономии (Heyman 1995; Roberts 2020).

Исследователи бюрократии задавались и вопросом о том, какое значение имеют классификации клиентов для самих низовых бюрократов. К примеру, Джон Ван Маанен утверждал, что навешивание на человека ярлыка «подозрительного лица» (*suspicious person*), «придурка» (*asshole*) или «ничего не знающего» (*know nothing*) помогает полицейским сформировать ожидания, объяснить причину девиантности поведения и оправдать применение силы (van Maanen 1978). Разделяя посредством классификации мир на тех, кто «за нас», и тех, кто «против», полицейские становятся на позицию борцов с нарушителями «справедливого режима», что позволяет им ощущать собственное моральное превосходство. Согласно Ван Маанену, классификация граждан — это важная часть работы низовых бюрократов как с точки зрения техники взаимодействия лицом к лицу с незнакомыми людьми, так и в контексте понимания собственной профессиональной роли как борцов за справедливость.

Майкл Липски также проводил четкую связь между спецификой работы низовых чиновников и способами классификации, которые они создают (Lipsky 2010). Липски писал, что за бюрократическим разделением клиентов на «достойных» и «менее достойных» получения услуг стоят личная симпатия или неприязнь бюрократов, соотнесение конкретного случая с общими моральными ценностями и представление о силе обратной связи. В логике Липски дифференциация клиентов уличными бюрократами объясняется необходимостью рационализировать неравное распределение ограниченных ресурсов — времени или услуг.

Как было сказано ранее (см. Введение), несмотря на множество сходств, сельские управленцы отличаются от хрестоматийных уличных бюрократов. Во-первых, в отличие от героев Ван Маанена и Липски или от городских сотрудников МФЦ и миграционных служб (см., например, Griffiths 2013), сельские муниципальные служащие и члены их команд взаимодействуют в рабочей практике не с абстрактной массой «клиентов», которую нужно классифицировать для определения «достойных» и менее «достойных» получения услуг. Однако, работая с жителями небольшого поселения, с которыми они

знакомы и вне рабочих контекстов, местные управленцы тем не менее приписывают им устойчивые качества. При этом, как мне представляется, нет достаточных оснований говорить, что именно проблема распределения ресурсов между «клиентами» (как в случаях, описанных Липски) обязывает управленцев создавать и использовать классификационные категории.

Во многом сельские бюрократы выступают в роли медиаторов во взаимодействиях жителей поселения с другими бюрократическими структурами: выдают справки, которые необходимы для обращения в иные инстанции, договариваются о записи в Пенсионный фонд, подсказывают номера телефонов и адресов организаций, содействуют в получении материальной помощи (но не сами одобряют заявки на нее) и т.д. Можно обобщить, что основные ресурсы, которыми непосредственно обладают сельские бюрократы, — это знание и время. И в условиях, когда количество «клиентов» ограничено, характерных для городских бюрократов трудностей с распределением этих ресурсов быть, как кажется, не должно. Как было показано в Главе 1, время сельских бюрократов ежедневно переорганизуется в соответствии с непредсказуемым и социально укорененным набором задач, но это не значит, что их время находится в дефиците.

Во-вторых, классифицирование сельского социального пространства бюрократами можно было бы назвать проявлением их символической власти (Бурдье 2007: 64–86) или, если следовать идеям Мишеля Фуко, используемые агентами государства классификации — инструменты определенного режима знания — стоит воспринимать как форму власти, «трансформирующую субъектов в объектов» в процессе вмешательства в их жизнь (Фуко 2006а: 168; Фуко 2011: 33–50). Однако кем «признаны» классификации деревень и могут ли они «заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир» (Бурдье 2007: 95)? У служащих сельских администраций нет полномочий приписывать человеку официальный статус, подобный статусу «безумца» или «преступника» (хотя посредством характеристик, направляемых по запросу, бюрократы и могут повлиять на присвоение подобных статусов). Сам по себе вопрос, какие формы господства существуют у сельских бюрократов, нетривиален, и ему в диссертацииделено отдельное место (см. Глава 4). Пока же с определенностью можно сказать, что в случае сельских бюрократов приписывание жителям поселения устойчивых качеств по большей части не влияет на повседневность последних. Классификации жителей поселения, насколько я могу судить, неизвестны самим классифицируемым, они высказываются за глаза и циркулируют внутри рабочего коллектива. Такие классификации имеют, на мой взгляд, иную модальность — их влияние в большей степени заметно в повседневности не жителей поселения, но самих сельских бюрократов.

Как именно строятся управленческие классификации жителей? Сперва проанализируем производимые сельскими бюрократами (макро-)классификации населенных пунктов.

Моральная картография поселений

Сентябрьским вечером мы с Анной возвращались домой, пережив эмоциональный накал выборов, закончившихся накануне. Мне удалось побывать на обоих избирательных участках поселения, в Большом и в Заречной, и в один из дней глава поселения обратила мое внимание на то, как по-разному переживают выборы члены двух комиссий. На избирательном участке в большовской школе словно велась война: наблюдатели бомбардировали членов комиссий замечаниями, превращая их в «забитых котят», по очереди укрывавшихся в классе и обменивавшихся друг с другом комментариями, наполненными печалью, раздражением и горькой иронией. Источником беспокойства были не только результаты голосования, но и угроза низкой явки избирателей. В Заречной же, напротив, все было спокойно и даже празднично. Членов комиссии мы застали за накрытым столом и в хорошем настроении: явка на их участке с утра была высокой.

В тот вечер, уже после выборов, Анна организовала для меня интервью с двумя местными женщинами-депутатами, которые, негодяя, говорили об «отчужденности»²⁷ жителей Большого друг от друга, об их пассивности, отказе помогать без требования денежной оплаты и участвовать в совместной деятельности — «короче, все стали чересчур деловые». Осмыслия наблюдения прошедших дней и эти слова, по дороге домой с интервью я спросила Анну, правда ли, что люди в Большом отчуждены друг от друга. Анна вновь вспомнила, как отличалась атмосфера на избирательных участках, за чем последовало следующее рассуждение:

Анна: Большое — деревня как военных [которые пришли в XVIII в.] <...>. Они приехали уже все с амбициями <...> и если приходил кто-то, получается, другой, уже появлялась зависть, соперничество. <...> И от этого уже пошло, т.е. что здесь родственники между собой не общаются там двоюродные <...>. Каждый приезжает со своим, как говорится, характером. <...> Он привык так, и то, что здесь, ему это на фиг не надо, получается.

А. З.: Здесь вообще есть какой-то свой устой?

Анна: Нет устоя. <...>

А. З.: А в Никулино [деревня в составе поселения]?

Анна: В Никулино совсем другие устои. Там они намного дружнее были всегда <...>. Что-то где-то изменить или сделать — он не будет никуда бежать никуда орать. Если он хочет тут же что сделать, он выйдет, пакет <...> возьмет мусорный и будет ходить собирать мусор, чтобы прибрать, а не бить во все колокола: «А давайте убирать». А у нас в Большом это начинается, что-нибудь да это самое.

²⁷ Разговоры об отчужденности и атомизации россиян друг от друга как следствиях постсоветских трансформаций отражают популярное общее место исследований российской социальности (Алымов 2011: 22; см. критику: Morris 2025).

А. З.: Есть вообще люди, которые что-то делают сами?

Анна: Не-а. Ну вот в Большом нету. Вот в Заречной [село в составе поселения] есть. Вот они и детскую площадку там сами поставили, сделали, там отремонтировали.

Так Анна в своем ответе апеллировала к особенностям «характеров» жителей населенных пунктов. «Характер», «образ жизни», «душа» — на эти эссенциальные признаки, якобы свойственные жителям целого населенного пункта, нередко ссылались управленцы, сравнивая деревни внутри своего поселения или по соседству. В Павловском поселении жители двух населенных пунктов систематически характеризовались разными бюрократами как «местные» и «дружные» в оппозиции «приезжим» и «сложным»: «В Ильинке люди они сами по себе, такой нет отзывчивости, они помоложе, люди сложнее». Или, как более выразительно сформулировала Ира: «Ильинка — это что-то», «...хотя живем близко, общаемся... И вот какое отношение у нас в селе и там в деревне: черное — белое...». Излюбленный пример для иллюстрации различий между населенными пунктами, к которому обращались практически все местные служащие, — это история о том, что в Павлово пожары тушат «всем миром»²⁸, потому что население «дружное», тогда как в Ильинке однажды на загоревшийся дом односельчанина жители лишь смотрели и улыбались, а тушила его глава поселения.

Как показывают несколько телефонных интервью с главами поселений того же района, которые в 2021 г. для меня организовала Анна, подобные системы классификации деревень «по характерам» — явление распространенное. Как сказала Наталья, глава Старицкой администрации, «у меня три деревни — это как три разных человека. Вот они вот прям как люди, у них у каждого своя душа». Приведу один показательный пример такой классификации:

...У нас Димитрово и поселок Кузнецы <...> расположена между ними Успенка деревня <...>. И поселок Кузнецы — люди такие, активные <...>, они всегда были такими и сейчас остаются... вот такими хозяйственными, любят чистоту, порядок <...>. Т.е. ну такие трудяги что ли <...>. Димитрово — вроде и люди неплохие, но более конфликтные, это раз. Во-вторых, более ленивые. <...> У них практически там, наверное, дома три благоустроенные они. А в поселке Кузнецы — сто процентов благоустроенные, да. Ну вот то ли... от... желаний жить лучше. Вот они вообще вот кардинально отличаются. Хотя жители Димитрово вот больше требуют: «Вот дайте нам то, дайте нам это, дайте воду». А в эти населенные пункты уже воду не ведут, потому что численность малая. <...> Поселок Кузнецы — они уже давным-давно пробурили все скважины. <...> С одной стороны, вроде эти требуют, а те ниче не просят: «У нас все хорошо, у нас все прекрасно» <...>. Жители Успенки — они такие, знаете, люди, похожие на жителей Димитрово больше. Тоже вот «дайте», но сами минимум. Там даже две улицы — они тоже

²⁸ С этим примером не согласна только Валерия (переехавшая в Павлово в 2007 г.) — по ее словам, когда у нее самой однажды случился пожар, к ней «никто не пришел». Впрочем, Юлия объяснила это недоразумение тем, что Валерия живет на краю села, и люди просто не видели.

отличаются. <...> Одна улица — она больше похожа, жители, на Кузнецы. <...> А с другой улицы — они больше на Димитрово похожи. Вот не знаю, даже в населенный пункт заезжаешь, и это прям чувствуется вот. (Екатерина, глава Марковского с/п)

Как можно заметить, населенные пункты (в одном сельском поселении, а порой в разных, соседствующих друг с другом) характеризуются посредством дихотомии. Этот принцип классифицирования социального пространства описывает, к примеру, Джеймс Фергюсон. Анализируя популярные в дискурсе замбийцев образы «села», предстающего моральной антитезой аморальному городу, антрополог говорит о моральной географии (*moral geography*), которую, отталкиваясь от существующей дихотомии, продвигает правительство (Ferguson 1992: 84). Развивая метафору Фергюсона, можно сказать, что на контурной карте Замбии села и города по-разному «штрихуются»: первые изображаются как пространства щедрости, сплоченности и морали, вторые — как места конкуренции, безнравственности и эгоизма, который правительство призывает преодолевать ради деревенских жителей и всей нации (*work for nation*) (*Ibid.*: 81–84). Подобным образом работают с картой поселения и сельские бюрократы. Определяя «характер» деревни, управленцы занимаются тем, что я предлагаю называть *моральной картографией* — с помощью «штриховки», как на старых «моральных статистиках»²⁹ распределения ценностей (доступности образования, избирательных прав для женщин и пр.), они классифицируют различия в степени выраженности того или иного ценностно нагруженного признака у жителей конкретного участка сельского поселения.

Самым популярным классифицирующим признаком для управленцев служит готовность одних жителей самостоятельно заниматься благоустройством и решением проблем («активность», «хозяйственность», «трудолюбие», «дружность») в противовес «требовательности» («конфликтности», «лени») других, часто характеризуемых негативно маркируемым словом «потребители»³⁰. Помимо этого, сельским бюрократам бывает нужно обозначить «образ жизни» в населенном пункте — как более или менее «сельский» (см. Глава 3), что может определяться, например, исходя из представлений о степени сплоченности и взаимного участия в жизни друг друга или занятий, выбираемой одеждой для выхода в публичное место и вкусами сельчан, как в следующей цитате:

...Т.е., грубо говоря, «сельхоз зона» — «зона отдыха». <...> Те, кто, допустим, живет, как сказать, в «зоне отдыха», <...> в магазин там или куда пойдут — культурненько оденутся, да? А если взять, допустим, тех же в Красной [деревни в составе поселения] жителей, они, допустим, грубо говоря, в чем управился, в том, ну, и до магазина добежал, потому что времени сильно нет переодеваться, раз-раз

²⁹ См.: (Friendly, Palsky 2007; Dando 2010).

³⁰ О пейоративе «потребители» см. подробнее в Главе 4.

сбегал <...> Даже на общении [сказывается]. Вот в Красной — это больше любят вот такие песни народные, под гармонь, допустим, вот они любят... ну, народные инструменты, такое народное направление больше любят. (Матвей, глава Холминского с/п)

Картографируя социальное пространство села, сельские бюрократы оценивают жителей как потенциальных «клиентов» администрации и пытаются объяснить, почему «образы жизни» в деревнях отличаются. Как в приведенном ранее рассуждении Анны о большевцах, особенности образа жизни часто объясняются со ссылкой на воображаемую историю села. К примеру, жителей одной деревни Екатерина, глава Марковского поселения, охарактеризовала как основательных и умных, потому что их предки — украинцы, а о жителях другого населенного пункта отзывалась как о любящих чистоту и порядок, потому что «очень много было немцев». Тот же принцип классификации на основании мифологизированной этнической принадлежности жителей использовал и Виктор, глава Приозерского поселения, находя причины аккуратности, красоты и трудолюбия односельчан в том, что их предки (как и его собственные) «пришли из Витебской губернии».

Другой фактор, обуславливающий выбор способа штриховки территории, — это миграции. Для сельских бюрократов имеет значение, какая в каждом населенном пункте доля «местных» относительно «приезжих»³¹. Если первых значительно больше, то новых жителей якобы получается «переучивать», тем самым сохраняя общий «характер» села: «приезжие» под влиянием общей «атмосферы» начинают следить за чистотой или устраивают на работу и перестают злоупотреблять алкоголем, т.к. в селе «не заведена пьянка и болтание». В восприятии управлеченцев, «приезжие», выходя за пределы ощутимого меньшинства, привносят негативные изменения в социальное пространство села. Через два года после своего обзора территории Анна уточнила, что в Заречной люди уже не такие дружные, как раньше, потому что местных, в отличие от приезжих, становится меньше. Приезжие словно сопротивляются императиву сельской сплоченности, разрушая «общий сельский менталитет», под которым среди прочего подразумевается готовность к взаимопомощи и участию в совместной деятельности.

Были случаи, что у нас умирали безродные <...> и соседи собирали деньги на все на это <...>. [День села] самый любимый праздник у нас в селе <...> столько людей приходит! <...> И в плане помохи. В деревне все равно это, менталитет деревенский... сельский все равно сохраняется. [А. З.: Почему где-то стали жить

³¹ «Приезжими» могут считаться как переехавшие пару лет назад люди, так и живущие в селе сорок лет, как устроенные на работу и «положительные», так и «неблагополучные», как активно участвующие в совместной коллективной деятельности (самодействия, управлении), так и нет. Вероятно, переехавший человек может оставаться «приезжим», пока в населенном пункте есть значительное число «более местных» относительно него людей (родившихся / выросших здесь).

разобщеннее?] А если, знаете, если приезжих много. (Наталья, глава Старицкого с/п)

Однако принадлежит ли идея классификации «характеров» деревень исключительно низовым бюрократам? Конечно, большую роль здесь играет вписанность сельских управленцев в местный социальный порядок. Манера наделять жителей разных деревень презумпцией специфичности в целом характерна для сельчан, что известно исследователям среди прочего на примере локально-групповых прозвищ и песен о соседних селах³². Действительно, в интервью и беседах разные жители и Павлово, и Большого классифицировали населенные пункты, отмечая достоинства внешности своих односельчан и указывая на общую атмосферу в селе, как это делала, к примеру, Марина, продавец в павловском магазине: «В Павлово, в отличие от Ильинки, люди дружные, мягкие. Говорили даже в [соседнем поселении], что в Павлово самые красивые девчонки. Хотя здесь все приезжие, мало кто родился в Павлово, — все дружные. <...> Видимо, чем больше разных национальностей, тем дружнее — нечего делить».

Зачастую имеющие опыт миграции, жители обоих поселений в разговоре со мной сравнивали населенные пункты, как и управленцы, связывая сплоченность / разобщенность односельчан с числом приезжих и близостью к городу. А одна из самых пожилых павловских жительниц (1932 г.р.) сослалась при классификации на географию переселения:

Они [в Павлово] гроденские были. <...> Ну как украинцы они считаются, наверное. <...> Вот они были из Грозно [Гродно], а там [в деревне, где С. В. жила до 12 лет] все «смоляры» [переселенцы из Смоленска]. Мы даже когда приехали сюда с мамой <...> нас даже здесь «смолярами» звали эти гроденские [смеется]. (Степанида Васильевна, жительница Павлово)

Однако жители часто высказывали и кардинально отличающуюся от управленческой точку зрения: «Деревни сейчас все одинаковые. Совхозы, колхозы пораспадались, люди разъезжаются, везде так»; «Люди везде одинаковые в деревне — балаболы, сплетни». Подобные рассуждения, как кажется, невозможно услышать в беседе с сельскими управленцами. Работая с людьми из разных населенных пунктов, они

³² Как отмечает Наталья Дранникова, анализируя архангельский материал, в основу коллективных прозвищ ложится одна отличительная черта сообщества (обусловленная особенностями внешности, этничности, географических особенностей и др.), к которой чаще с негативной оценкой отсылают в контекстах взаимодействия (перед драками, на посиделках и праздниках) люди, для этого сообщества внешние (Дранникова 2004). Наравне с этим существуют и коллективные прозвища, адресованные своему сообществу, стилистически не сниженные. Они преследуют ту же цель, что и «внешние» — отделить свое сообщество от другого. Эту функцию размежевания микро-групп выполняют и песни о жителях соседних деревень, которым приписывается общий (чаще всего отрицательный) коллективный признак (Там же: 135–206).

предсказуемо уделяют больше внимания различиям в коллективном характере их жителей.

При этом способы классификации населенных пунктов могут различаться, например, у служащих сельской администрации и работниц культуры. Тогда как сотрудники Павловской администрации сравнивали павловчан и ильинских по признакам «местные / приезжие», «простые, хорошие / сложные, нехорошие», заведовавшая в 2022 г. клубом и библиотекой Виктория и заведующая спортклубом Жанна подчеркивали мешающую их работе (попыткам привлечь людей к участию в концертах и спортивных соревнованиях, к посещению репетиций и занятиям спортом) «пассивность» павловчан в противовес «активности» жителей Ильинки.

В следующем разделе я рассмотрю подробнее несколько классификационных пар, наиболее часто использовавшихся большовскими и павловскими управленцами для характеристики как населенных пунктов, так и отдельных людей, а именно «простой — сложный» и «нормальный — недовольный». И здесь возникает вопрос, почему характерология населенных пунктов создается сельскими бюрократами с особым вниманием к тому, насколько деятельны, самостоятельны и «просты» их жители? По словам Майкла Липски, «бюрократы уличного уровня будут проводить различия между клиентами по причинам, имеющим большее отношение к решению проблем, связанных с работой» (Lipsky 2010: 107). Какую проблему решают сельские бюрократы, классифицируя разные «характеры» деревень и всех жителей поселения по отдельности?

Предупрежден значит вооружен

В используемой управленцами таксономии жителей, как и в любых классификациях (Дюркгейм, Мосс 2014: 59–60), заметна ценностная заряженность категорий: социальное пространство поселений расчертывается на «простых» и «сложных», «активных» и «пассивных», «трудолюбивых» и «ленивых» и т.п. В предыдущей главе я показывала, как на работу сельских бюрократов влияет такая характерная для их промежуточной позиции в структуре власти черта, как зависимость от непредвиденного социального. Классифицирование жителей и целых населенных пунктов, помещенное в центр этой главы, — на мой взгляд, еще одно средство справиться с переживающей сельскими бюрократами неопределенностью. «Чем полнее [посредством классификации] институты кодируют ожидания, тем больше они контролируют неопределенность» (Дуглас 2020: 117).

Характерология сельских бюрократов, таким образом, порождается зависимостью их позиции, а не неопределенностью как отсутствием знания вкупе с дефицитом времени

и/или распределяемого ресурса, как это происходит у городских бюрократов, работающих с большим потоком клиентов и/или с незнакомыми людьми. Расчерчивая социальное пространство и выявляя более-менее устойчивые «характеры», сельские управленцы создают более предсказуемый ландшафт задач, устанавливая, какие конкретно жители и какого населенного пункта с большей вероятностью адресуют им тот или иной запрос. Таким образом, классифицируя жителей как «простых» или «сложных», сельские управленцы определяют, насколько проблемным он является для их работы, и тем самым уменьшают степень непредвиденности, от которой они зависят в своей рабочей практике, и получают иллюзию большей безопасности.

Подчеркну, что во всех управленческих характерологиях, согласно моим наблюдениям, неизменно преобладает принцип классификации населенных пунктов по степени требовательности жителей к управленцу. Готовность жителей действовать самостоятельно или хотя бы не противодействовать бюрократам посредством претензий и скандалов облегчает работу чиновников, освобождая их от новых задач. Выявляя «характер» деревни или отдельного жителя, сельские управленцы формируют ожидания, с какой стороны им скорее всего будет поступать больше запросов, требований или жалоб, а в отношении какого населенного пункта или жителя можно чувствовать себя более спокойно и уверенно.

Еще до поездки в Павлово меня заинтриговала характеристика этого поселения, сделанная Анной, главой Большовского поселения, в период еженедельных отчетов по поводу вакцинации жителей от Covid-19. Необходимость убедить большовцев вакцинироваться и еженедельные отчеты для «района» были насущной проблемой местных бюрократов летом и осенью 2021 г. Сельские администрации были назначены ответственными за вакцинацию и получали выговор, если ее показатели по поселению были невысокими. В Большом многие жители отказывались прививаться, другие не находились на территории, и о том, привились ли они, не было известно, третьи обманывали главу и не обращались в больницу несмотря на обещания. «Они [павловские] живут своим мирком, в интернете так не сидят, как здесь. Поэтому и прививаются, — тогда с сожалением сравнивала Анна большовскую ситуацию с павловской. — У нас же вся крутизна, все везде ездят, все всё знают [поэтому многие отказываются делать прививку]». Позже в Павлово глава поселения и сотрудницы фельдшерско-акушерского пункта подтвердили, что показатели вакцинации здесь действительно были больше девяноста процентов, т.к. местные медики обладают авторитетом благодаря долгой работе в селе и совместному опыту проживания («дети вместе выросли»), а также потому, что в целом поселение «очень дружное»: «Им говоришь о последствиях, <...> они приходят

прививаются». Обладающие другим «характером» большовцы, в большинстве своем, не были столь податливы наставлениям Анны, и, зная об этом, она прибегала к разным тактикам убеждения, а также к бюрократическим хитростям.

Самой популярной характеристикой населения, которую я слышала в самом Павлове, была связана с «простотой» (и ее противоположностью — «сложностью»). Концепция «простоты» прочно укоренена как характеристика сельских жителей в языке здравого смысла и культурных образах и нередко встречается как эмная категория в исследованиях, посвященных феноменам сельской социальности: выступает синонимом удобства проживания, обусловленного плотностью сообщества (Лярская, Гаврилова 2020: 362), гостеприимной щедрости в противовес городской надменности (Koester 2003) и т.д. В книге о дискурсе «русской души» Дейл Песмен показывает, что связанная с образами деревни «простота» уходит корнями в интеллигентские представления XVIII–XIX вв. о сельских жителях с «врожденной культурой» — сочувствием, гостеприимством, честностью и великодушием (Pesmen 2000). Эти же коннотации перекочевали в дискурс советского времени, в котором сельчане предстают «простыми» людьми — «спонтанными и/или раскованными, чьи импульсы, казалось, исходят непосредственно от души и протестуют против скучного расчета» (*Ibid.*: 194–195).

Похожими смыслами, по всей видимости, наделяли категорию «простоты» и герои моего исследования. С одной стороны, «простота» в их дискурсе выступала характеристикой сельского человека (особенно в воображаемом советском «раньше», когда «люди были проще и веселее» и отмечалось больше праздников). К этой категории активно обращались не только управленцы, но и разные жители поселения: «В деревне все простые — все угощают», — как-то прокомментировала мой рассказ о визите к местным жителям продавщица Марина. «Простой» в этом значении — синоним «расположенного к общению», «гостеприимного».

С другой стороны, вспомним начало этой главы: в рассуждениях Надежды и Иры о новой жительнице, поссорившейся со свекровью, глава уточнила, что «человек простого склада характера — она бы может где-то там расплакалась, что-то попыталась рассказать». «Простота» соотносилась сельскими управленцами с искренностью и открытостью в общении: так, заведующая спортклубом Жанна удивлялась, что по мне «и не скажешь, что городская», потому что я «простая». При этом человек, коммуникация с которым по тем или иным причинам затруднена (например, дефектами дикции или излишней многословностью), однажды был охарактеризован Надеждой как «человек сложный», несмотря на искренность и отзывчивость: «Ну вот он такой человек, он... ну, отзывчивый, все, но сложный <...>. С ним если зацепишься языком, еще бы когда

понимаешь, да ладно, но когда не понимаешь, сложно <...>. Я стараюсь быстренько на что-нибудь переключиться. А так-то он отзывчивый...»

Одновременно с этим конкретно для сельских бюрократов «простой человек» — это человек, разделяющий с управленцами опыт сельской жизни. Все служащие Павловской администрации, кроме ведущего специалиста Валерии, родились здесь или переехали сюда в детстве. На основании этой принадлежности единому пространству и общению с жителями в разных контекстах (как одноклассники, друзья, соседи или люди, чьи дети дружат) формируется чувство сплоченности и солидарность. Как объясняет Ира, в Павлово люди «простые» — потому что «им объяснишь, и они понимают». Воспринимая служащих администрации как односельчан, «простые», «хорошие», «дружные» жители Павлово как будто осознавали все трудности работы бюрократов и становились на их сторону.

Исправно, без настойчивых уговоров и напоминаний приходя перезаключать договора и вакцинироваться, павловчане, с точки зрения управленцев, вели себя как люди «ответственные». Другим проявлением этой «ответственности» была высокая явка на выборы. Согласно двум членам местной участковой избирательной комиссии, «есть люди, которые за Путина, есть которые против, но приходят все — люди в этом плане у нас ответственные. Все, кто на месте, приходят еще до обеда». Так, к понятиям «ответственности» и «простоты» сельские управленцы апеллировали, подразумевая солидарность жителей с бюрократами, их готовность вступать в бюрократические взаимодействия, в т.ч., руководствуясь не личными интересами, но интересами бюрократов. По словам павловского фельдшера Полины Владимировны, чтобы выполнить план по диспансеризации ей с заведующей ФАП-ом Таисией Николаевной приходилось ходить к тем, «кого не дождешься» и объяснять, что «это нам надо, приди пожалуйста, сдай кровь, чтобы у *нас* план пошел»:

Они все как наши, все всех знаем. Деревня у нас покладистая, но есть такие, как говорят, паршивая овца все стадо портит. Вот даже Павлово и Ильинка. Там народ тяжелый, отовсюду приезжие, слаженности такой не получилось у них. У нас — в основном все коренные, приезжих мало <...>. Поэтому [коренные] они понимают хорошо все это. (Полина Владимировна, фельдшер в Павлово)

Представление о значимости принадлежности единому пространству, совместно проживающей сельскости, таким образом, соположено идеи об «ответственности» и «простоте» — позитивно оцениваемым управленцами качествами сельчан. Помещая всех жителей населенного пункта в одну классификационную ячейку или наделяя характеристикой отдельных людей (определяя среди «сложных» «хорошеньких» или среди «покладистых» — «паршивую овцу»), сельские управленцы получают возможность

сделать таящееся в социальном непредвиденное, от которого они зависят, более понятным — выстроить разные ожидания и стратегии действия в соответствии с «характерами» людей: рассчитывать на помощь и участие людей «ответственных» и «простых», с большей тщательностью подходить к переговорам с людьми «сложными». Приведу несколько примеров инструментализации этих классификаций.

«Простые», «ответственные» и «сложные»

В один из вечеров 2022 г., как обычно прияя в спортклуб, я с удивлением обнаружила его пустым. Услышав голоса в сельском клубе на втором этаже того же здания, я поднялась, и увидела, что в концертном зале проходят спортивные соревнования, объявления о которых не было. За столом в клубе сидели члены жюри — из постоянных посетительниц спортклуба, а руководила всем мероприятием Виктория (заведующая клубом) с телефоном в руках. Она делала фотографии, по несколько дублей, командуя, когда начинать бег.

Создавали видимость соревнований команды из трех жительниц села (в т.ч. и самой заведующей спортклубом Жанной) и «их» детей. Сама Жанна была в команде с чужим ребенком, и позже сетовала на то, что я не пришла в клуб немного раньше, чтобы участвовать в «забеге» вместо нее. Жанну смущало не только то, что как организатору соревнований формально ей было не положено участвовать в них, но и то, что ребенок, в одной команде с которым она, казашка, была запечатлена на фотографиях, обладал другим фенотипом, более близким моему. Как бы то ни было, спустя пять минут динамичной фотосессии Жанна произвольно выбрала «победительницу», и через пару минут для отчета была сделана фотография женщины с заслуженным трофеем — подарочным сертификатом в «Магнит Косметик». Его односельчанка тут же вернула Жанне, мотивировав это тем, что в город ехать не собирается, чем расстроила заведующую спортклубом.

Все это весьма странное мероприятие было нужно провести Жанне для отчетности по конкурсу «Папа, мама, я — спортивная семья», в котором, по ее словам, никто из павловчан с детьми подходящего возраста участвовать не захотел. Использовавшаяся местными работницами культуры характеристика павловчан как «ленивых» в очередной раз оправдала себя. Однако Жанна нашла выход из ситуации. Она обратилась к продавщице Яне, и та не отказалась и пришла с дочерью, потому что Яна «как своя» Жанне, чья вторая должность — управляющая магазином. На просьбу заведующей откликнулась и другая односельчанка, чей поступок Жанна объяснила мне тем, что «она всегда такая, <...> она более ответственная, чем другие».

В качестве еще одного примера того, как на практике используется знание о различных характеристах деревень и об «ответственности» жителей, стоит вспомнить перезаключение договоров на газ, в котором я участвовала в 2022 г. в Павловском поселении. Сначала в Павлово, а неделей позже в Ильинке, в местную администрацию и клуб, приезжали городские сотрудники газовой службы, чтобы переоформить истекающие договоры на газовое обеспечение жителей отдаленной сельской территории. Это мероприятие не отражалось на формальных показателях работы администрации, но глава поселения Надежда была заинтересована³³ в том, чтобы договор перезаключили как можно больше людей, т.к., по ее словам, только здесь она как представитель местной власти могла содействовать облегчению этой бюрократической процедуры (подготовить справки, решить проблемы с документами и попытаться договориться с газовиками в затруднительных ситуациях), тогда как в административном центре (куда к тому же долго и дорого ехать) люди без необходимых документов получили бы отказ.

Надежда заранее обзвонила жителей Павлово, фамилии которых были в предоставленных газовиками списках на перезаключение, и специально не вешала объявление, «чтобы не пришли все подряд». Тем не менее люди, чьих имен не было в списке, приходили в администрацию тоже, а те, чьи имена в списках были, не раз являлись раньше назначенного срока. Наконец в день перезаключения договоров с самого утра в администрации образовалась очередь, как и предсказывала глава, с удовлетворением отмечавшая ранее, как и другие местные управленцы: «Люди у нас ответственные, их зазывать особо не надо». Жителей Ильинки глава, напротив, не только обзванивала, но и отправляла им с почтальоном печатные напоминания о дате перезаключения договоров и необходимых документах. Однако в назначенное время в ильинском клубе, где разместились газовики, было всего несколько человек, и Надежде пришлось послать водителя Тимура обехать дома всех, кто был в списках. В итоге пришло еще несколько забывчивых человек, но далеко не все приглашенные. Как прокомментировала Ира, выслушав мой рассказ о поездке в Ильинку, «вот людям привозишь [газовиков], а они потом недовольны, потом будут жаловаться».

Так, «ответственность» может быть индивидуальной чертой «характера» или качеством всех жителей поселения, и сельским управленцам нужно знать, кто из жителей на их территории «ответственный». В контексте сельского социального пространства представление об «ответственности» значит не только готовность выполнять просьбы и подчиняться требованиям управленцев, но и чувство долга, и инициативность

---

³³ Как я предполагаю, заинтересованность главы в этом мероприятии была обусловлена, в частности, тем, что таким образом демонстрируется «работа» администрации (См. Глава 4).

управляемого, важные в условиях дефицита ресурсов и зависимости от непредсказуемых запросов сверху. Быть «ответственным» значит как минимум участвовать в организуемых управленцами мероприятиях и не отказывать им в просьбах, что, на мой взгляд, в целом важно в концепции сельского авторитета (см. Глава 4).

«Нормальные» и «недовольные»

Самой частой парой классификационных понятий для отдельных жителей в Большовском поселении были «нормальный, свой / ненормальный, вечно недоволен, орет». К примеру, подрабатывавшая в 2021 г. переписчицей специалист Елена, экономя время, могла неходить в дома некоторых односельчан, но просто звонить им. При этом Елена, по ее словам, набирала лишь номера «нормальных» людей, т.е. «тех, кто не скажет, что [она] в ограду не заходила». Или, как прокомментировала Анна требование района поставить на избирательном участке только одну кабину для голосования, «мы же знаем свое население — оно ждать не будет стоять, с недовольными рожами будут — и так заставили прийти, еще ждать». Большовским управленцам, описывающим жителей чаще всего как «недовольных», важно было определить среди них «нормальных». Эта характеристика объединяла в себе несколько значений: «нормальный» — это и «благополучный» человек, но, что важнее, и тот, кому управленцы могли доверять, «свой» человек. К примеру, по словам Анны, в участковые избирательные комиссии она приглашала людей, «кому можно доверять, кому я доверяю, и кто ко мне, я знаю, что нормально относится».

О собственной сельскости разные жители Большовского поселения и, в особенности, местные управленцы, говорили иначе, чем в Павлово. Чаще здесь я слышала локализованные в прошлом или где-то в абстрактном селе рассуждения о том, как раньше сельчане помогали друг другу и вовлекались в совместную деятельность (были «помочá», вместе строили дома, сами устраивали праздники и пр.³⁴⁾ и противопоставляемые им сетования на то, как разобщены и равнодушны местные сельские жители в настоящем: «Есть отчужденность, какое-то безразличие», и часто от односельчан можно услышать ««Ой, да у меня своих проблем хватает»», — в интервью раздраженно отметила Любовь Борисовна, заведующая большовской библиотекой. Подобный стиль рассуждений является распространенным среди разных сельских жителей. Карин Клеман описывает его как «патриотизм села» — эмоциональная привязанность к селу и признание в качестве ценности «спокойной жизни, взаимовыручки между людьми, наличия подсобного хозяйства» вместе с нарастающим ощущением, что эти преимущества сельской жизни в

³⁴ В этих рассуждениях герои исследования неосознанно вторят популярному тезису исследователей о присущих сельской местности «общинных практиках соционормативного поведения», см., например, (Архипова, Туторский 2013: 106).

настоящее время исчезают: «...люди стали меньше помогать друг другу и больше думать о деньгах» (Клеман 2021: 63–64).

Большовские управленцы часто выражали недовольство тем, что их односельчане не посещают субботники, не участвуют в самодеятельности и в целом пассивны, не желают приводить в порядок участок возле собственного дома или рабочего здания. Более того, что подчеркивалось разными жителями Большого, и Павлово, сейчас люди в целом не хотят трудиться: не работают, регулярно высказывают недовольство, а вместо безвозмездной взаимопомощи отказываются «помогать» даже за деньги:

Сейчас какая-то озлобленность людская есть. Каждому человеку только ты обязан, а он ничем не обязан перед тобой. Самое главное — нет взаимопомощи. Обращаешься даже и... В летний период дети работают [в администрации], их надо проконтролировать, что где они поливают. Такая ситуация получилась, что у меня две девочки работали, их отправили тяпать к кладбищу. На тебе — мои девочки исчезли. Они вдоль трассы под ручку взялись и пошли. Ну, конечно, я тогда трухнула. Вот стоишь смотришь и предлагаешь людям: «Ну вы пойдите, вот просто понаблюдать за детьми. Вам за это же будут деньги платить». Люди отказывали. Просто-напросто отказывали. Люди не хотят работать... Я лучше буду кричать, я лучше буду просить, но зачем я пойду работать, когда за меня кто-то сделает? Ни разу никто на селе не предложил, что... хотя все цветы растят. Все цветы растят и сказали бы: «Ну нате, девчонки, цветы, там на клумбы посадите цветочки». Никогда. Никогда этого никто не сделал. Т.е. люди потребители. (Любовь Борисовна, библиотекарь в Большом, сельский депутат)

Коммодифицированность прежде безвозмездной помощи и отчужденность друг от друга не только односельчан, но даже соседей, с перспективы разных героев моего исследования, не только противоречат идеальному образу села, но и как будто уничтожают сельскую специфику в принципе: «Короче, все стали чересчур деловые, потому что раньше деревня была деревня. Люди были проще», — обобщила председатель большовской Сельской Думы Вера Владимировна.

Прямое или косвенное обращение управленцев к идеализированному образу сельской социальности в контексте личных разговоров о работе или бесед, вписанных в рабочую рутину, содержит в себе критику настоящего. Подобные представления свойственны многим сельским жителям, ностальгирующим по утерянному прошлому, которое по канонам самого жанра³⁵ «было лучше». Более того, можно сказать, что данные нарративы представляют собой одну из разновидностей «постсоветской ностальгии», предполагающей тоску по «важным смыслам человеческого существования» (основывающуюся на собственном «утопическом» воображении прошлого): ценности работы, относительной неважности материальной жизни и взаимопомощи друг другу

³⁵ Обязательные характеристики ностальгии, согласно Арто Мустайоки: «Отрицательные стороны X забыты, положительные выдвигаются на передний план... Говорящий считает, что X в прошлом был лучше, чем есть сейчас, по крайней мере по данному параметру» (Мустайоки 2009: 209).

(Nadkarni, Shevchenko 2004: 496; Юрчак 2019: 45). Тем не менее я убеждена, что неоднократное появление имплицитных или эксплицитных отсылок к образу «идеальной деревни» в дискурсе сельских бюрократов преследовало особенную цель. С помощью апелляций к идеям об утраченной сельской сплоченности и взаимопомощи мои собеседники подсвечивали те аспекты жизни в селе, которые их не устраивали в особенности потому, что они затрудняли их работу — ограничивали круг людей, с которыми можно было разделить решение управленческих проблем. Не ощущая свое положение в селе как безопасное, т.е. зная о том, что на сочувствие собственным управленческим проблемам здесь не стоит всецело рассчитывать ввиду общей разобщенности и равнодушия, сельские бюрократы в Большом должны были больше внимания уделять наделению характеристикой каждого конкретного жителя.

Положительно окрашенные характеристики «нормального» или «своего» человека в дискурсе местных управленцев подразумевают лояльность управленцам или хотя бы не-проблемность этих людей для задач управления. «Конечно, помнят. Вы семья, которая не доставляет никаких неудобств, все нормально, все хорошо», — так Анна высказала свое расположение к обратившейся к ней по телефону уехавшей из села жительнице, когда та попросила передать привет «девчонкам» (специалистам), но усомнилась, что те ее помнят. «Нормальность» и «беспроблемность» противопоставлялись сельскими бюрократами «недовольству» жителей — которое или высказывается напрямую («ей лишь бы всегда все против сказать») или интерпретируется как таковое. Например, перестав участвовать в организовываемых управленцами и необходимых для них мероприятиях (например, на встречах с районными депутатами), жительница села заставила бюрократов подвергнуть ревизии данную ей ранее характеристику: «Она стала такая неадекватная»; «Раньше она нормальная была, на все встречи [организованные управленцами] ходила». Следовательно, номинации характеров не являются закостеневшими, но подтверждаются или оспариваются и пересматриваются в ходе повседневных взаимодействий, и особенно в наиболее напряженные для управленцев периоды (выборы, вакцинация Covid-19 и пр.), когда они сильнее всего рассчитывают на отзывчивость односельчан.

Система координат низовых управленцев в Большом выстраивалась вокруг отношений жителей с сельскими бюрократами — готовности содействовать им в управлении и (что, как кажется, не было заметно в Павлове) согласия с общей государственной политикой. Тогда как в Павлове управленцы утверждали, что «здесь все свои», «все как одна семья», большовские муниципальные служащие выделяли среди «разобщенных» и «недовольных» односельчан людей «своих» и «нормальных», готовых в т.ч. противостоять местной «элите пакостников». Классификация в Большом играет ту же

роль, что и в Павлове, однако оптика, через которую управленцы смотрят на жителей поселения была настроена на более близкое расстояние. Намного чаще, чем ссылки на качества групповых «характеров», местные служащие пользовались характеристиками индивидуальными, более подходящими для «разобщенного» пригородного сообщества.

Так или иначе, посредством классификации жителей или населенных пунктов в целом сельские бюрократы определяли, могут ли они рассчитывать на помощь, что особенно важно в структурных условиях современного сельского муниципального управления. Дефицит материальных и административных ресурсов у сельской администрации, высокая степень ответственности местных служащих за все пространство поселения, непредсказуемость требований вышестоящих инстанций и, в условиях вертикально устроенной «единой системы публичной власти», обязанность подчиняться им даже при отсутствии специально выделенного финансирования, рассогласование логик разных бюрократических инстанций и незащищенное положение сельских бюрократов — сама система управления, выстроенная подобным образом, предполагает, что сельские бюрократы в процессе технического управления и в чрезвычайных ситуациях должны рассчитывать на помощь населения. К примеру, сельским управленцам важно понимать, можно ли полагаться на содействие жителей в случае инфраструктурных поломок (на бесплатное предоставление транспорта, техники или участие в работах) или, зная об их «пассивности» и «сложности», нужно рассчитывать только на собственные силы; можно ли надеяться на то, что жители будут следовать рекомендациям и требованиям местной администрации или стоит заранее продумать обходные пути достижения нужных району «показателей». При этом знание «характера» жителей своего поселения позволяло служащим администрации не только эффективнее организовать работу, но и формировать ожидания, и вырабатывать способ оправдания управленческих успехов и неудач со ссылкой на особенности этого «характера». К другому важному значению этого знания я обращаюсь в следующем параграфе.

Хозяйское знание

Мне представляется значимым, что помимо отдельных реплик, сопровождавших их рабочую повседневность, сельские управленцы часто обращались к описанию социальных различий между деревнями в беседах со мной — человеком для села посторонним. На мой взгляд, умение классифицировать отдельных жителей поселения и населенные пункты на его территории свидетельствует об обладании характерным для сельской местности «знанием всех», а точнее о масштабе и совершенстве этого знания. Вероятно, регулярно воспроизводимое в речи классифицирование с отсылкой к «характеру» той или иной части

социального пространства поселения дает возможность служащим администрации и членам их команд продемонстрировать и закрепить свой статус сельских управленцев. Подтверждением этого предположения служит тот факт, что, рассказывая о работе в сельской администрации, ФАП-е или сельском доме культуры, мои собеседники часто сами, без наводящих вопросов, переходили к сравнению «характеров» деревень.

Важную роль в моральной картографии поселений играет, как я предполагаю, идея ответственности за пространство, разделяемая сельскими управленцами, особенно главами поселений. Как сформулировала Надежда, «два населенных пункта, и я же за каждого из них отвечаю, начиная с рождения и заканчивая пока его не увезут на погост. <...> Вот если пожары, я спать не могу <...>. Я знаю, кто пьющий, я знаю <...> за кем можно посмотреть. <...> Я это все знаю, я реально ощащаю за каждого ответственность». В этой системе представлений глава поселения выступает в роли «хозяйки территории», как объясняли мне управленцы и другие жители Павлово и Большого.

Дуглас Роджерс, изучавший на примере села в Пермском крае особенности постсоветского управления, отметил, что неотъемлемый его элемент — «быть хозяином» (Rogers 2006: 917). Под «хозяевами» Роджерс в первую очередь понимал глав местных предприятий, способных посредством неформальных обменов и допущения мелких краж объединять людей в моральные сообщества³⁶. Задаваясь вопросом, является ли местная администрация хозяйством, антрополог пришел к выводу, что поскольку у органов муниципальной власти нет ресурсов, часть которых можно украсть, и развита культура аудита (постоянные отчеты и проверки), то создание морального сообщества чиновников с жителями посредством неформальных договоренностей затруднено. Этот вывод во многом резонирует с репликой специалиста Елены: «Как глава — хозяйка территории. На самом деле прав-то никаких мы не имеем. Чисто как посредник между людьми и районом. Они [районная администрация] наседают на нее [главу поселения] — она спрашивает с нас [служащих администрации]. А что-то получилось не так — “сами разбирайтесь”».

Ксения Черкаев замечает, что советская концепция «хозяина» и «хозяйства» связана не только с распределением ресурсов, но и с обладанием властью над чем-то или даже узурпацией господства, чувством личной ответственности за свое «хозяйство» и вовлеченностью в отношения «соседской помощи» с другими членами «хозяйства» (Cherkaev 2023: 75, 77–78, 121). Это понимание кажется мне более точным и близким к разделяемым героями моего исследования идеям главы как «хозяйки территории». При этом необходимо отметить, что в описываемом мной случае эта идея существует скорее в дискурсивной плоскости и плохо воплощается на практике. Как следует из

³⁶ См. также (Лапердин 2024: 152).

цитированных выше слов Елены, этому мешает отсутствие у сельской администрации реальных административных полномочий и материальных ресурсов. Данная институционально обусловленная уязвимость и зависимость положения управленицев, даже их беспомощность (особенно заметная на контрасте с позицией директора сельскохозяйственного предприятия в Большом, обладающей реальными материальными ресурсами) регулярно подчеркивалась служащими администрации, сетовавшими на то, что они «пешки» в политической игре и «всем должны». Поэтому, на мой взгляд, управленцам так важно посредством классификаций продемонстрировать знание территории. Как настоящие хозяева своего «хозяйства», они должны знать, где что находится и к чему обратиться в случае необходимости, все их «инструменты» должны пребывать в строгом порядке (Скорин-Чайков 2024: 13). Следовательно, классифицируя населенные пункты, как бы осматривая свои владения, главы поселений тем самым напоминают самим себе о своем статусе «хозяев», даже если на практике часто не имеют средств для того, чтобы вести себя «по-хозяйски», и во многом вынуждены подчиняться требованиям вышестоящих инстанций. Как объяснила мне глава Большого, «хочу спилить [деревья], а тут не могу, там не могу. Не в моих полномочиях [и нет средств в бюджете]. На территории школы не могу. Потому что у них есть свой хозяин [заведующий и директор, находящийся в школе другого поселения, т.к. в Большом — ее филиал]».

Как-то я обратила внимание, что при обсуждении курьезов моих телефонных разговоров с жителями, которых я обзванивала в Большом, приглашая прийти на выборы, Анна всегда пыталась угадать, с кем именно я говорила. Т.к. используемая мною программа предоставляла информацию только о году рождения и имени-отчестве избирателей с первой буквой фамилии и к тому же я часто запоминала ее не точно, я могла определить по голосу и сообщить главе пол и примерный возраст своих собеседников, а также пересказывала отдельные реплики. Анну увлекала эта игра на узнавание. В очередной раз придя к верному, по ее мнению, ответу, она со смехом прокомментировала: «Как бы вы ни скрывались [под инициалами], я вас все равно всех знаю».

Этот эпизод иллюстрирует, что подчеркиваемое всеми сельчанами «знание всех» — это не только социальный капитал, доступный всем сельским жителям, но и, в случае низовых бюрократов, культурный капитал — инкорпорированный «продукт накопленного труда» по аккумуляции знаний о жителях, «внешнее богатство, превращенное в неотъемлемую часть личности», приобретаемый уровень «образованности» (Бурдье 2014: 299). Возможность классифицировать и определять якобы превалирующие качества

характера жителей, следовательно, предстает важной частью управленческой компетенции.

Быть управленцем — значит не только всех знать, но и быть проницательным. После моего первого разговора с главой Павловского поселения, я поделилась с ней радостью от того, что наш разговор прошел так свободно. На это Надежда ответила, что секрет заключается в том, что я ей понравилась. Как отметила глава, она почти никогда не ошибается в человеке по первому впечатлению, у нее хорошая интуиция. Возможно, я бы не придала этой фразе особенного значения, если бы годом ранее не столкнулась с той же идеей об управленческой проницательности в разговоре с большовским депутатом:

Нам, депутатам еще нужно... быть хорошим психологом. Это самое главное — быть хорошим психологом. Вот мы с тобой разговариваем, и я уже кое-что, какое-то представление о тебе уже имею, Саша. И до того, как мы общались вот с тобой, я видела много раз, как ты с Леной [во время переписи] ходила. Просто это уже глаз наметанный, правильно? Все равно уже просто вывод делаешь о человеке. (Любовь Борисовна, библиотекарь и сельский депутат в Большом)

Псевдопсихологические категории, которыми оперируют сельские управленцы, таким образом, — это знак их должности; необходимый для управления культурный капитал или особенный габитус, чувство, которое, по мнению героев моего исследования, развивается при долгой работе с людьми или должно быть у хорошего управленца изначально. И задача сельского бюрократа состоит в том, чтобы на основании своего знания и проницательного «видения» эти «характеры» распознать, тем самым сделав рабочую повседневность безопаснее, а действия эффективнее. Возможность классифицировать как развитый управленческий навык позволял сельским бюрократам среди «сложных» находить «хорошеньких» или среди «недовольных» — «нормальных».

Как-то в очередной раз размышляя о смене работы, Анна сказала: «Хочется что-нибудь поскромней — не отвечать ни за коров, ни за собак, ни за детей, ни за какую херотень». Из этой и приведенных выше реплик управленцев следует, что в их восприятие собственной роли имплицитно включена идея хозяйствования — не экономического, связанного с возможностью предоставления ресурсов (как его понимал Роджерс), но подразумевающего идею об ответственности и знании всех, важную в сельском социальном пространстве. Исследуемые в этой главе классификации перformatивно возвращают сельским управленцам их статус «хозяев территории», все более размывающийся ввиду снижения автономии сельских поселений.

«Авторитет <...> есть символическая сила видения и предвидения, направленная на внушение принципов видения и разделения этого мира» (Бурдье 1993c: 71). Классификации «характеров» деревень и их жителей имеют большое значение для

восприятия управленцами собственной позиции. Знание всех и демонстрируемая без наводящих вопросов способность классифицировать жителей разных населенных пунктов, тем самым создавая моральную карту территории, суть отголосок управленческой способности представлять «подвластную» территорию. Этот навык необходим не только для осуществления управления, но и для того, чтобы буквально быть управленцем.

Выводы

Общим местом в социальных исследованиях профессий стало представление о вырабатывающихся внутри профессионального сообщества «особых», «своих» (экспертных или внутренних) знаниях (см., например, обзор: Романов, Ярская-Смирнова 2009). В рассмотренных мною случаях морального картографирования поселений «особое» знание также оказалось важным атрибутом профессиональной деятельности управленцев, однако это знание («знание всех») не совсем или даже вовсе не эксклюзивно бюрократическое. «Знание всех» в той или иной степени разделялось разными сельскими жителями, сосуществовавшими в пределах небольшого и более или менее обособленного пространства, и, по общераспространенному мнению, являлось одним из важнейших составляющих сельского социального порядка. Однако знание главы поселения, сельского социального работника, специалиста администрации или управленца-«общественника» должно было представлять собой квинтэссенцию общего сельского знания, его предельную форму. «Живу здесь тридцать лет, я общественник, я библиотекарь в конце концов. Пришли на выборы, я не знаю, кто такие. Спрашиваю у них: “Где проживаете?” — “А вам какая разница?” Как “какая разница”?! Я общественник, мне просто интересно!» — с возмущением вспоминала большовская библиотекарь и сельский депутат, а ранее член местной участковой избирательной комиссии, попытку оставить ее в незнании. Доказательством того же притязания на максимальное знание, на мой взгляд, среди прочего служат и управленческие классификации деревень или отдельных жителей.

Быть сельским бюрократом, по словам всех моих собеседников-управленцев, сложнее, чем быть бюрократом в городе. Это обусловлено по большей части требованиями всеобъемлющего знания, которые предъявляют сельским муниципальным служащим как районные чиновники, запрашивающие юридически правильные документы и различную информацию о населении, несмотря на то что в администрации может не быть этих данных, так и односельчане, желающие узнать самые разные номера телефонов или уточнить детали местных событий. «Казалось бы, зачем звонить мне, да? А я откуда знаю? Я же отвечать всем тоже не буду: откуда я знаю, где че», — сетовала Анна после

очередного звонка с вопросом о дате похорон односельчанина. «Я не юрист, а они [в районных органах управления] сидят там, каждый своим делом занимается, а от нас хотят, чтобы мы все знали. Делаю из нас каких-то вундеркиндлов», — комментировала Надежда запрос из «района». Подобные примеры недовольства бюрократов по поводу завышенных требований к их осведомленности нередки. Тем не менее, как было показано в этой главе, всеобъемлющее знание — не всего, но всех — необходимо сельским управленцам. Это знание, проявляющееся в умении определять характеры не только отдельных жителей, но и целых населенных пунктов, используется низовыми бюрократами в работе, позволяя им решить ту или иную задачу, сформировать ожидания и оправдать управленческие успехи или неудачи, т.е. адаптироваться к характерной для их работы предсказуемой неопределенности.

Однако картография характеров жителей — это не только управленческий инструмент, позволяющий бюрократам делать правильные ходы в шахматной партии. Само по себе проговаривание характеристик, перформативное нанесение на контурную карту поселения разных штриховок и условных обозначений имеет и другую важную функцию. Посредством моральной картографии пространства сельские управленцы доводят знание всех, в той или иной степени доступное каждому сельчанину, до предельной формы, какой должен обладать настоящий «хозяин территории». Будучи низовыми чиновниками в централизованной системе управления, зависящими от непредвиденности социального, сельские бюрократы воспринимают свою позицию как уязвимую и лишенную реальных полномочий. Однако, картиграфируя социальное пространство, т.е. создавая иерархизированный в соответствии с собственными ценностями образ территории, они совершаютластное действие. Моральное картографирование поселения позволяет служащим сельской администрации и членам их команд продемонстрировать в коллективе и перед самими собой управленческий культурный капитал, т.е. исчерпывающее знание всех и проницательность. Тем самым классификации «характеров» деревень позволяют сельским бюрократам утвердиться в самоощущении как «хозяева территории».

ГЛАВА 3. Аффекты сельского управления

...Все ж люди они видят, что получится из этого человека глава <...> или не получается. <...> Они в деревне ж, народ он простой. Он, с одной стороны, сложный и хитрый, но, с другой стороны, простой — он сразу видит человека. Поэтому вот когда с ними разговариваешь, и сам понимаешь, что не получается у него: нет контакта ни с людьми на территории, нет контакта с Думой, нет контакта с аппаратом администрации — какая работа может быть совместная?

Юрий Григорьевич, экс-глава района

Разговоры «ни о чем»

В один из приездов в Большое я наблюдала серию телефонных звонков в администрацию, которые показались мне странными. Обычно рабочий телефон в кабинете главы поселения брала бухгалтер Настя. Как секретарь, она пересказывала суть звонка Анне, после чего та брала трубку сама. Однако несколько раз я слышала, как Настя отвечала, что «Антонины Петровны сейчас нет» и заканчивала разговор. Мне не сразу стало понятно, что звонившая систематически путала имя и речь шла о главе поселения, Анне Артемовне, которая в момент этих разговоров не раз была в кабинете и иногда заговорщики подмигивала нам. Послесловием к этим звонкам часто был комментарий бухгалтера: «Опять эта бабка с Заречной». В один из таких звонков Анна взяла трубку. Несмотря на подтрунивание в коллективе над телефонной докучливостью «бабки», глава говорила с женщиной подчеркнуто дружелюбно, тон ее голоса был мягок и спокоен. «Бабка» спрашивала что-то про своего недееспособного родственника и права на пустующий дом, и Анна, словно успокаивая, отвечала, что собственником дома без суда должна быть звонившая. С сочувственными вздохами Анна реагировала на слова о «плохо соображающем» родственнике женщины, ранее жившем в том доме, а когда услышала, что в дом хочет приехать кто-то из ее расширенной семьи, сказала, как будто разделяя радость собеседницы: «Ну хорошо, вообще замечательно, если так».

Этот крайне любезный разговор сопровождался задорными взглядами в нашу с Настей сторону. Потом Анна жестом предложила взять трубку Настиного телефона мне, чтобы я услышала, что происходит на другом конце провода. Судя по голосу, звонила энергичная женщина. Она очень быстро и многословно говорила что-то о внуках, а Анна занималась активным слушанием, при этом весело поглядывая на меня. Когда поток слов

жительницы иссяк и разговор был окончен, Анна задала вслух вопрос: «Зачем ты мне звонила?» Действительно, зачем так настойчиво в администрацию звонила эта женщина и почему Анна, несмотря на свое ироничное отношение к ее звонкам, с ней так любезно и долго разговаривала? Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, связан с локальным социальным пространством, в котором разворачивается труд сельских бюрократов.

В этой главе я хотела бы продолжить уже затронутую в прошлой главе тему и порассуждать о том, как особенности сельской социальности, в условиях которой живут и работают служащие сельской администрации, учитываются ими в рабочей практике и определяют ее форму. Как демонстрируют исследования в русле «культурного поворота» в Rural Studies, «сельскость» — это культурный конструкт. Начиная с 1990-х гг., социальные географы все чаще стали отказываться от аксиоматической идеи «сельской местности» как антитезы «городу», предлагая перейти к анализу того, какими (противоречивыми) значениями наделяется сельское пространство в разных дискурсах, в т.ч., как «сельское» понимают сами сельчане (см., например, Little, Austin 1996; Panelli 2006; Cloke 2007; Stash 2017).

В предыдущей главе было показано, что сельскость является не только объектом моей исследовательской рефлексии, но и предметом осмыслиения и обсуждения самих управленцев и разных жителей управляемых ими поселений, систематически говоривших о специфически сельском знании всех. В общем и целом, можно выделить четыре главных черты сельской социальности, о которых в позитивном ключе говорили жители Павловской «глуши» и о размытости или даже о полной утрате которых сетовали жители «то ли села то ли пригорода» Большого. Это «знание всего про всех», «взаимопомощь», «трудолюбие» и особенная сельская форма общения — «простота»³⁷. В предыдущей главе я рассмотрела, какую роль в рабочей практике сибирских чиновниц играет первый из ключевых компонентов этой воображаемой сельскости. Переходя к более детализированному анализу циркулирующей в поселениях идеи «сельскости» и «простоты», я попытаюсь показать, как сельские бюрократы нарративизируют и инструментализируют свою «сельскость» в рабочей практике.

Аффективный труд и сельское соприсутствие

Во время моей полевой работы в районе, к которому относятся Большовское и Павловское поселения, работали несколько глав администраций, которые не проживали на

³⁷ Обозначенные слагаемые сельскости, по всей видимости, более или менее распространены в российском контексте. Ср., например, с выделенными Ребеккой Кей сельскими «моральными ценностями» тяжелого труда, сельскохозяйственных навыков и знаний, сильных реципрокных связей, обеспечивающих заботу и поддержку, и любви к земле и местной культуре (Kay 2011b: 49).

управляемой территории, но несколько раз в неделю приезжали туда из города. Такой подход был не близок главам поселения, с которыми работала я. Повседневное соприсутствие с жителями преподносилось ими как важная часть работы. «Я не знаю как [можно работать главой поселения], если это все не проживать, не прочувствовать?» — как-то поделилась в разговоре с родственницей Анна, сетяя при этом, что «городским» главам поселений легче работать из-за более отстраненного отношения к происходящему в селе и более тесного контакта с районными чиновниками. Идея о значимости «чувств» в управлении селом возникала в беседах с Анной и ранее, например, когда она говорила о том, что за чужих детей (из неблагополучных семей) в поселении она «переживает» как за своих. Как упомянул экс-глава района Юрий Григорьевич, чтобы работать на муниципальной службе, «нужно любить людей, нужно вот именно вникать в их боль, в их проблемы». А когда о своей работе мне рассказывала Надежда, она также упоминала о своей сопричастности территории и говорила о наличии сильного чувства к селу и местным жителям: «...Всю жизнь — здесь. Это моя родина. У меня родители здесь похоронены. Я здесь всех знаю: Иру [специалиста по социальной работе] знаю с детства, Юлю [бухгалтера сельской администрации] знаю с детства. Вот люблю Павлово, сердце болит, когда вижу, что пустеет»; «...я люблю своих людей, мне повезло с ними».

Таким образом, от разных управленцев я слышала утверждения о том, что сельскую жизнь можно и нужно «прочувствовать», чтобы лучше управлять селом. За словом «прочувствовать» могут стоять разные понятия: тождественность опыта проживания и столкновение с теми же инфраструктурными проблемами, что и другие жители села, буквально наличие чувств к давно знакомым людям, с которыми управленцев связывают не только рабочие, но и личные отношения, эмоциональная привязанность к месту как к «малой родине» или что-то иное. Как бы то ни было, мне кажется важным, что слова о «чувствах» к селу возникали в речи управленцев, когда они говорили о своей работе. Это заставляет задуматься о той роли, какую сельский контекст, а именно чувства и нормы общения, которые он предполагает, играют в сельском управлении.

Место воспроизводимых или искусственно изображаемых во время рабочей практики чувств и эмоций — популярный объект изучения в исследованиях труда и профессиональных групп (см., например, Hochschild 1983; Stacey 2011; Manekkar, Gupta 2016; Penz, Sauer 2020 и др.). Часто при анализе чувственной стороны рабочей деятельности используется понятие *аффективного* (Hardt 1999) или *эмоционального труда* (Hochschild 1983), позиционирующегося как одна из разновидностей труда *нематериального* (Lazzarato 1996; Hardt, Negri 2004). Последнее понятиеочно

закреплено в научной литературе за неолиберальными пространствами постфордистского капиталистического производства с характерными для них информатизацией (а следовательно, доминированием интеллектуального труда над ручным), господством сферы услуг и производства информационных и культурных продуктов, посягательством предприятий на саму субъектность служащих и приоритетом в производстве коммуникации. Неолиберальное производство принуждает работников контролировать демонстрируемые и действительно переживаемые эмоции и в интересах капитала создавать «атмосферу» посредством улыбок, демонстрации дружелюбия, женской сексуальности и т.д.

Корни концепции аффективного труда обнаруживаются в феминистских исследованиях репродуктивного труда женщин в эпоху индустриального производства, отдельные атрибуты этого труда и стали позже, во многом ввиду выхода женщин на рынок оплачиваемого труда, эксплуатироваться пост-фордистскими предприятиями (см.: Hardt 1999: 99). Следовательно, производство во время работы (или репродуктивного труда) чувств и эмоций — это такой аспект, который наиболее ярко заметен и описан в первую очередь в конкретном политэкономическом неолиберальном контексте, однако продуктом исключительно этого контекста аффективный труд сам по себе, конечно, не является.

Прицельно в исследованиях бюрократии (не исключительно, но также преимущественно в неолиберальном контексте), фокус на ее аффективной стороне — чувствах и аффектах как чиновников, так и их клиентов, — один из главных трендов, что соответствует общему росту интереса социальных ученых к эмоциям в ходе так называемого «аффективного поворота» (см.: Cooper 2015; Yang 2018; Eadem 2019; Eadem 2021; Andreetta 2022; Andreetta et al. 2022; Hendriks 2022; Jarroux 2022 и др.). Вслед за Отто Пенцем и Биргит Зауэр, посвятившим книгу управлению аффектами сотрудников почты и служб по трудоустройству в трех городах Австрии, Германии и Швейцарии, в своем исследовании я также предлагаю не разделять эмоции, чувства и аффекты, но рассматривать их как континуум, который, как зонтичный термин, объединяет понятие аффекта (Penz, Sauer 2020: 30). Аффект, в понимании авторов, всегда процессуален. Настроение и эмоциональная атмосфера производятся в ходе социального взаимодействия, подчиняясь аффективной культуре управления, в исследуемом Пенцем и Зауэр случае управления неолиберального (Penz, Sauer 2020: 34, 33).

Совмешая идеи Мишеля Фуко и Пьера Бурдье, Пенц и Зауэр предлагают рассматривать аффект, с одной стороны, как продукт собственного габитуса сотрудников,

часть их *аффективного* (эмоционального) капитала³⁸ — возникающую во взаимодействии телесно воплощенную разновидность культурного капитала, основанную на гендерно специфичных отношениях взаимного знания и обмена³⁹ и выражющуюся в аффектах (доверия, привязанности, сочувствия и пр.), которые структурируют социальные связи (*Ibid.*: 54–56). С другой стороны, производимый в управлении аффект становится и инструментом губернантальности, к примеру, принуждая управленцев и управляемых к эмпатии, заботе, стыду, гневу и паранойе — продуктам неолиберального аффективного государства (*Ibid.*: 36–39). Этот подход кажется мне релевантным в рамках моего исследования.

Во многом характер эмоционального труда определяется не только интересами капитала или государства, но и самим контекстом, в котором он происходит. Например, американские работники по уходу на дому общаются со своими клиентами-пациентами в неформальном тоне, в соответствии с нормами взаимодействия в домашней обстановке (Stacey 2011: 10). В целях моего исследования в качестве структуры, которая определяет аффективную культуру сельского управления — нормы чувствования и демонстрации эмоций, я предлагаю рассмотреть локальное социальное пространство — сельские условия проживания бюрократов по близости от своих «клиентов», которых они знают и вне работы. Как будет показано в данной главе, героини моего исследования, сами сельские жители — «коренные» (как Ира, Надежда, Елена, Юлия или Ксюша, хотя двое из них переехали в свои села в детстве) или «приезжие» (Анна, Валерия, переехавшие в свои села в 1990–2000-е гг.), в ходе работы стремились соответствовать нормам сельской коммуникации и (вос)производили ожидаемые в селе аффекты.

«Почти семья»: о главном аффекте сельской социальности

«Говорят же, что люди в городах и селах отличаются», — как-то сказала я в беседе с парой пенсионеров, к которым, как к «надомникам», мы во время одного из регулярных обходов пришли вместе с павловской социальной работницей Клавдией Никитичной. Ответ на этот вопрос перехватила сама социальная работница: «Ну так это понятно, в деревне-то попроще конечно люди. Все друг друга знают, конечно. Ну в городе же все равно “здравьте” или не здороваясь даже проходишь, тут все про всех, например: “Как здоровье, как чего?” Вот встретишься и начинают… Вот прихожу, например, вот они свои

³⁸ О понятии аффективного (эмоционального) капитала см. обзор: (Penz, Sauer 2020: 55).

³⁹ Обмены как средство, нацеленное на накопление аффективного капитала, использовались и героями моего исследования. К примеру, Ира рассказывала, как, чтобы расположить к себе особенно «сложную» «неблагополучную» многодетную мать, жительницу Ильинки, не пускавшую к себе в дом даже главу и доставлявшую своим буйным поведением управленцам немало хлопот, она много лет отдавала ей ненужную одежду.

эти начинают рассказывать, говорить там, спрашивать, вот то-се. Иногда, бывает, одно и то же может несколько раз говорить, это слушаешь просто. Отвечаешь то же самое, бывает».

Сельская социальность, как систематически говорили о ней разные жители Большого и Павлово, неразрывно связана с готовностью к общению, что, по их мнению, и отличает село от города. При этом, как следует из моих наблюдений, это общение между односельчанами сопрягается с (вос)производством «свойскости», т.е. участники коммуникации должны демонстрировать участие к проблемам друг друга, не отказывать друг другу в разговоре и сами его инициировать, использовать привычную просторечную лексику, демонстрировать в момент разговора эмоции, шутить, если это позволяет ситуация, или, напротив, всем своим видом проявлять сочувствие, претендуя в этом на искренность. Иными словами, в селе нужно «говорить по-простому», как сформулировала Ира (см. след. раздел), и именно это «простое общение», на мой взгляд, производит *аффект сельской свойскости*, сопричастности друг другу на основании проживания в одном пространстве.

При этом не верно было бы говорить, что воспроизведение простоты и ощущения свойскости в коммуникации лишь навязывается сельским управленцам извне нормами сельского взаимодействия и что оно осуществляется ими абсолютно неискренне в целях управления, как провоцирует предполагать прагматическая логика исследований неолиберального аффективного труда. Конечно, довольно часто можно заметить в разговорах сельских бюрократов с жителями и комментариях *post factum* некий цинизм и прагматизм: чего стоят только озорные переглядывания Анны со мной во время демонстративно сочувствующего слушания «бабки». Тем не менее соприсутствие местных бюрократов своим клиентам, разделение с ними опыта проживания в одном месте, общение в разных не-рабочих контекстах могут обуславливать и наличие вполне искренних чувств. В этом смысле не всегда аффективный труд сельских управленцев диктуется исключительно внешними условиями и целями, довольно часто он может быть связан с собственным социальным капиталом и больше-чем-рабочими социальными отношениями.

К примеру, в один из дней в Павлово в 2022 г., в период мобилизации я после обеда пришла на работу и увидела, что Ира, которая так и не уходила на обед, чем-то сильно встревожена. Ей, как специалисту по социальной работе, нужно было подать обновленные списки мобилизованных, однако не обо всех она располагала точными сведениями. «Вот как вот звонить родителям? — чуть не плача вопрошала Ира. — У нее онкология, она лечится-лечится, года четыре, наверное, плюс сына забрали еще. Вот как я ей позвоню?»

Ира возмущало само требование узнавать о судьбе мобилизованных у родственников, вместо того чтобы получать эти данные автоматически от других бюрократических структур. Казалось бы, такой способ получения информации если и может быть адекватным, то именно в селе, ведь в городе вероятность ответа бюрократу на столь личный вопрос, да еще и по телефону, почти нулевая. Однако, с точки зрения Иры, все наоборот: в контексте села это требование не учитывает сильную эмоциональную вовлеченность служащих в проблемы односельчан и поэтому этически не корректно: «Вот это вот им в городе так просто: “Позвоните-узнайте”. Здрасте, приехали! А тут люди все на нервах».

Наконец после долгих терзаний Ира набрала номер одной односельчанки, сын которой должен был быть на больничном. Она начала разговор тихим голосом, поздоровалась используя сокращенную форму имени, спросила, как дела, и только выслушав ответ, спросила, «как сын», «его забирают-нет?» Получив заранее предполагаемый ответ о том, что мобилизованный еще на больничном, специалист ожила и стала говорить громче, с привычными для своей манеры разговора усмешками. На вопрос женщины она ответила, что с нее «просто информацию требуют», пожелала сыну собеседницы подольше побывать на больничном и «по-простому» выразила надежду на скорый конец призыва. Затем Ира ответила, как дела у нее, и началась новая тема беседы. Собеседнице так и не выдали справку об инвалидности, и Ира «по-свойски» консультировала ее по этому вопросу, делясь личным опытом: «Измором я их взял [sic!]. И все. Так что давай надоедай». После разговора с этой женщиной Ира сидела задумчиво глядя в окно. Спустя какое-то время она сказала мне, что оставшимся людям из списка звонить не будет. Ранее специалист упоминала, что мать одного мобилизованного, которой она звонила, чтобы пригласить на концерт, плачет — «Как я могу ее о чем-то спрашивать?»

Так сам двойной статус местной чиновницы и односельчанки требует от сельских бюрократов «простоты» в общении — в сельской бюрократии нет и едва ли может быть четкое разграничение на личную и рабочую сферы жизни, как у веберовских чиновников. Чем плотнее бюрократ вписан в локальное социальное пространство сельского поселения, тем больше его рабочие взаимодействия с односельчанами будут нарочито неформальными, подчеркнуто личными, как отношения между «своими людьми»⁴⁰. Как объясняла мне Надежда, «они-то все, здесь живущие <...> я их знаю всех с детства, они

⁴⁰ О порицании «бездушного отношения» представителя сельской власти к односельчанам и ожидании от него «свойскости», благодаря которой сельский социум напоминает общину, см. также в описании отношений между председателем колхоза и колхозниками: (Лапердин 2024: 149, 153–156).

меня тоже. Они знают моих родителей, они знают, чем мы жили и как мы жили, кто я вообще по жизни. Я знаю также про них все. Может быть поэтому мне и проще работать».

Здесь стоит обратиться к тому, какой образ сельской социальности конструируют местные управленцы и жители их поселений. В интервью с главами поселений и в беседах с другими сельчанами я часто сталкивалась с аналогиями, в которых село и его социальность осмысливались через образ, подразумевавший объединение в единое целое множественных частей. Главы сельских администраций самостоятельно или в ответ на мои вопросы о том, какой они видят свою роль, сравнивали сельский социум с большой семьей, домом или большим деревом, ствол которого — глава. Идея о сопричастности сельчан друг другу («мы все свои люди», «люди все как одна семья» и т.п.) возникала и в разговорах с не-управленцами:

[Ощущаю себя], наверное, вот каким-то... стержнем, наверное... как вот, как ствол у дерева. (Екатерина, глава Марковского с/п)

Мы здесь, ну как почти семья. Мы же друг друга видим: кто чем дышит, кто как живет. <...> Мы все видим, у нас все на виду. (Надежда, глава Павловского с/п)

Я все время говорю: «Вы же понимаете, вот вы возьмите свой дом, свой двор, вот у вас все идеально? Нет. Вы понимаете, что у вас сегодня есть финансы вот на это, а завтра вы будете делать это, потому что у вас деньги появятся. Так и здесь...» [А. З.: Т.е. Вы воспринимаете поселение как дом, который хочется сделать лучше?] Да, да, да. Люди — это большая семья. (Наталья, глава Старицкого с/п)

В нашем населенном пункте жили переселенцы из разных мест — полюбили друг друга и жили одной дружной семьей <...>. (Нина Даниловна, пенсионерка и «помощница» Совета ветеранов в Павлово, в прошлом директор местного краеведческого музея, учительница и заведующая детским садом)

Согласно Мэри Дуглас, аналогии служат сильнейшим риторическим ресурсом, к которому институты прибегают, чтобы объяснить и закрепить существующий набор социальных отношений: «Социальная конвенция слишком прозрачна, нужен натурализующий принцип, наделяющий легитимностью то, что классификаторы хотят делать» (Дуглас 2020: 123). На мой взгляд, используя аналогию дома, семьи или дерева, главы сельских поселений и другие управленцы прежде всего говорили о сельской солидарности в качестве естественного положения вещей. Для сельских бюрократов важно, чтобы сохранялся этот общий «сельский менталитет» (см. Глава 2). В противном случае сельские чиновники воспринимали свою позицию как зависимую и уязвимую не только в контексте вертикальной системы муниципального управления, но и в контексте села.

В начале нашего знакомства, когда Ира на кухне рассказывала мне о том, что представляет собой работа в соцзащите, она говорила о большой текучке кадров как в городе, так и среди специалистов по социальной работе в других сельских поселениях района: «Тут тоже в соцзащите долго не задерживаются. Такая дребедень вот эта вся, бяка. Кому-то не угодишь, Господи. Всяко короче бывает». Однако на своей должности сама Ира проработала почти восемнадцать лет, с 2006 по 2024 гг., что, по всей видимости, объяснялось тем, что «в деревне еще как-то спокойнее». Тут жители такие, что как-то попроще. Ну у нас [в Павлово] совсем. А вот в Привалово [самое близкое к административному центру района поселение, как пригород вплотную к нему прилегающее] — там вообще бешеные люди». На мой вопрос о том, в чем же разница между жителями этих двух поселений по мнению Иры, она ответила: «Ну не знаю, ну там все равно, это разве район? Ну это считай тот же город. Там наглые. Нашим тут вроде как бы объяснишь, они понимают».

Итак, в исследуемых мной поселениях и среди глав соседних поселений существует идея, во-первых, о том, что сельская социальность отлична от городской; и во-вторых, что корень этого различия состоит в «почти семейной» свойственности, расположенной сельчан друг к другу и в «простом» общении, предполагающем искренность и сочувствие. Регулярно обращаясь в интервью к фигуре семьи и другим образом, подразумевающим близость и связанность более мелких элементов, или сетяя, что только «раньше деревня была деревней» (см. Глава 2), сельские управленцы тем самым говорили о своем желании или о нормативной идее помочь от жителей в повседневном управлении, чтобы они занимали с ними одну сторону — «понимали» их, а значит и подчинялись им. Рассмотрим, как перформанс свойственности (иногда вполне искренний, а иногда достаточно циничный), имеющий своей целью создание у собеседника ощущения сельской сопричастности, становится техникой работы местных бюрократов.

(Во)производство свойственности как притязание на господство

С первых дней нашего знакомства Ира, заинтересовавшись моим проектом, заняла роль эксперта, стараясь объяснить мне особенности сельской жизни и управления. Пожалуй, самой популярной техникой ее работы, на которую специалист сама систематически указывала, была техника «говорить по-простому». Например, по словам Иры, поставив себе задачу определить в центр временного проживания одинокую пожилую женщину («Не дай Бог что с бабулькой, не дай Бог замерзнет, кто бы отвечал — глава да я, наш контингент»), Ира месяц ходила к ней домой и с улыбкой, «шуточно, по-простому»

уговаривала: «Бабка, ты же замерзнешь тут зимой, сдохнешь»; «Ну поехали, ну скоро зима, холода, кто за тобой ухаживать будет?» В итоге женщина, по выражению Иры, была взята «измором», и в конечном счете благодарила за состоявшийся переезд. Эту историю Ира резюмировала следующим образом: «Вот всяко-разно, я говорю, бывает, и без мыла [в задницу] залазишь».

«По-простому» Ира проводила не только беседы на болезненные темы, как в упомянутом ранее случае разговора с матерью мобилизованного, но и в принципе все рабочие беседы с жителями села: «Так мы в колхозе [в селе] общаемся, зато так проще». Прежде чем задать по телефону нужный вопрос, специалист всегда интересовалась, как у собеседника дела, и говорила посмеиваясь, будто вела дружескую беседу. Того же стиля она придерживалась в разговорах лицом к лицу. Например, как-то уже после официального окончания рабочего дня, к Ире домой ворвалась встревоженная односельчанка. Она забыла в маршрутке свою сумку и спрашивала телефон водителя у специалиста, которая как управленец должна знать все (и действительно была в хороших отношениях с не-местным водителем, т.к. часто ездила в город). Ира отреагировала на неожиданный визит односельчанки, по-свойски ворча: «Приперлась на**й как савраска», — и, подшучивая над ситуацией, бранила ее за визит в неподходящее время, но телефон, конечно, нашла. Здесь же добавлю, что специалист по социальной работе фигурирует в этом тексте как «Ира», а не по полному имени, как другие близкие к ней по возрасту герои, — именно потому, что с самого начала она попросила, чтобы я обращалась к ней на «ты», как ей нравится больше. Многие павловчане также звали ее «Ира», реже «Ирина Олеговна».

Этой же тактики «говорить по-простому» придерживалась и глава Павловского поселения. Она «разговаривала со всеми свободно». По словам Надежды, если она видела, что «человек идет на разговор», она могла его даже «приобнять и чмокнуть». «...Видишь, они не называют меня “Надежда Ивановна” многие, и я к этому ровно дышу, мне без разницы», — обратила мое внимание глава поселения на детали ее коммуникации с пришедшим в администрацию за справкой одноклассником, который обращался к ней «Надюсик», много шутил и смеялся в ответ на раскатистый хохот главы. Тогда я спросила, не чувствует ли Надежда необходимости в выстраивании иерархии или дистанции, на что глава ответила уверенным отказом: «А зачем она мне нужна? Я зато к этому человеку в любой момент подойду, он сделает для меня то, что я его попрошу. А если я буду строить из себя: “Так, вот я Надежда Ивановна, и строго со мной на вы”, — да он меня пошлет подальше и все».

В этой цитате раскрывается крайне значимая, на мой взгляд, особенность аффективного труда сельских бюрократов. Производство аффекта сельской простоты (посредством эмоциональных реакций, личных, а не рабочих тем для разговоров и подчеркнуто дружеского тона коммуникации) необходимо бюрократам, чтобы пытаться вовлечь жителей в reciprocalные отношения, замаскированные под сельскую взаимопомощь. Намеренно производимая во взаимодействиях с жителями атмосфера свойского и участливого общения предполагает ответную благожелательность со стороны односельчан, когда дело касается управления. «Прежде чем человека о чем-то спросить, его нужно разговорить: это столько всего выслушать, где-то пошутить, где-то что-то рассказать, посмеяться, прежде чем он вообще начнет с тобой разговаривать о чем-нибудь», — объясняла мне большевский специалист Елена, подрабатывавшая переписчицей. Я хорошо помню ее стиль опроса как свойской беседы, с разговорами о детях и повседневных делах и с постоянными шутками. Все эти разговоры «ни о чем», как характеризовала данный вид коммуникации Анна, создавали атмосферу сельской свойскости, подчеркивая, что с блокнотом переписчика пришла простая соседка, как будто от чужого человека люди бы скрыли, сколько кустов помидоров они выращивают (как думала Елена). Аффект простоты обменивался на необходимую специалисту информацию.

Здесь важно оговорить, что и Ира, и Надежда, и Елена считались в своих селах «местными», поэтому они, как я заключаю из наблюдений, намного чаще и экспрессивнее воспроизводили в коммуникации с жителями сельскую «простоту». В свою очередь к Анне, переехавшей в Большое в 1990-е гг., «на ты» обращались далеко не все, в основном коллеги по управлению, во время визитов односельчан она реже шутила, в селе у нее не было близких друзей и родственников. Во время интервью Анна рассказала, что, ощущая себя прежде всего «представителем власти», она старалась контролировать свою речь и не была с жителями абсолютно искренней: «Потому что люди сразу быстро за него [негативное мнение о реализуемой политике] хватаются и все, и выдают за то, что вот... “глава-то сказала так, значит все, так оно и должно быть”. <...> Поэтому тут я уже как бы научилась держать немного языка за зубами. Чтобы лишнее ниче не сказать. В душе конечно, в душе я тоже такой же человек, я тоже это все негодую». В дом Анны односельчане никогда не приходили — как-то она упомянула, что это «отучил» их делать ее муж. Однако, несмотря на все это, в разговорах с односельчанами большевская глава, как правило, тоже была крайне доброжелательна и эмпатична, в случае претензий объясняла «по-простому» причину своих решений или политики вышестоящих структур

и, как в случае со звонками «бабки», с которых началась эта глава, часто вступала с односельчанами в разговоры об их делах.

При этом важно, как заметила Ира, что с людьми нужно не просто разговаривать, но и «уметь это делать», т.е. «простого» разговора недостаточно без осознанного маневрирования в нем собственными эмоциями. То, что показательно отличает сельскую бюрократию от городской, — это практически полная неприемлемость открытых конфликтов с жителями, грубости в ответ на претензии или отказа в просьбах без объяснений причин (ср.: Мартыненко 2025). Как объясняла мне экс-глава Павловского поселения (1992–2010 гг.) и мать Иры Валентина Демьяновна, на селе делает человека «уважаемым» то, что он «ведет, наверное, образ жизни хороший-нормальный, значит, к людям относится, никогда не скандалит, не ругается, не пьет... Ну, старается как-то добро сделать человеку, посочувствовать, даже иногда же даже словом поддержать можно». Обе действующие главы поселений говорили мне как о важной части своей работы о сдержанной реакции на встречную агрессию, что необходимо в условиях совместного проживания в поселении и длительной работы с одними и теми же людьми. При этом обе главы несколько раз рационализировали поведение агрессоров и «недовольных», опираясь на события в их жизни, т.е. используя собственное сельское «знание всех».

«Если у человека какие-то проблемы в семье, он сразу ищет виновных, что кто-то в окружении должен быть виноват, в первую очередь: кто-то без работы остался, у кого-то ребенок не поступил туда, куда хотел, там, или денег нет, ну, в общем, в кредитах люди. Вот они начинают свою, как говорится, агрессию, злобу, в первую очередь на кого? На власть, на чиновников. Но. Поэтому... выслушиваешь спокойно», — объясняла мне Анна. В качестве примера тогда она привела женщину, которая жаловалась на то, что зимой после чистки дорог скользко ходить: «Это выслушаешь и объясняешь. Есть норматив, как я могу... не могу не почистить обочину. Две машины разъехаться не смогут. А куда человек должен будет отойти, так-то? Не в сугробы же прыгать-то».

Надежда тоже упоминала, что на недовольство односельчан она научилась реагировать безэмоционально и пыталась сохранять со всеми хорошие отношения, т.к. учитывала, что ее взаимодействие с жителями продолжится в будущем (тогда как для городских бюрократов может быть важен лишь сам момент коммуникации) и знала, что мнение людей может поменяться:

Сегодня у вас это мнение, завтра у вас на эту же ситуацию совсем другое мнение. Завтра вы будете за меня. Ну и ладно. Легче стало? Ну и слава Богу, я рада за вас, что вам легче стало. Даже могут сюда прийти наговорить мне, я обычно стараюсь... Я очень редко, ну, наверное, несколько раз себе позволяла, что могу голос повысить. «Да, хорошо, конечно. Да, все исправим, да-да-да». <...> Через какое-то время этот же заходит: «Ты там прости, Ивановна, были не правы». —

«Ладно, простила». Я и не обратила, если честно, внимания. Я научилась это делать.

Однако и в сельской бюрократии бывают ситуации, когда привычный благожелательный и свойский тон управленцев сменялся на более формальный или даже агрессивный. Это происходило, к примеру, если аффективный труд сельских чиновниц не встречал адекватного, по их мнению, отпора в виде содействия в управлении, т.е. грубо нарушался ожидаемый реципрокный порядок. В качестве наиболее показательного примера приведу эпизод из выборов депутатов в Областную и Государственную Думу (2021 г.), подготовку и проведение которых мне посчастливилось наблюдать в Большом. Ударом для местных управленцев тогда стало не только то, что на один из избирательных участков в поселении были назначены наблюдатели от оппозиционной партии, но и то, что эти наблюдатели — местные жительницы.

О политических взглядах и амбициях одной наблюдательницы чиновникам было известно давно. Однако имя второй «оппозионерки» стало для Анны неожиданностью. «Тебе тут вообще как, за *своими* же наблюдать? Нормально? <...> Свои помогать должны, а не топить», — приветствовала Анна вторую наблюдательницу вечером первого дня выборов. Глава говорила на повышенных тонах, почти кричала на испуганную женщину, и видно было, что Анна в ярости — на ее шее выступили красные пятна. Глава упрекала односельчанку в том, что, будучи учительницей, как «бюджетница» она будет получать пенсию «от “Единой России”», но за деньги решила стать наблюдателем от другой партии (тогда ходили слухи о двадцати тысячах, которые платила наблюдателям оппозиционная партия). Однако по-настоящему ранящим для Анны было не это неуважение к *дару государства* (см. Глава 4), но нарушение конвенции свойских отношений, которые, казалось, сложились между женщинами. Позже наедине со мной Анна поделилась: «Этато [первая наблюдательница] понятно, что е*утая, но ты-то [вторая наблюдательница] сама ко мне приходила плакалась, что тебя мужик бросил». Обладание опытом доверительного общения стало решающим фактором в том, что Анна восприняла позицию второй наблюдательницы как нарушение императивов накопленного в личном общении аффективного капитала. Так, воспроизведимые в ходе рабочих и личных ежедневных взаимодействий «простота» и «свойскость» воспринимались сельскими бюрократами как основание для сочувствия им как управленцам. При этом сельская свойскость, перформативно (вос)производимая в коммуникации с жителями, должна была стать инструментом обеспечения лояльности не только сельской администрации, но и государственной власти, представителями которой по сути являются местные муниципальные служащие.

Аффективный труд сельских бюрократов, таким образом, направлен на укрепление оснований для реализации *господства* или *авторитета* — т.е., по Веберу, такой разновидности власти, при которой подчинение приказу господина должно восприниматься как максима собственного поведения (Вебер 2019: 18–22). Напомню, что Вебер выделяет три идеал-тиpических формы господства: господство *традиционное* (основанное на вере в святость традиции, принадлежности к единой общности и личных отношениях пieteta); *харизматическое* (базирующееся на преклонении личной харизме господина и вере в его одаренность; и *легальное* или *бюрократическое* (подчинение не личности, а установленному правилу, отсылающее к служению абстрактной функции «государства» или «предприятия») (Там же: 404–414). По большей части в своей повседневной работе сельские бюрократы не реализуют господство, но занимаются тем, что Вебер называет «техническим управлением» (Там же: 24) — они решают «вопросы местного значения», а объем их власти по отдаче личных приказов минимален. В этом герони моего исследования сопоставимы с таким «начальствующим лицом», о котором говорит Вебер, как деревенский староста, с той важной разницей, что сельские бюрократы входят в единую структуру государственной власти и эту власть могут, подчиняясь приказам, ретранслировать.

Вебер пишет: «Мы <...> будем считать деревенского старосту, судью, банкира и ремесленника в равной степени обладающими качествами господства, когда и только когда они претендуют на повиновение и встречают повиновение своим приказам как таковым в социально значимой степени» (Там же: 23). В описанном выше случае неудачного обмена аффекта свойскости на понимание, который обнаружила во время выборов Анна, можно заметить, как, напоминая женщине о наличии между ними личных отношений, она тем самым указывала на наличие оснований, которые должны были бы обеспечить господство главы поселения. Т.е. решая пойти в наблюдатели на выборах, односельчанка, вероятно, должна была бы соотнести это решение с интересами «своей» односельчанки-главы.

Приведу несколько более прозрачных примеров того, как в рабочей практике сельских бюрократов происходил переход от технического управления к выраженному господству. Так, в разгар пандемии Covid-19, когда главы сельских администраций должны были подавать в «район» еженедельные отчеты по проценту вакцинировавшихся жителей поселения, Анна старалась уговорить вакцинироваться еще не сделавших это односельчан. В частности, она как бы между делом спрашивала их о прививке при встрече на улице или в телефонном разговоре, часто подчеркивая свою личную обеспокоенность их здоровьем: «Я за то, чтобы вы все были здоровы. Вот честно, никого хоронить я не

хочу». Пытаясь достичь нужных показателей в бюрократическом поле, в локальном социальном пространстве Анна исполняла роль *mater familias* — «главы семьи», знающей всех и за всех беспокоящейся. Для тех же целей к нормам личного уважения и пietета Анна, как рассказывала она сама, однажды призывала во время выборов, явка на которые в конце дня все еще была недостаточно высокой. По словам Анны, она с водителем объезжала не пришедших на избирательный участок односельчан: «Вот так вот даже переходили на личное. Почему не пришел не проголосовал? Ты меня не уважаешь? Не уважаешь тех людей, которые работают?» В обоих случаях Анна, убеждая жителей сделать что-то, необходимое для ее работы, апеллировала к личным отношениям пietета.

Обращу внимание, что, убеждая жителей сделать что-то нужное для ее работы, глава не ссылалась на идею, например, гражданского долга, но апеллировала к нормам личного уважения и заботы о «своих». Тем самым она пыталась реализовать не рациональное (идеал-тиปически присущее отношениям между чиновниками и гражданами), но традиционное (патrimonиальное) господство, свойственное небольшим и в особенности сельским сообществам (Там же: 72–137). При этом мне кажется не случайным, что истории о наглядном переходе от технического управления к реализации патrimonиального господства и о неудачных обменах аффекта на лояльность мне известны в основном из Большого, но не из Павлово. Обе главы подчеркивали разницу «характеров» жителей их поселений, упоминая, в частности, об отличиях в размере поселений, доле «приезжих», расстоянии от города и возрасте жителей (см. Глава 2). Как сказала Надежда, ей «с людьми повезло», а другие павловские управленцы не раз упоминали о том, что местные жители их «понимают». В Большом же, возможно, недостаточно устойчивые отношения между жителями «то ли села, то ли пригорода» требовали целенаправленно напоминать о сельской свойскости как основании для взаимного пietета, перформативно производить ее в коммуникации, сохраняя при этом некоторую дистанцию, чтобы не превысить степень приемлемой «свойскости» в отношениях с «приезжей», а не плотно укорененной в социальном пространстве главой. «...Политические отношения сводятся к чему-то вроде третейского суда между талантами и авторитетом вождя, с одной стороны, и размером, сплоченностью и добной волей общества — с другой» (Леви-Стросс 2022: 402). Возможно, в селе, где управленцы и управляемые знают друг друга большую часть жизни и где бюрократы имеют больший социальный капитал, «простота» и «свойскость» воспроизводятся по инерции, что тем не менее не означает отсутствия у управленцев ожиданий получить на эту свойскость отдарок в виде взаимности.

Бюрократическое дистанцирование

Как-то, вернувшись после отъезда, на столе Анны я заметила необычный для меня документ. Как пояснила на мой вопрос глава, накануне в пятницу, в день рождения Анны, к ней пришла «вечно недовольная» Воробьева — в этот раз женщина была разгневана очередным внезапным отключением воды в селе, жаловалась на ее качество и критиковала обслуживающую село компанию. В результате этого визита появилась письменная жалоба. Ни до, ни после этого случая я не сталкивалась с тем, чтобы жалоба подавалась таким, формальным способом, а не высказывалась в личном, чаще телефонном разговоре. Я не была свидетельницей самого визита, но из слов главы сделала вывод, что причиной появления письменной жалобы было невнимание посетительницы к личному празднику Анны: «Она пришла ко мне в день рождения, хотя видела, что у меня в цветах, шарах [весь кабинет] и я сижу довольная, принимаю поздравления, вот она пришла и начала орать: “Сколько я могу это терпеть?” Что я должна была сделать? <...> Ну раз не так, не так — пиши жалобу, отправим». Анна могла бы выслушать посетительницу и пообещать ей содействие в решении проблемы: как подсказывает опыт моей полевой работы, для того чтобы жалоба была принята, документ не требуется. Однако женщина проигнорировала особенности, связанные с не-профессиональным социальным статусом главы, и Анна в качестве ответной реакции выбрала более формальный способ работы, демонстрируя, как чиновница, с помощью процедуры написания жалобы, что запрос принят в обработку.

Так, когда «клиентка» проигнорировала личные обстоятельства сельского бюрократа и тем самым нарушила режим сельской свойственности, Анна от привычной техники «простого» общения обратилась к такому приему работы, который я предлагаю называть *бюрократическим дистанцированием*. В ходе такого дистанцирования сельские управленцы от обыденного, подчеркнуто доброжелательного общения с односельчанами переходят к формальным действиям. Этот переход от одной техники к другой, на мой взгляд, обусловлен, с одной стороны, тем, что сами жители нарушают сельскую аффективную культуру свойственности и взаимопомощи: идут на выборы «против» местных управленцев; жалуются несмотря на личный праздник служащих или отказываются вакцинироваться от Covid-19, тем самым создавая для управленцев проблемы. Не раз мне доводилось слышать, как последнее нарушение влекло за собой проговариваемые внутри коллектива и никогда не реализуемые угрозы чиновников «не выдавать им справки» или выдавать их, как положено по закону, в течение трех дней, а не сразу же, как это делалось в большинстве случаев.

С другой стороны, принцип строгого соответствия бюрократическим правилам следует понимать как «тактику анонимизации», обусловленную тем, что эта форма поведения «обеспечивает убежище, средство защиты» (Dubois 1999: 141–142 — цит. по Zacka 2017: 146). Бюрократическое дистанцирование происходит тогда, когда просьбы односельчан воспринимаются бюрократами как потенциальная угроза государственному имуществу или должности, т.е. их положению в единой системе публичной власти. К примеру, как специалист по социальной работе с большим стажем, Ира обладала обширным архивом ксерокопий разных документов односельчан, которые она хранила на всякий случай: «Лежат, чтобы подавать данные. Не будешь же звонить спрашивать». Однако этот (насколько известно мне, имеющийся во всех администрациях) архив был не совсем законен, и тем более незаконным являлось разглашение чужих персональных данных кому-либо. Поэтому несмотря на свою вечную «простоту» и шутливость, Ира, по ее словам, всегда отказывала односельчанам в предоставлении каких-либо данных из ее архива: «Иногда звонят: “У тебя должен быть номер”. Не должно быть у меня ничего».

Еще один пример бюрократического дистанцирования мне довелось наблюдать самостоятельно, что дало возможность рассмотреть его как коммуникативную ситуацию. Как-то раз в Большовскую администрацию пришла активная пенсионерка Зинаида Евгеньевна. Она просила главу подтвердить при помощи справки, что ее внуки, живут с ней, а не по месту прописки, что нужно было для того, чтобы разделить финансовые счета с зятем, в воспитании своих детей не участвующим, как и лишенная родительских прав дочь Зинаиды. Основным аргументом Зинаиды Евгеньевны было то, что Анна «зnaет», где живут дети, как односельчанка и глава администрации, т.к. в администрации должны знать обо всем, что происходит в селе. Эта просьба вызвала у Анны негодование, ее спор с женщиной дошел до повышенных тонов. Позиция Анны заключалась в том, что она «все знает» как «гражданское лицо», и только как гражданское лицо может подтвердить слова посетительницы: «Мы сейчас справки даем тоже на основании документов. От прокуратуры потом придет ответ — на основании чего я дала эту справку? Я вступила в сговор. Можете привлечь меня как гражданское лицо, но не как должностное. Я как человек я знаю, слышать я слышала, видеть я видела, а как должностное лицо... Как человек, я приду и скажу, а справку дать не могу», — объясняла глава возмущенной женщине.

В итоге глава отказалась Зинаиде Евгеньевне в выдаче требуемой справки. Подчиняясь интерпретативному труду, бюрократическая логика Анны вступила в конфликт с обыденной логикой односельчанки. С позиции Анны, внутренняя механика обумаживания социальной реальности конституируется документооборотом, а не знанием

того, «как на самом деле», и выдача справок без наличия необходимых документов чревата возможными обвинениями от вышестоящих инстанций, которым подотчетна сельская администрация. В качестве решения проблемы глава предложила посетительнице обратиться в суд, чтобы вышестоящие инстанции сами запросили у администрации справку, которую глава в этом случае и выдаст, не нарушая закона, — ее действия будут обоснованы запросом «сверху» и не смогут быть считаны как самовольные и, возможно, коррупционные.

На мой взгляд, описанную конфликтную ситуацию продуктивно рассмотреть, обращаясь к прагматической социологии Люка Болтански и Лорана Тевено, а точнее к самому ее методу, не перенимая классификацию релевантных для французского общества систем ценностей и аргументов (Болтански, Тевено 2013). Обосновывая действия и отстаивая свою позицию, посетительница администрации и глава поселения апеллировали к двум разным высшим общим принципам. Можно сказать, что мотивируя свой запрос на документное подтверждение главой своего «сельского» или «человеческого» знания, Зинаида Евгеньевна опиралась на диспозитив сельских свойских отношений, близких веберовскому патримониальному господству или «патриархальному граду» Болтански и Тевено — «“личный характер отношений” <...> между “государем и его народом” [который] не позволяет различать “семейные” и “государственные дела”» (Болтански, Тевено 2013: 159). Анна же, отказывая односельчанке в неправомерной выдаче справки, ссылалась на принцип веберовского рационального господства, или ценности «гражданского града», в котором действия представителей власти должны быть законны и «свободны от отношений личной зависимости» (Там же: 292–293, 493).

Тем не менее с помощью поиска общего интереса в этом споре глава администрации достигла с Зинаидой Евгеньевной договоренности — «соглашения по обстоятельствам между двумя сторонами, которое рассматривается ими обеими как приемлемое, но <...> не устремлено к общему благу» (Там же: 498; 500–501). В конце беседы на повышенных тонах Анна объяснила Зинаиде Евгеньевне, что, отказывая в выдаче справки, она действует в интересах самой женщины — неправильно выданный документ может вызвать у служащих прокуратуры недовольство и тем самым затянуть бюрократическую волокиту, что невыгодно для посетительницы и рискованно своими последствиями для главы. Согласно Болтански и Тевено, «выявление компромиссных объектов предполагает поиск особых формулировок и обозначений, сочетающих в рамках одного высказывания элементы различных миров» (Там же: 423). Как «лицо государства» неся ответственность «не только за принятие решений, но и за объяснение этих решений» (Zacka 2017: 51), и как жительница села стараясь сохранить свой социальный,

аффективный и символический капитал, Анна, обосновывая отказ, использовала не сухие формулировки из языка «бюрократа», но говорила с посетительницей «по-простому» — посредством просторечий и «человечных суждений», учитывавших обстоятельства (Болтански, Тевено 2013: 356). «Справка, когда от государства идет, она считается проверенная-правильная, а прокуратура может залупиться, и все, и потом отметется, и суд перенесется», — доходчиво объясняла успокаивавшейся посетительнице глава.

Таким образом, даже бюрократическое дистанцирование сельских управленцев осуществлялось ими с учетом норм локального социального пространства. Подотчетные в своих действиях не только вышестоящим органам в системе муниципального управления, но и односельчанам, сельские бюрократы обязаны «объяснять и оправдывать свое поведение» (Bovens 2010: 951), что позволяет им даже в случае не-решения запроса, сохранять социальный капитал.

Через два года я брала интервью у Зинаиды Евгеньевны — при личном общении она показалась мне доброжелательной и деятельной женщиной, внуки по-прежнему жили с ней. Я поделилась, что заочно давно была с ней знакома и помню, как в 2021 г. она приходила за справкой. Зинаида Евгеньевна сразу же отметила, что тогда Анна так и не выдала ей нужный документ, и на мой встречный вопрос сказала — «потому что каждый боится». Так обоснованный «по-простому» отказ Анны показал себя в действии — для Зинаиды Евгеньевны она осталась не равнодушной «хозяйкой территории», а подчиненной чиновницей, чья свобода ограничена страхом перед вышестоящими инстанциями. У отказа были понятные для женщины аффективные основания — страх перед прокуратурой был признан обеими женщинами более значимым, чем эффект сельской свойскости. В результате их отношения не были испорчены.

Забота как продукт сельского управления

Вернемся к поставленному в начале главы вопросу — зачем в Большовскую администрацию звонила та «бабка»? Сама Анна сразу дала на него ответ: «Чисто так, поговорить». Бюрократические цели у звонков, конечно, тоже были. Несколько лет заброшенный, но находящийся в собственности «бабки» дом был источником проблем для Большовской администрации. Однажды «сверху» Анне постановили навести на территории здания порядок — заколотить окна, скосить образовавшиеся заросли травы, чтобы обезопасить дом от пожара, который мог бы перекинуться на соседей, и спасти от несчастного случая детей, которые могли бы в него забраться. Однако дом находился в собственности, о чем Анна и сообщила, и тогда вышестоящие инстанции направили обращение «бабке». Суд по поводу этого дома длился два года, и в конечном итоге

женщину обязали привести его в надлежащее состояние. Однако «бабулька», затаившая на Анну обиду с самого первого обращения, как говорила глава, по-прежнему думала, что в ее бюрократических бедах была виновата Анна, якобы пожаловавшаяся на нее.

Таким образом, в настойчивых звонках «бабульки», которые я наблюдала в тот год, как мне кажется, был важен сам факт общения: бабка делилась с главой, как идут дела с участком, рассказывала о своей семье и, вероятно, рассчитывала, что ее сочувственно выслушают, что должно было благоприятно повлиять на ее отношения с главой, увеличить в глазах Анны «бабулькин» аффективный капитал. Одновременно с этим, в ходе разговоров жительницы с главой о внуках или о том, как на ее ноги лег кот, сама женщина получала возможность почувствовать, что глава озабочена ее проблемой, что, возможно, смягчало для нее «вину» Анны, уже в глазах «бабки» увеличивало аффективный капитал главы. Аффект участливости крайне важен в сельском контексте. Подчеркну, что глава и «бабка» не имели личных отношений, крайне редко видели друг друга, не были соседями. Однако статус сельского бюрократа, и в особенности главы поселения требует в любых взаимодействиях с жителями производить аффект сельской простоты и заботы.

Главной чертой российского сельского управления Фумики Тахара, проводивший исследования в Тамбовской области и Татарстане в 2010-е гг., называет его «нацеленность на заботу» (*care-oriented*)⁴¹ (Tahara 2016: 93). Под этим подразумевается, что от местных муниципальных служащих не ожидается финансовая или физическая помощь, как, к примеру, от китайских сельских бюрократов, т.к. в российских селах, как правило, она закреплена за сельскими агропредприятиями. Прежде всего российские сельские управленцы занимаются «услугами по уходу» за пенсионерами (большинство сельских жителей в России в условиях высокого уровня урбанизации), буквально заботятся о них (Ibid.: 95). В качестве основных черт этой заботы Тахара, вслед за Ёсинори Хирои, выделяет ощущение взаимности во взаимодействии; проведенное вместе время, которое важнее, чем полученные в результате социальные блага; наличие доверия получателя услуги управленцу, его удовлетворенность, которая важна для бюрократа; и высокая доля

⁴¹ «Забота» считается одной из ключевых функций патерналистского советского государства (см. Богданова 2005; Алымов 2011 и др.). О желании современных россиян получить заботу от государства см., например, (Kay 2011a; Eadem 2011b; Eadem 2018; Mortis 2025). Джереми Моррис утверждает, что популярная концепция российского государства предполагает наличие моральных отношений между гражданами и государством (Ibid.: 145). На уровне микро-политики можно заметить, что жители в сельской местности вступают со служащими своих администраций в отношения заботы и фиктивного родства, скрывающие иерархию, но вместе с тем дающие возможность «слабому» просить у «сильного» (Ibid.: 131–136). Стоить добавить, что кто в этом взаимодействии занимает более «сильную» позицию — вопрос без однозначного ответа. Фиктивное родство или, пользуясь предлагаемым мной понятием, сельская свойскость позволяет жителям сел просить о помощи, знании и участии сельских бюрократов, последние же получают возможность просить односельчан об ответной помощи в условиях своей зависимой позиции.

женщин в управлении (*Ibid.*: 96). Действительно, немаловажно, что в поселениях, где я работала, в управлении селом участвовали за редкими исключениями женщины — «“специалисты” по сердечности и чувствительности» (Бурдье 1993а: 109). Как мне представляется, от женщин в управлении в большей степени, чем от мужчин, ожидаются проявления заботы и «материнской» участливости (см. также Архипова 2023).

Аффективный капитал сельских бюрократов, как сумма продемонстрированных ими в коммуникации с жителями эмоций и сам «простой» тон этой коммуникации, конвертируется в капитал символический, и наравне с реальной помощью и инфраструктурными преобразованиями (см. Глава 4) делает труд сельских бюрократов заметным и ощутимым для односельчан. Уважение к управленцам связано с нормативной идеей о том, что сельские бюрократы должны «помнить о людях». «Не забывают» — это положительный отзыв пожилых жителей о работе управленцев, а слова о том, что «им до нас нет дела» — самое популярное недовольство жителей разного возраста, которое высказывается в адрес управленцев за их спинами или в локальном чате. По моим наблюдениям, идеальная глава поселения виделась многим жителям как человек, которому, как хозяйке в своей патrimonии, точно должно «быть дело до всех». Поэтому, например, Анна и Надежда приходили проститься с умершими и выражали соболезнования их родственникам, регулярно писали поздравления с самыми разными праздниками в сообщества поселений в социальных сетях или поздравляли односельчан с их праздниками лично («Как же про Вас можно забыть?»). Поэтому же некоторые жители Павлово с большим уважением говорили о Валентине Демьяновне, прошлой главе поселения, которая даже спустя четырнадцать лет, с тех пор как она ушла с должности, помнила о днях рождения односельчан и поздравляла их.

В связи с вышесказанным, моя идея состоит в том, что подчеркнутое внимание к жителям, разговоры ни о чем, активное слушание и демонстрируемые эмоции, которые удивили меня в разговоре Анны и «бабки», — это крайне значимый продукт труда сельских управленцев. Подобным образом проявляемая забота, во-первых, соответствует разделяемым многими героями моего исследования нормативным представлениям о сельскости. Ценности «свойскости», «простоты» и «взаимопомощи» обладают особым весом в условиях «вымирания» села и преобладания среди жителей пенсионеров, как в случае Павлово, или ощущимой де-урбанизации, превращения села в подобие пригорода, где люди отчуждены друг от друга, как в случае Большого.

Во-вторых, в существующих условиях муниципального управления, когда сельская администрация — по большей части зависимый орган власти, имеющий мало ресурсов для перераспределения их среди жителей, эффект сельской заботы и простоты — это один

из ощущимых для сельчан продуктов труда бюрократов, к которым они всегда могут позвонить, чтобы пообщаться, или зайти в кабинет с любым вопросом. К примеру, к Ире иногда заходила «чересчур активная» Алла Константиновна не только, чтобы спросить о выплатах, но и чтобы обсудить вязание.

В-третьих, забота — это важный и ощущимый продукт труда не только для «клиентов» администрации, но и для самих управленцев. Рассказывая о своей биографии, многие управленцы упоминали, что для них всегда было важно стремление к справедливости. Надежда, как и Ксения, упоминали, что хотели стать адвокатами, «чтобы решать проблемы людей» или потому что обладали «обостренным чувством справедливости с детства». Ксения даже получила юридическое образование, но не смогла реализовать детскую мечту. В интервью специалист поделилась со мной, что она всегда заступалась за «тех, кто послабее» и за жертв коллективной травли: «У меня никогда не было желания встать в эту толпу, у меня всегда было желание выйти и встать напротив как-то, и за него [за того, кого обзывают], потому что не понимаю я вот такого вот».

Анна рассказывала схожую историю. Сама сталкивавшаяся в школьные годы с травлей, будущая глава администрации противостояла «несправедливости»: в классе вставала против большинства, защищая объектов издевательств, и пыталась сопротивляться «несправедливости» в семье. Примером для подражания девочки, как упомянула глава, был герой романа Виля Липатова «И это все о нем». Вслед за протагонистом Анне «хотелось на какие-нибудь стройки, подвиги», участвовать в «борьбе за правду», что-то «изменить к лучшему, что надо, с несправедливостью вот этой вот». Анна верила в идеалы коммунизма, в школе была комсоргом класса, входила в тимуровский отряд («хотелось помогать всем бабушкам-дедушкам, вообще»). Она гордилась вступлением в комсомол и была казначеем школы, собирая комсомольские взносы. Во время биографического интервью размышляя о том, что ей больше всего нравится в своей работе, глава поселения назвала именно помочь людям, проводя связь с подростковым периодом своей жизни: «Наверное, больше вот, что, как и в детстве это было, — решать чужие проблемы, помогать кому-то, вот то же самое. Считай, оно и это, и пошло, и осталось. Потому что свои проблемы-то не решаешь, а решаешь проблемы людей: у кого там водопровод замерз, кому-то там пенсию маленькую — выбиваешь, кого-то, Господи, замело, снег очищаешь».

Возможно, в связи с этими подчеркиваемыми самими управленцами детскими мечтами и чертами их характера (желанием помочь, тяге к справедливости) наиболее приятным для них продуктом собственного труда становилось то, что понималось как «помощь» и несло в себе положительный аффективный заряд. «...Возможность что-то

чуточку сделать лучше, кому-то помочь или хотя бы не задерживать человека в оформлении. Потому что я сама вставала на программу “Молодая семья”… И какая вот это тягомотина! <…> Ну и так вообще, знаешь, где-то добрым словом, советом, какими-то своими знаниями тоже вот допустим, практическими, когда ты можешь помочь человеку, не жалеешь чего-то такого <…>» — рассказывала мне Ксюша о том, что больше всего в своей работе нравится ей.

Поставщики социальных услуг и ретрансляторы знаний, сельские бюрократы преимущественно занимаются нематериальным трудом. Более того, этот нематериальный труд может восприниматься как не такой уж важный, и сами управленцы нередко характеризовали адресуемые им сверху задачи как «мартышкин труд» или «херотень». К примеру, большевский специалист Елена поделилась, что в ответ на восхищение своего маленького сына, она отвечала: «Ой, сынок, такая неблагодарная работа! В том плане, что повар видит результат своей работы — что вы пришли довольные-сытые. Точно так же продавец… А у нас: пишем-пишем бумаги, ни конца ни края нет, и результата как такового». Эта сложность видеть и осязать продукт нематериального труда также может обуславливать недовольство сельских жителей, которым кажется, что «администрация ничего не делает». Как сказала Надежда: «Работа, которую администрация делает, не видна».

Однако аффективный труд сельских чиновников, их забота об односельчанах и эмоциональная поддержка делают их работу ощущимой как для жителей, так и для них самих. Как сказала Надежда, «вот пришел он, всякую ерунду поговорил, я с ним поулыбалась — ну ему хорошо, и мне вроде интересно-весело, ну выслушала и выслушала». Аффективный труд сельских бюрократов воспринимается ими как важнейшая часть профессиональной деятельности, выгодно выделяющаяся на фоне многочисленной «незаметной» и часто спускаемой «сверху» работы. Когда в 2021 г. вместо присутствия на «ВКС-ке» (онлайн-совещании) Анна решила съездить в город за лекарством от Covid-19 для заболевших односельчан, после моего пересказа повестки совещания она ответила: «Я хоть людям лекарство привезла, хоть что-то путевое. А не вот это вот перетрясание». «Хоть одно доброе дело за сегодня», — как-то отметила она же во время визита в конце рабочего дня односельчанки, решая проблему которой глава звонила в Пенсионный фонд. Невозможно сказать, что в тот день Анна ничего не делала. Однако именно аффективно заряженная работа с людьми — решение их проблемы или простое общение — воспринимается самими управленцами как тяжелая, но наиболее значимая часть своей профессиональной деятельности.

Выводы

В этой главе я попыталась проанализировать аффективный режим российского сельского управления, каким я увидела его в ходе полевой работы. Как я надеялась показать, аффекты играют большую роль в этом политическом институте. Структурированный как государственным политэкономическим режимом, в котором сельское управление становится прежде всего нацеленным на заботу (преимущественно о пожилых жителях), так и нормами локального социального пространства (т.е. нормативными представлениями о селе как пространстве участливого, доверительного и «простого» общения), аффективный труд сельских бюрократов предполагает постоянное (вос)производство в коммуникации с жителями «простоты» и «свойскости». Эти аффекты могут возникать в коммуникации естественно, как часть габитуса сельских служащих, эмоционально сопричастных территории и местным жителям; а могут быть осознанными техниками работы управленцев, не лишенными циничного прагматизма — посредством шуток и простого общения, по любимому выражению Иры, бюрократы «залаивают без мыла в задницу» ради достижения управленческих целей. Так или иначе, описанные аффекты направлены на воспроизведение всей системы муниципального управления, которая предполагает в условиях двойной зависимости служащих сельской администрации и постоянного дефицита ресурсов, что «сельские» аффекты будут обмениваться у жителей на содействие бюрократам в управлении. Иными словами, непрерывно накапливаемый и подтверждаемый в каждом взаимодействии аффективный капитал сельских бюрократов должен конвертироваться в капитал социальный и символический, чтобы они могли встретить у односельчан «понимание» (готовность подчиниться просьбам муниципальных служащих).

Обращаясь к веберовской классификации типов господства, можно сказать, что сельские бюрократы, накапливая аффективный капитал (демонстрируя эмпатию, внимание, избегая открытых конфликтов и «просто» общаясь), обеспечивали себе основания для патrimonиального господства — т.е. господства, основанного на личных отношениях. При этом я предлагаю выделить в работе сельских управленцев как *патrimonиальные*, так и *бюрократические* техники. В то время как первые (вос)производят ожидаемую в селе простоту и свойскость, вторые предполагают дистанцирование от сельскости в случае опасности для положения управленцев в государственном социальном пространстве. При этом и бюрократические техники работы сельских бюрократов, что отличает их от служащих городских бюро, требуют от них «простого» разговора, в ходе которого обосновывается отказ на просьбу и так охраняется накопленный аффективный капитал.

Таким образом, несмотря на постоянную критику «командной» риторики районных управленцев, маскирующей жесткую вертикаль власти, сельские бюрократы совершают похожий риторический ход на уровне управляемых ими поселений, говоря о них как об «одной семье». Искренне или цинично, свойскость регулярно перформативно (вос)производится ими и инструментализируется в целях управления: свои улыбки служащие надеются обменять на помошь им в будущем, пролитые слезы — на участие односельчан в выборах, а разговоры «ни о чем» — на отсутствие обвинений в «ничего-неделании».

Mise en abyme на разных уровнях сельского муниципального управления осуществляется один и тот же замаскированный под искреннюю участливость и взаимопомощь обмен аффекта на лояльность. Однако, как ни странно, и в коммуникации с вышестоящими бюрократическими инстанциями, и во взаимодействии с жителями своих поселений сельские бюрократы занимают одну и ту же уязвимую и зависимую позицию. Пытаясь реализовать в отношениях с жителями патримониальное господство, они делают это не из личных интересов, но как низовые служащие, подчиняющиеся требованиям «свыше». Парадоксально, но и позиционируя себя как заботливых «хозяек» своей территории, сельские управленцы рассчитывают скорее не на подчинение их *приказам*, но на исполнение их *просьб*. На мой взгляд, господство в случае российской сельской бюрократии связано не с идеей силы, внушающей управляемым уважение через аффекты любви, страха, восхищения и пр., но с идеей осознаваемой всеми уязвимости управленцев, призывающей управляемых быть отзывчивыми и сочувствовать бюрократам. При этом производимый аффект свойскости и заботы, кажется, столь же необходим самим сельским управленцам, как и сельским жителям или эксплуатирующей его структуре сельской муниципальной власти. Среди вороха незаметных стороннему наблюдателю и зачастую неприятных, определяемых «сверху» дел, аффективно заряженная и считываемая как «помощь» деятельность оказывается для сельских служащих главным позитивным аспектом работы, позволяя хотя бы на какое-то время оправдать для самих себя тяготы своего вдвойне зависимого положения.

ГЛАВА 4. Сельский авторитет и обменные отношения

В городе же такого нет. Здесь они думают, что мы им всё должны <...>. Как они говорят, «мы для вас рожали, мы рожали государству».

Ира, специалист по социальной работе в Павлово

Беспрекословный авторитет?

В предыдущих главах я рассмотрела, как две базовые, по мнению разных жителей двух сибирских поселений, составляющие сельскости — «знание всех» и сельская «простота» — проявляются в работе местных управленцев. Как было показано, эти характеристики сельскости осмысляются и инструментализируются сельскими бюрократами, становясь необходимыми основаниями для их притязаний на господство во взаимодействии с односельчанами или в своих собственных глазах. В продолжение данной темы в этой главе я попытаюсь понять, как на рабочую практику сельских управленцев влияют другие фундаментальные характеристики воображаемой героями моего исследования сельскости. Однако прежде необходимо сделать небольшое отступление и подробнее остановиться на том, как устроен авторитет сельских управленцев.

Стоит сказать, что на протяжении работы над диссертацией я часто использовала слово «авторитет» по умолчанию. Я говорила, что авторитет сельских бюрократов, или их символический капитал, складывается из комбинации их культурного (знания тонкостей бюрократических процедур и «знания всех», доведенного до предела), аффективного и социального (личных отношений с односельчанами) капиталов. При этом, утверждала я, авторитет сельских служащих может обосновываться сразу несколькими легитимирующими принципами: тем, что они одновременно и представители муниципальной власти (рациональная легитимность и должностная харизма, по Веберу), и заботящиеся обо всех жителях поселения, ответственные за них люди (патrimonиальная легитимность, рассмотренная в прошлой главе). В этом месте я ставила точку: сельские бюрократы — зависимые и подчиненные другим органам управления, но, опираясь на собственный авторитет, они и сами могут воздействовать на жителей и тем самым «выкручиваться», т.е. находить способы работы в условиях зависимости и дефицита материальных ресурсов и административных полномочий. Однако утверждение о наличии у сельских бюрократов признанного авторитета не беспроблемно. Как справедливо отмечает Юрий Плюснин, «нельзя сказать, что принадлежность человека к чиновному сословию автоматически сочетается с его высоким влиянием или верхнейластной

позицией или что он автоматически располагает значительным капиталом <...>» (Плюснин 2022а: 53).

Во время полевой работы я регулярно спрашивала у управленицев и тех, кто активно не участвует в управлении, какие люди в их поселениях считаются уважаемыми, есть ли здесь «авторитеты». Подобная формулировка вопроса мне казалась естественной в сельском контексте, в котором я ожидала услышать рассказы о формальных и неформальных лидерах. Однако самой распространенной реакцией собеседников на мои вопросы было замешательство⁴². В обоих поселениях жители сперва отвечали, что они этого не знают, или что уважаемые люди были только в советское время, или, напротив, что они уважают всех. После повторного вопроса кто-то начинал рассуждать: «Шубин [староста большовского храма⁴³] — кто-то его уважает. Анну Артемовну [главу поселения] кто-то. Кто работает [в агрофирме] — на работе уважают. В школе — свои авторитеты», — размышляли пенсионерка Полина Алексеевна и библиотекарь Любовь Борисовна во время нашей беседы в библиотеке. «Для села, — подытожила Любовь, — даже и не знаю».

Вскоре после этого разговора, в сумерки одного из прохладных августовских вечеров Анна пригласила меня вместе обойти село, чтобы проверить, не нужно ли где-нибудь заменить перегоревшую лампу фонаря. Во время прогулки я упомянула, что меня озадачивает непонимание, которое встречают у большовцев мои вопросы о том, кого они считают уважаемыми людьми. На удивление, Анна сразу же поняла меня и сказала, что так происходит, потому что уважаемых людей, которые меня интересуют, здесь нет — «каждый преследует только свой шкурный интерес» и «нет такого человека, которого бы слушали», который «хотел бы что-то сделать для села». Возражая Анне, я начала рассказывать, что как об уважаемых людях мне часто говорили о директоре местной агрофирмы Демидовой и о самой главе, ведь именно к главе, продолжила я, жители чаще всего обращаются со своими проблемами. «То, что они ко мне идут — не обязательно, что

⁴² О бесполезности прямых вопросов о влиятельных людях в сельской местности см. также (Гололов 2012: 69; Плюснин 2022а: 369).

⁴³ Шубин — «местный», т.е. родившийся здесь, житель Большого; староста местного храма, ответственный за хозяйствственные дела, избранный на приходском собрании. Вопреки правилам, Шубин не только определял круг ремонтных работ в храме и находил на них деньги или материалы у местных предпринимателей, но и повлиял на выбор проводящего здесь службы священника, не имея сана, сам носил рясу и проводил богослужения, жил на оставляемые в храме пожертвования и использовал для своих целей в храме электроэнергию, не оплачивая счета (поставил там деревообрабатывающие станки). Из-за нарушения церковных правил и своеенравного характера находился в многолетнем конфликте с местной епархией и с главой поселения Анной, которую возмущало, что Шубин считает себя «хозяином» общего сельского храма «и что все церкви должны, а церковь ничего не должна». Много лет храм, по решению Шубина, был закрыт. Во время моей полевой работы, однако, он был открыт несколько дней в неделю с богослужением и исповедью на большие церковные праздники; в селе существовал постоянный приход (по большей части из местных пожилых жительниц, ужившихся с тяжелым нравом Шубина). Церковный приход был одним из центров культурной жизни как альтернатива «активу» дома культуры (и вместе с тем Совета ветеранов).

они меня уважают», — парировала Анна. «Уважаемый человек, — пояснила она, неосознанно сближаясь в своих словах с веберовским определением авторитета, — это тот, которого будут слушаться, что он скажет». Но в Большом «уважаемые люди — это те, с которыми ты общаешься», — констатировала глава. Значит, у каждого жителя здесь «свои авторитеты».

Подобный ответ за время полевой работы я получила еще не раз — в частности, от директора большовского дома культуры Елизаветы. Когда мы беседовали за чаем и, веселясь, вдвоем смотрели в доме культуры онлайн-трансляцию праздничного концерта к юбилею области, Елизавета также сказала мне, что «уважаемых людей здесь нет». Такие люди были в родной деревне работницы культуры — там авторитетами считались пожилые односельчане, когда-то занимавшие руководящие должности. Но в Большом «авторитеты у каждого свои», что Елизавета связала с уже знакомой нам разницей «менталитетов» (см. Глава 2): жители ее родного села виделись собеседнице более дружелюбными по сравнению с «эгоистичными» большовцами.

Неочевидность и нестабильность общих в локальном социальном пространстве поселения «авторитетов» поставила меня перед необходимостью проблематизировать устройство авторитета в сельском контексте. Проанализируем, какие еще основания помимо «знания всех» и сельской свойскости, рассмотренных в прошлых главах, и какие действия необходимы для того, чтобы человек (и конкретно сельский управленец) в исследуемых поселениях мог притязать на авторитет, т.е. чтобы его воле подчинялись, признавая обоснованность этого подчинения. Далее, вписывая исследуемые кейсы в более масштабный контекст, проанализируем, в каких отношениях сельский авторитет находится с общей концепцией управления и государственного устройства, которую я попытаюсь реконструировать с опорой на дискурс сельских бюрократов и других жителей поселений.

Влиятельность и безотказность

Как-то вернувшись из администрации домой к Ире, у которой я жила во время работы в Павлово, я обнаружила, что исчезли мои тапочки. На крыльце, где я их оставила, ничего не было, и я спросила у хозяйки, не знает ли она подробностей этой пропажи. Оказалось, что тапочки занесла домой сама Ира, и мой вопрос ее позабавил: «Что, думала, украли? У нас не воруют. У нас авторитеты есть, например, мой брат». Появление слова «авторитет» в этом контексте, особенно на контрасте с большовским «отсутствием авторитетов», о котором все говорили, меня заинтересовало. Ира пояснила, что ее брата Тоху «все знают» и если кто-то обидит Иру, он пойдет разбираться. «А есть ли какие-то еще авторитеты?

Наверняка есть люди, которые считаются сильными, могут помочь деньгами, транспортом», — продолжила спрашивать я, вкладывая в понятие «авторитета» существовавшую тогда у меня идею о связи власти с концентрацией ресурсов (Rogers 2006). В ответ я впервые услышала о Славке Титове — молодом человеке, внезапно скончавшемся, когда ему не было и тридцати лет. «Он всем поможет, все расскажет, все подскажет, ну молодец такой вообще... если его просят, он все мог сделать. Деньгами — он деньгами поможет, без отдачи. Если меня, например, обидели, я сказала: “Славка, меня обидел тот-то”. Он пойдет ему на выявление. <...> Надо шкафы повесить, например <...> — “Без проблем”. <...> Он вообще безотказный человек». Я спросила, не осталось ли сейчас людей, к которым так же можно обратиться, и Ира ответила, что есть, например, Тимур — водитель сельской администрации, балагур, с которым все коллеги постоянно обменивались шутками. «Тимур тоже безотказный». В момент разговора я не обратила внимания на то, какую именно характеристику «авторитета» систематически использовала Ира. Я спросила, нет ли в Павлове «авторитетных в смысле богатых людей», и на этот прямой вопрос специалист ответила отрицательно. «В авторитете только те, кто вот попросил его — он сделал. Это все уже, безотказный он, все, он хороший человек. А то, что с деньгами, без денег — это все фигня».

Как было показано в диссертации ранее, одной из главных положительных черт «характера» сельских жителей для управляемцев является их «ответственность» в смысле солидарности с сельскими бюрократами и «понимания» трудностей, с которыми они сталкиваются (см. Главы 2, 3). Это «понимание» должно обязывать жителей не отказывать чиновникам в просьбах о содействии, на которые они вынуждены полагаться в существующей структуре сельского муниципального управления. Между тем упомянутая Ирой «безотказность» не в меньшей степени, чем для управляемцев, важна и для других жителей поселения. Из тех разговоров, которые мне довелось вести во время полевой работы, можно сделать вывод, что «не отказывать в помощи» — это моральный принцип, актуальный для самых разных жителей Большовского и Павловского поселений.

«В селе взаимопомощь — мы все вместе живем, ты мне, я тебе. Отказывать нельзя, потому что есть Бог. К тебе может вернуться», — говорили встретившие меня у себя дома в Павлове как почетного гостя Амир (водитель в сельской администрации, на момент беседы пожарный) и Асель («последний комсорг» и библиотекарь в прошлом). В том же Павлове пенсионерка Мария Владимировна рассказывала мне о том, как раньше она нанимала «бичей» таскать воду: «Раньше много было пьяниц, сейчас вывелись. Безотказный один был — что попросишь, он все сделает», — с сочувствием вспоминала женщина. О себе она говорила, что тоже никогда не отказывает людям, за что, по словам

самой собеседницы, ее даже прозвали «Матерью Терезой»: «Каждое Девятое мая выступаю, выручаю Викторию Федоровну [заведующую клубом], не бросаю ее, раньше в соседях жили, жалко. Когда зараза [Covid-19] была, [она] домой придет, снимала меня как я пела. Всегда на праздниках с ребятишками — взрослые не идут. Говорят мне: “Тебе надо это?” А я не могу людям отказать. Как сумею, так и спою». «Безотказной» большовский бухгалтер Настя называла председателя Сельской Думы и воспитателя в местном детском саду Веру Владимировну: после того, как мы поздравили с днем рождения ее дочь, подрабатывавшую летом в администрации, Настя отметила, что «у нее и мама такая безотказная, даже неудобно не поздравить девчонку». «Безотказная», по словам Иры, была и социальная работница, сельский депутат и «помощница» Совета ветеранов в Павлово Клавдия Никитична, которая якобы делала все, что ни попросят ее подопечные (мыла окна и полы, даже если этого нет в списке ее официальных «услуг») — «безотказная, потому что ее все знают и она всех знает, хорошая женщина».

Этот коллаж из разрозненных цитат позволяет увидеть, что тема «безотказности» нередко возникала в моих интервью и разговорах с жителями, и всегда неумение или нежелание отказать оценивалось собеседниками положительно. Мое предположение заключается в том, что «безотказность» как свойство, приписываемое характеру человека, включено в представления о сельском авторитете. Быть «авторитетным» в сельском контексте значит не только, в соответствии с веберовской концепцией господства, иметь влияние на других людей, чтобы осуществлять свою волю (быть тем, «которого будут слушаться, что он скажет», как сказала Анна), но и быть таким человеком, к кому можно обратиться за помощью и кто помогает.

Анализируя причины неудач проектов развития в Лесото, Джеймс Фергюсон писал о «бычьей тайне» (*bovine mystique*) — на первый взгляд нерациональном поведении жителей Лесото, отказывавшихся продавать своих быков в годы засухи (Ferguson 1996: 135–166). В корне этого поведения, как показывал Фергюсон, лежало социальное значение крупнорогатого скота. В частности, владельцы большого поголовья вовлекались в патрон-клиентские отношения: имея животных, даже истощенных, мужчины могли помогать другим жителям в выполнении домашних дел или ритуалов. «Скот всегда вовлечен в отношения зависимости <...>, эти отношения основаны на покровительстве, и человека, у которого много животных, по этой причине очень уважают — это “человек, который может помочь людям”» (*Ibid.*: 152–153). Люди, имеющие деньги, «помогают только себе», в то время как хозяева быков, напротив, пользуются уважением за то, что они могут одолжить животное.

Безусловно, для самых разных небольших сообществ в принципе важна идея о необходимости помогать и не отказывать в помощи, и по всей видимости, эти обязательства можно даже назвать универсалией, кристаллизованной, к примеру, в трех императивах дара Марселя Мосса (обязанности давать, получать, возмещать) (Мосс 2014). В исследуемом мной случае, в двух сибирских поселениях 2020-х гг., такое качество как «безотказность» также связано с уважением и ответным чувством долга по отношению к тому, кто «не отказал».

Мне кажется немаловажным, что сами управленцы, рассказывая мне о своей работе, нередко подчеркивали, что они никогда «не отказывают» людям в помощи. «Так чтобы вот прямо совсем плохо, я думаю, что про нас никто не должен ничего сказать», — рассуждала Надежда, когда мы беседовали в ее кабинете во время моего первого приезда. — Хоть кто приходит, мы не отказываем никому ни в чем. Если в наших силах, то мы делаем. Даже если помимо нашей работы». Действительно, обязанности сельских муниципальных служащих во многом определяются теми запросами, с которыми к ним обращаются односельчане и которые нельзя проигнорировать без объяснения причин. К примеру, в Большом в кабинет специалиста Ксюши каждый месяц приходила пожилая жительница небольшого роста, на которой были очки с толстыми линзами и завязанный под подбородком платок. Она передавала специалисту записку с показаниями счетчиков за свет. По просьбе главы поселения, к которой когда-то обратилась за помощью посетительница, Ксюша регулярно передавала эти показания в обслуживающую компанию, хотя формально не была обязана это делать.

Ранее я писала о том, что «помощь людям» служит для сельских управленцев главным позитивным аспектом работы, тем смыслом, который позволяет им переосмысливать ее недостатки (см. Глава 3). Сейчас необходимо дополнить, что помощь, а точнее декларируемая «безотказность» — это также важный инструмент сельских управленцев, с помощью которого они зарабатывают и поддерживают свой авторитет. «Обращаемся в сельсовет. Если ездим на совещания, нас довозят, не отказывают никогда, — рассказывали мне работницы павловского ФАП-а. — В старом здании [ФАП-а] не было ксерокса, все просили девок [служащих администрации] напечатать объявление. Иру или Валерию Юрьевну [специалиста по социальной работе и ведущего специалиста]. Девчонки, они молодцы. К Юле [бухгалтеру] раз обратились [чтобы помогла разобраться с мобильным приложением], так и ходим. Юля тоже не отказывает».

У безотказности сельских управленцев есть свои материальные воплощения: принтер и ксерокс, на которых всегда можно распечатать или отксерокопировать документ, и, конечно, служебная машина — объект, на который часто надеются жители и

который может предлагаться управленцами как проявление помощи. В этот список следует включить также постоянно заряженный и находящийся рядом с управленцами мобильный и/или стационарный телефон, на который служащие стараются всегда отвечать; как правило, открытые двери их кабинетов, в которые всегда можно зайти; казалось бы, излишнее для кабинета сельского главы количество стульев для посетителей (четыре-шесть штук) у составленных в форме буквы «Т» столов в кабинете главы и у обычных письменных столов в кабинете специалистов; и сами Т-образные столы, которые ждут, что за них подсядут просители.

Не отказывать в помощи напрямую — это принцип работы, о котором уже было сказано ранее (см. Глава 3). Он действительно важен как для служащих сельской администрации, так и для членов их сельских «команд». До своего ухода на пенсию заведующая павловским ФАП-ом Таисия Николаевна сказала мне, что она старается всем помочь, «чтобы сохранять в старости свой авторитет». «Чтобы не говорили, что не помогла, трубку не взяла», она, по ее словам, всегда брала с собой телефон и ожидала звонков от односельчан. Обвинения в том, что кому-то было отказано в помощи, резко отвергались управленцами. «Я не могла так сказать», — отрезала Анна, когда я пересказала ей, что в интервью местная «недовольная» жительница Воробьева посетовала на то, что в администрации ей однажды отказали в материальной помощи, якобы потому что она и так получает пенсию по уходу за ребенком с инвалидностью. Как развивались события на самом деле, мне неизвестно. Однако прямой отказ от Анны или других большовских служащих мне действительно представить сложно. Весьма вероятно, что в этом случае заявление на материальную помощь все равно было бы написано и подано, как в 2021 г. я, по поручению главы, писала письмо президенту, осознавая, как и Анна, тщетность этой затеи. В тот раз один житель поселения обратился в администрацию с просьбой написать письмо по поводу не присвоенного его жене, но, по его мнению, положенного ей звания «Ветеран труда». Несмотря на то, что мы понимали, что достаточных оснований для присуждения звания у женщины нет, по телефону я провела с мужчиной долгий разговор и написала письмо, проверенное Анной и отправленное в Администрацию Президента. Ожидаемо, оно получило отрицательный ответ.

Кроме того, сельские бюрократы могли прибегать к хитростям и риторическим приемам, позволяющим уйти от прямого отказа. К примеру, если кто-то спрашивал, поедут ли служащие в город в следующий вторник или даже в этот конкретный день, главы поселений Анна и Надежда отвечали, что «пока не знают», «до вторника дожить надо» и т.п. Апеллируя к неопределенности, действительно переживаемой ими (см. Глава 1), чиновницы не отказывали напрямую, но и не давали никаких гарантий. Иногда они

находили даже более изощренные способы не отказать и не согласиться: например, убеждались, что спрашивавший о поездке в город человек уже уехал на рейсовом автобусе, и только потом звонили ему с сообщением, что служебная машина сейчас отправляется в город и жителя могут подвезти, как он просил.

Как было показано в Главе 3, запросы односельчан не могут быть просто отклонены управлением. Чтобы жители не восприняли отказ как личную обиду, бюрократам необходимо указать на объективную и обоснованную невозможность что-то сделать, призывая их к сочувствию. Крайне важно, что в «сложной» Ильинке, где служащие Павловской администрации не пользовались особым уважением и были развиты альтернативные структуры управления (см. Глава 5), жители не раз рассказывали мне, что не обращаются в администрацию, потому что это бесполезно и в их просьбах им могут отказать. Например, пенсионерка Галина Тимофеевна, у которой я снимала в Ильинке комнату, сказала мне, что в Павловскую администрацию она звонила один раз — после ампутации ноги она просила главу найти кого-то, кто бы мог выпилить в доме достаточно широкие для инвалидной коляски дверные проемы и кто покосил бы траву на ее участке. Как с обидой пересказывала Галина Тимофеевна, ей ответили: «Там [в Ильинке] у вас свои люди есть, ищите». Далее глава поселения якобы предложила Галине обратиться за помощью в этом поиске к ухаживавшей за ней социальной работнице Тоне. После этого разговора женщина сделала вывод, что в администрацию обращаться не нужно: «Ильинка им как кость в горле». Новые проемы в большом благоустроенном доме выпилил сын, приехавший навестить Галину Тимофеевну.

Отказывают ли в помощи павловские и большовские бюрократы на самом деле, пожалуй, для нас не так важно, как сами разговоры о безотказности или отказах. Любопытно, что именно в Ильинке, где истории о негативном опыте взаимодействия с администрацией я слышала чаще всего, люди говорили, что сельскую администрацию нужно ликвидировать. Ильинцы предлагали объединить Павловское поселение с соседним, глава которого вызывал у них больше доверия. Более того, жители Ильинки — единственные, кто в большинстве своем одобряли готовящуюся реформу местного самоуправления, поддерживая идею ликвидации сельских администраций. Значительная часть ильинцев, ограниченных в доступе к бюрократическим благам павловского «сельсовета», уже привыкла ездить по всем вопросам в город или пользоваться «Госуслугами». В Павлово и в Большом мне, напротив, чаще с тревогой говорили, что «сельсовет нужен», потому что люди могут обратиться туда хотя бы «за справкой», и если его закроют, то, как сказала «вечно недовольная» Воробьева, «че мы тогда делать будем?

<...> мы тут зарастем [травой, которую скашивают работники, нанятые администрацией] и помочи вообще никакой не будет».

Согласно Веберу, в контексте домашней формы власти или патrimonиального господства, некоторыми подчиненными (Вебер пишет о детях и слугах) ощущается объективная потребность в помощи, «беззащитность за пределами власти господина» (Вебер 2019: 73). Как я попыталась показать в этом разделе, в сельском сообществе готовность оказать помощь и безотказность — это важный моральный принцип, становящийся необходимым основанием для авторитета «хозяев»-управленцев, на помощь которых жители, зачастую самоустраниющиеся от участия в управлении (см. Глава 5), надеются и поэтому так негативно реагируют на бездействие сельской администрации в решении своих проблем. Любому авторитету, как утверждает Вебер, присущ и харизматический характер, а харизматическая легитимность зарабатывается путем подтверждения своей силы в практике жизни. <...> в том, что верящим в него и преданным ему становится лучше» (Вебер 2019: 182–183). При этом «господин может чувствовать себя слугой подвластных» (Там же: 23), и Надежда говорила: «Мы здесь заместо туалетной бумаги», работаем «на благо людей». Однако на деле, оказывая помощь, сельские бюрократы вовлекаются в асимметричные отношения и занимают в них позицию «господ», на содействие которых «подчиненные» рассчитывают.

Как заметил Клод Леви-Стросс, описывая обязательства вождя в «примитивных» бразильских обществах, «вождь не опирается на силу своих полномочий или однажды всенародно признанного авторитета. Согласие лежит в основе власти, и именно оно сохраняет ее законность» (Леви-Стросс 2022: 395). Этот принцип «примитивной» власти обнаруживается и в исследуемых мной случаях. Сельские управленцы не наделяются авторитетом по умолчанию, как можно было бы предполагать, подразумевая у них априорное наличие бюрократического господства по праву должности или патrimonиального господства по праву сопричастности территории. Напротив, «личный авторитет <...> может только постоянно поддерживаться поступками, которые практически подтверждают его своим соответствием признанным группой ценностям» (Бурдье 2001b: 255). Проявляя заботу и участие, систематически помогая и не отказывая, сельские бюрократы зарабатывают и переподтверждают свой авторитет в каждом конкретном взаимодействии (см. также Morris 2025: 142). Тем самым сельские чиновницы повышают вероятность того, что тот или иной человек, опутанный непрогоовариваемыми обязательствами долга, внимает их просьбе прийти на выборы или поучаствовать в другом нужном им мероприятии. Так, если постоянно переподтверждаемое «согласие» членам «примитивных обществ», по мнению Леви-Стrossa, было нужно для сохранения позиции

вождя и, следовательно, объединенного вокруг его фигуры сообщества в целом, то в современных российских реалиях сельским чиновникам это «согласие», на мой взгляд, необходимо прежде всего для исполнения требований, предъявляемых им в единой системе публичной власти.

Биатрис Хауреги показывает, что авторитет уличных бюрократов (индийский полицейских) нестабилен и укоренен в конкретном локальном контексте, а не априорно дан им их позицией — этот авторитет «временный и зависящий от поставок» (*provisional*) (Jauregui 2016). Какое определение можно дать авторитету сельских управлеченцев? Думаю, подходящей характеристикой было бы «основанный на систематической помощи». Задействование этого заработанного посредством систематической помощи авторитета, как я предполагаю, в конечном итоге должно позволять бюрократам ретранслировать власть — в роли подчиненных исполняя направленный свыше приказ. Безотказность — это тот моральный принцип, который превалирует в рассуждениях жителей обоих поселений об одобряемом в селе поведении и нарушение которого можно заметить в высказываемом ими недовольстве в адрес «деловых» односельчан (см. Глава 2) или нерадивых управлеченцев (см. выше). Авторитетный человек и в Павлове, и в Большом должен прежде всего не отказывать в помощи. Более того, как будет показано в следующем разделе, эту помощь авторитет должен предлагать сам.

Дар государства из рук управлеченцев

В разгар очередного рабочего дня в кабинет Анны и Насти зашли двое мужчин — пожилой отец и сын среднего возраста, живущие в Заречной. Они хотели оформить у главы доверенность⁴⁴, чтобы сын мог получать пенсию за свою мать, которая, как он рассказывал в ответ на вопрос Анны, расписываясь, делает ошибки и этим злит почтальона. Анна сказала, что мужчине нужно оформить на мать опекунство, но не получила ответ, и, начав заниматься доверенностью, предложила мужчинам, пока поговорить о сельской жизни и ее проблемах со мной (я как обычно занимала свое место в углу напротив). Стущевавшись, посетители немного рассказали о бродячих собаках в Заречной, которые, по их версии, забредают в деревню с трассы, где их бросают прежние хозяева. Однако разговор быстро сошел на нет, и Анна спросила у мужчины помоложе, как его дела и где он сейчас работает. Мужчина ответил «Нигде», т.к. он должен присматривать за матерью, имеющей ментальные нарушения. Анна смотрела на собеседника с сочувствием и вновь повторила, что ему надо оформлять опекунство, чтобы была доплата по уходу за матерью и шел трудовой стаж. Мужчина ничего не ответил.

---

⁴⁴ См. сноска № 13.

Когда доверенность была готова, Анна сказала: «Ладненько, надо с тобой что-то придумать». Мужчина выразил непонимание. «Куда тебя на работу устроить, чтоб на территории был». На эти слова посетитель не отреагировал, сам о работе или другой помощи, кроме доверенности, он не спрашивал, и, получив документ, ушел вместе с отцом. Между тем это активное стремление Анны помочь мужчине кажется мне показательным.

Описанный случай — один из многих примеров того, как сельские бюрократы настойчиво вовлекают жителей в сулящие им те или иные блага бюрократические процедуры: обзванивают всех, кто может быть заинтересован, сообщая о новых субсидиях и государственных программах поддержки; подробно объясняют их условия и даже уговаривают подавать на них документы. К примеру, продавщица хозяйственного магазина в Павлово Яна рассказывала мне, что после двух отказов в выдаче единоразовой выплаты на несовершеннолетнего ребенка, пришедших из «района», бухгалтер Юлия уговорила ее попробовать податься снова, и заявление одобрили. Также можно вспомнить, например, с какой тщательностью глава Павлово Надежда оповещала жителей поселения о перезаключении договоров на газ, сама подготавливала для них документы и участвовала в процедуре перезаключения (см. Глава 2). Зачем сельские чиновницы старались нанести помочь, если она не требуется от них свыше, не будет отражена в «показателях», и если жители об этом не просят сами или даже не сразу соглашаются принять эту помощь, как посетитель из Заречной или Яна? Ведь со стороны может показаться, что так бюрократы занимаются лишней работой. «Если я могу, почему не помочь человеку? По характеру человек такой — если мне надо, иду до конца, — объясняла мне Юлия, почему уговаривала Яну подавать документы несколько раз. — Раз отказали, два, три. Все равно получу что мне надо. Хочется людям помогать». Однако, мне кажется, столь важное для сельских управленцев чувство значимости проделанной работы (см. Глава 3) и желание помочь, о котором говорила Юлия, — это не единственные стимулы, заставляющие сельских чиновниц самим эту помочь инициировать.

На мой взгляд, самостоятельные попытки чиновниц нанести помочь непосредственно связаны с моральным принципом сельской «безотказности», находящимся в центре этой главы. Доступ к социальным услугам и знания о программах государственной поддержки и разных лайфхаках по взаимодействию с бюрократическими инстанциями — это один из немногих потенциально материализуемых ресурсов, которые есть у сельской администрации. Социальные услуги — это те быки из книги Фергюсона, которыми сельские управленцы могут поделиться помимо служебной машины, принтера

и ксерокса. Дабы делиться и таким образом обеспечивать возможности для реализации своего господства (с помощью вступления в асимметричные, патрон-клиентские и завязанные на долгे отношения помохи), нужно, чтобы о наличии быков знали другие люди.

«Великодушие — это главный символ власти <...>. <...> это основное качество, которое требуется от вождя, словно струна, без которой невозможно гармоничное звучание. <...> Хороший вождь проявляет инициативу и мастерство» (Леви-Стросс 2022: 396–397). Мое предположение заключается в том, что инициируя помоху, сельские управленцы демонстрируют это ожидаемое от «власти» великодушие и таким образом они играют на опережение. «Давать — значит демонстрировать свое превосходство, значит быть больше, выше <...>» (Мосс 2014: 274). Не просто не отказывая в помощи, но сами предлагая ее, сельские бюрократы оказываются в сильной позиции, которую можно было бы сопоставить с позицией внимательного соседа или заботливого хозяина патrimonии. Важно, что чиновники предлагают свою помощь внутри довольно ограниченного сообщества, где память о помощи или об отказе в ней должна распространяться, тем самым влияя на уважение к чиновникам разных людей. Самостоятельное вовлечение бюрократами жителей в социальные программы, сулящие последним государственные блага, производит столь значимый для управленцев эффект заботы (см. Глава 3), рассеиваемый по территории посредством пересудов и сплетен.

«...Конечно, нравилось, то что вот люди некоторые... многие, что вот долго потом еще говорили: “Ой, лучше б ты работала, Демьяновна!.. Ой жалко, что ты ушла!”» — отвечала экс-глава Павловского поселения (1992–2010 гг.) Валентина Демьяновна на мой вопрос о том, что для нее было самым приятным в работе. «Ну, уважали как-то. Ну, может, не все. Вот кому-то что-то не угодила, например, чем-то не смогла вот я помочь, вот он просил что-то там <...>». Мы с Валентиной Демьяновной сидели на уютной кухне ее дома, пили чай, и женщина вспоминала насыщенные годы своей работы, в которые реализовалось множество государственных программ: «...мы старались как-то все равно, чтобы многим, что кто попросил, чтоб все получили, даже самим некоторым предлагали: “Че вы не обратитесь? Давайте вот это вам?”», ведь «есть же люди такие скромные, никуда не вникают и не знают, что, например, вот можно сделать... хотела помочь». Женщина вспоминала, как вместе со специалистом Клавдией Никитичной составляла списки на субсидированную газификацию, включая в них как можно больше людей, чтобы «людям угодить»: «Конечно, не всегда все это ценили, но все равно в основном люди были благодарны». В качестве другого примера своей помощи в получении государственных благ экс-глава рассказала, как вместе с той же специалистом она

убеждала нынешнего водителя администрации Тимура податься на субсидию на покупку жилья по программе «Молодая семья» и помогала ему правильно оформить документы: «Вот, помогали, старались как-то людям помочь все равно. <...> И безо всякой там отдачи, чтоб че-то как-то где-то они нам сделали. ...раз вот есть вот в районе такая программа, думаешь: “А почему вот наши не участвуют, почему там вот? Тоже, — думаю, — надо сделать”». Обращу внимание, что экс-глава Павловского поселения специально оговорила, что не рассчитывала на отдачу, проявленную в каком-то ответном действии, однако на протяжении всей беседы женщина упоминала о «благодарности» жителей, которые оказались в орбите ее настойчивой помощи, а значит и их уважении, которые по сути и были для нее необходимым отдачей.

Супруга Тимура Жанна рассказывала мне несколько иную историю о том, как у них появился отдельный от родителей дом. В этой истории главную роль играл директор функционировавшего тогда в Павлово сельскохозяйственного предприятия, где работал Тимур. Субсидию на дом он, по словам жены, получил через предприятие — как молодой специалист, и директор даже помог паре оформить кредит на первый взнос. Однако и в этой версии рассказа идея участвовать в государственной программе появилась у пары благодаря звонку из администрации, когда Клавдия Никитична рассказала Жанне о «Молодой семье» и позже посоветовала участвовать в программе от предприятия на более выгодных условиях. «Вот какая помощь от государства! А я не знаю, все Путин хаят-хаят, а при нем вон сколько программ появилось: “Молодая семья”, “Материнский капитал”, и на жилье, и на строительство», — рассказывала мне Жанна, отождествляя помочь в покупке дома с щедростью государства, и уводя на второй план заслуги сельской администрации.

Идеи о благодарности жителей за социальные блага не только сельским управленцам, которые помогли получить к ним доступ, но и государству, создавшему эти социальные блага, часто сплетаются в речи управленцев и сельских жителей. Распространение знания о мерах государственной поддержки и настойчивое вовлечение жителей в бюрократические процедуры я бы, вслед за Николаем Скориным-Чайковым, назвала *гоббсианским даром* государства, который стремится сделать сельские управленцы (Ssorin-Chaikov 2017: 95–120). Анализируя дар цивилизации (модерности, развития), который представители государства стремились преподнести эвенкам (желая «что-то сделать с тем», что эвенки «до сих пор» живут в чумах, выделяя для их хозяйств комбикорм или обеспечивая инфраструктурное благополучие), Скорин-Чайков пишет о том, что теория дара оказывается полезной для анализа патерналистских форм управления, в которых дарение неотрывно от обретения контроля над людьми и

территорией (*Ibid.*: 96). Социальная политика, осмысляющаяся ее творцами как «помощь» эвенкам, на деле — дар, но не московский, а гоббсианский. Он подразумевает одностороннее навязывание суверенитета и представляет собой форму захвата (*Ibid.*: 101). Гоббсианский дар предполагает наличие иерархии, он преподносится сверху-вниз и «исходит из свободной воли дарителя, который не связан обязательством давать», поэтому благодарность получателя этого дара сопряжена с зависимостью; это обязательство, а не свобода (*Ibid.*: 104).

Моя мысль состоит в том, что сельские управленцы регулярно и настойчиво пытались преподнести жителям подвластных им поселений гоббсианский дар современного российского государства, воплощенный во множестве государственных программ поддержки, различных субсидиях и льготах и обязывающий, как кажется из многочисленных комментариев управленцев, жителей к благодарности государству⁴⁵ за его щедрость (см. следующий раздел). С другой стороны, сами сельские управленцы могли, делая упор на свой статус проводников государственных благ, и прямо призывать жителей к горизонтально устроенным реципрокным отношениям взаимопомощи. Преподнося жителям гоббсианский дар (от государства гражданину), они воспринимали свои собственные действия как *дар московский* (от односельчанина односельчанину) — продиктованный взаимными обязательствами, требующий быть принятим и быть возмешенным и поддерживающий солидарность между дарителем и получателем (Мосс 2014: 152–155). К примеру, главы поселений обещали депутатам, что будут добиваться открытия клуба, установки нового ФАП-а, разрешения личного конфликта, или попросту подвозили кого-то на служебной машине в город, в обмен получая призрачную надежду на высокие показатели явки на выборах. «Ну, у нас же в деревне все всех знают, — объясняла Анна новому специалисту по социальной работе Ренате, живущей в соседнем Приваловском поселении, когда она во время разговоров о выборах спросила, откуда берутся высокие показатели явки, если никто из ее приваловских знакомых на выборы не ходит. — Как мой сосед не пойдет, если я ему скажу: “Сосед, *б твою мать, ты почему не выборы не пришел?” Как Ксюшин не пойдет? У депутатов у каждого актив пять человек, за которых они ответственны». «Такая как сеть получается», — подхватила Ксюша.

⁴⁵ Под «государством» здесь и далее понимается «как абстрактная структура макроуровня, так и конкретный набор институтов микроуровня», с которыми взаимодействуют граждане (Auyero 2012: 6). При этом важно, что разговор о «государстве» не предписывает внутреннее единобразие всей системе власти, но, напротив, предполагает переплетение в ней внутренне противоречивых логик действия (см., например, Anjaria, Rao 2014: 410). В данном значении слово «государство» — совокупность институтов политической власти и действующий политический режим, и в то же время, конкретные государственные и муниципальные ведомства, учреждения и департаменты с их служащими — часто возникало в речи самих героев этого исследования.

В логике управленцев, если жители, особенно при их содействии получали помощь от государства, они обязаны были приходить на выборы. «Как деньги получать от государства, они каждый час ждут их, а что касаемо выборов: “А в чем смысл?”», — злилась отвечавшая в 2023 г. за лотерею в день выборов Жанна после того, как она позвонила одной «неблагополучной» женщине с вопросом, почему она не пришла, и та ответила, что «не видит в этом смысла». Участие в выборах при этом всегда воспринималось местными управленцами не только как гражданский долг и необходимая благодарность в ответ на гоббсианский дар, но и дань уважения лично им. Этот подтекст считывался и жителями. К примеру, Павловская заведующая ФАП-ом Таисия Николаевна упомянула в интервью, что согласилась быть депутатом, потому что «кто-то же должен. Взаимовыручка вот такая. Раз положено им, девчонкам [сотрудницам администрации]. Так же и на голосование [выборы] идешь — чтобы была у них посещаемость. Я вот, например, считаю, что от моего голоса ничего не зависит, но прихожу. Идешь навстречу. В городе могут не учитывать. А здесь скажут: “Вот она там сидит, даже прийти не может”».

В книге о политических предпосылках недоверия друг другу жителей одной румынской деревни Раду Умбреш так описывает региональную встречу членов республиканской партии: «На сцене с музыкой и фейерверками представили каждого кандидата в депутаты, а затем тех, кому они помогли: сироте дали работу, бизнесмену — юридическую консультацию, пожилой женщине помогли получить медицинскую страховку. Каждый пример свидетельствовал о частной филантропии, а не о политике или идеологии, был отображением моральной персонализации (*moral personalization*), связывающей политиков с гражданами» (Umbreş 2022: 141). Распределение государственных благ сельскими чиновниками в исследуемых мной поселениях тоже персонализировано, и для каждого человека, которому они помогали получить дар государства или который слышал об этой помощи, местные управленцы становились не просто безотказными, но и великодушными «дарителями», предлагающими помочь заранее, пока не прозвучала просьба. Эта инициативность сельских управленцев, на мой взгляд, является превосходной степенью безотказности, одной из важных оснований их авторитета среди односельчан. Преподнося гоббсианский дар, сельские бюрократы не рассчитывали обрести контроль над жителями (при этом рассчитывали, что те станут подконтрольными государству — будут приходить на выборы и отдавать свой голос за поддерживающих существующую политику кандидатов), но ожидали, что их действия будут восприняты как великодушие, требующее благодарности, а значит «понимания» (см. Глава 3).

Так или иначе, в представлениях как управленцев, так и самых разных жителей поселений существует связь между инициированием чиновниками помощи (и ее отрицательной степенью — отказами помогать или помочью только «своим», вспомним разговоры о павловской «команде» управленцев как о «мафии, у которой всё схвачено») и между уважением к сельским управленцам и ощущением, что наличие сельской администрации в поселении необходимо. Самостоятельно вовлекая жителей в государственные программы, инициируя помощь и настойчиво предлагая ее, имеющие мало ресурсов, которые можно распределить, сельские бюрократы, как это вижу я, должны быть самыми безотказными жителями поселений, чтобы иметь шанс, что их голос — не приказ господина, но просьба великодушного односельчанина — будет услышан. В следующем разделе рассмотрим, какими коннотациями и почему наделяют сельскую и государственную помощь сельские бюрократы исследуемых поселений.

Гастрономические идеологемы в дискурсе о государстве

Одной из неразрешимых проблем большевских бюрократов был переезд «неблагополучного» Кольцова из непригодного для жизни дома в благоустроенное муниципальное жилье в другом поселении. Проблема была в том, что этот переезд никак не мог состояться. Кольцов, семидесятисемилетний слабый здоровьем и давно пьющий мужчина, за глаза называемый управленцами «бичом», жил в старом деревянном доме, где не было света, газа, воды, некоторых стекол в окнах и даже полов, потому что Кольцов (кажется, получивший этот пустующий дом методом самозахвата) разобрал их на дрова. Однако, несмотря на все инфраструктурные трудности и уверения местных чиновниц, переезду из Большого, казалось бы, в очевидно лучшие условия Кольцов противился. В Большом он родился и прожил всю жизнь, но что более важно, его связывали дружеские отношения с соседями через дорогу. Соседка Кольцова Евгения и ее муж несколько лет поддерживали с Кользовым отношения, привозили ему продукты, разрешали брать воду на их участке, при необходимости отвозили его в город — в общем, всячески ему помогали. Кроме того, у мужчины сложились теплые отношения с соседской дочерью, с которой он нянчился в ее раннем детстве и сидел с ней во время отъездов родителей, и тем отплачивал соседям за их помощь.

Когда я впервые увидела Кольцова — худого, в сильно поношенной одежде, опирающегося при ходьбе на трость — и узнала о его отношениях с соседями, я поделилась с большевскими чиновницами, что мне его жаль и что разлучать его с соседями, несмотря на возможность переехать в лучшие условия, неправильно. Тогда мне казалось, что поведение Евгении и ее мужа образцовое с точки зрения соседской

самостоятельной взаимопомощи и должно одобряться управленцами. Однако служащие администрации не только не испытывали жалости к Кольцову, но и осуждали помогавшую ему Евгению.

В тот год несколько раз из окна Анниного дома мы наблюдали за бродячей лайкой, которая прибегала к соседскому дому. «Зачем ты ее прикармливаешь? Если ты ее только забрать хочешь — конечно. А если нет, зачем?» — сетовала глава, глядя в окно. Я вспомнила это рассуждение позже, когда Анна говорила о Кольцове. «Подкармливают его как собаку — булку хлеба дадут. А что вы сделали, чтобы ему действительно нормально жилось? Не подкармливали бы, он бы уже давно согласился переехать», — злилась глава после моих слов о жалости к Кольцову. Как было упомянуто выше, во входящем в поселение селе Заречной была проблема с бездомными собаками, сбивающимися в стаи, и Анна сопоставила эти две проблемы: «Как собачню эту в Заречной. Одни кричат уберите, а другие подкармливают. Потом кричат, уберите этих собак. Не надо их подкармливать. Мне таких не жалко». Метафора подкармливания и дегуманизирующий образ «неблагополучного» односельчанина как «бездомной собаки» заставили меня задуматься о стоящей за ними концепции управления и о том месте, которое в ней отводится соседской взаимопомощи.

Почему «подкармливать» неблагополучного соседа, с точки зрения Анны, плохо? Как кажется, потому что такая помощь видится управленцам недостаточной: хоть и получая, по словам Анны, свою «булку хлеба» Кольцов как бы остается «бездомным», вне должной государственной заботы. Напротив, жизнь на подведомственных территориях, с точки зрения управленцев, должна быть «одомашнена». В случае Кольцова идеальным для бюрократов раскладом было бы его переселение в муниципальное благоустроенное жилье или даже в дом престарелых, где его жизнь была бы в меньшей опасности, не учитывая мнение самого мужчины: «Его просто брать за шкварник и вывозить как того кота, и всё, и двери закрывать, чтоб он привык», — заключила Анна. При этом, на мой взгляд, это «одомашнивание» нужно не столько ради самого Кольцова, сколько ради безопасности управленцев.

Как-то по пути на работу специалист Ксюша встретила Кольцова, который шел в то же здание в библиотеку, и пригласила его зайти. Когда мужчина пришел, служащие попытались в очередной раз уговорить его переехать. После Анна попросила его поговорить со мной как с исследовательницей, и уговорить мужчину переехать уже попыталась я. Мой аргумент основывался на том, что в другом доме точно не будет хуже, а здесь холодной сибирской зимой он может замерзнуть. Кольцов был стоек и ответил мне обреченно: «Замерзну и замерзну». Позже этот ответ в моем пересказе возмутил Ксюшу

— «он замерзнет, а кого-то потом посадят». Один из самых больших страхов сельских управленцев обоих поселений — это морозы и смерть кого-то из «неблагополучных» односельчан от переохлаждения, в которой, весьма вероятно, виноватыми могут быть признаны бюрократы как ответственные за всё социальное пространство поселений. Вспомню процитированные ранее слова Иры: «Не дай Бог что с бабулькой, не дай Бог замерзнет, кто бы отвечал — глава да я, наш контингент».

История о бессмысленном подкармливании известна мне и в Павлове. Местная специалист по социальной работе Ира рассказывала мне, как увозила Толика, местного жителя с ментальными нарушениями, «в дурку». Она говорила, что подыгрывала его бреду и в ответ на адресуемые всем подряд предложения пожениться сама звала его в ЗАГС. «Ну надо же его как-то убедить. У него тоже домишко, вот как кухня моя [т.е. маленький], окна вот насквозь просвечивали, дров нет, печка вот такая вот вся [разваленная], газа нет, света нет. Куда его на зиму оставлять? Он замерзнет». Толик, по словам Иры, постоянно просил еду у односельчан, но и получая ее, оставался голодным. В частности, он несколько раз в день ходил в магазин, где продавщица уже давала ему хлеб, но Толик отрицал это и просил о еде вновь. Как-то раз Ира решила выяснить, в чем дело, и, по ее словам, обнаружила дома у Толика под матрасом целую груду хлеба: «Представляешь, и всё он голодный. <...> Ладно сейчас хоть в дурке».

Так, если соседи только «подкармливают», не утоляя голод по-настоящему, то как следует «кормит» государство. Горизонтально устроенная соседская взаимопомощь оставляет жизнь «неблагополучного» неподконтрольной никому и поэтому опасной для управленцев. Развивая метафору Анны, полноценную и постоянную пищу, т.е. не только буквально еду, но и всю необходимую инфраструктуру для безопасной и комфортной, с точки зрения чиновниц, жизни, Кольцов, как и Толик мог бы получить от государства, что стремились обеспечить служащие обоих поселений.

Государство, как не раз отмечали мои собеседницы, в принципе делает жизнь граждан сытой⁴⁶. Этот тезис лежит в основе популярной среди сельских чиновниц идеологемы. В качестве главного показателя социального благополучия и достоинства правящей партии местные бюрократы часто упоминали изобилие продуктов (и других товаров) в магазинах, которое обеспечивает сытость и даже пресыщение: «Раньше в магазинах ничего не было — а теперь зажрались: есть всё. А раньше авокадо, киви было неизвестно что. Конфет таких не видели!» — за традиционным утренним чаепитием рассуждала Надежда в кругу коллег, возмущаясь, что кто-то из жителей жалуется на

---

⁴⁶ Об идее государства, которое «кормит» см. также, например, (Скорин-Чайков 2024: 8).

подарки на очередных выборах (в основном пластмассовые контейнеры, тазики и крышки для закатывания банок) и высказывает претензии по поводу уровня жизни.

В качестве (воображаемого) контрапардумента недовольным актуальной политикой жителям управленцы, с которыми я работала, не раз говорили что-то в духе «А че плохо, вот вы мне скажите? Жалуемся-жалуемся… денег нам сколько не давай — нам всегда мало. Вот слава Богу мы не голодаем», — или рисовали внушающие ужас образы советского дефицита или «голодных» 1990-х гг. «У нас смена власти не проходит спокойно. Боялись в 1990-е выйти на улицу. Ничего не было. Сейчас в магазин заходишь, деньги есть, не знаешь, что взять, потому что уже всё перепробовал», — накануне выборов рассуждала Анна в телефонном разговоре с Демидовой, главой местного предприятия и экс-депутатом Районной Думы: женщины словно убеждали друг друга в правильности будущего исхода голосования.

«Продовольственная безопасность» — одна из популярных государственных идеологем в дискурсе современных российских чиновников (Басалаева 2017). Идея о том, что «государство кормит» — часть здравого смысла сельских управленцев (и, наверное, гораздо шире), и за собственную сытость, с точки зрения героинь этого исследования, люди должны быть благодарны власти и голосовать на выборах за конкретных кандидатов. «Наш президент хочет, чтобы мы хорошо жили. Ну а кто?» — говорила мне, распалившись, Надежда, как бы полемизируя с недовольными односельчанами. — Ну если бы вы плохо жили, вы бы в очереди за работой стояли. Значит, всё хорошо… У каждого машина во дворе, норковая шуба… всё че-то мы недовольны». Так, «сытость» — и буквальная, как отсутствие голода, и в общем смысле, как насыщенность социальной среды инфраструктурными и материальными благами, — позиционируется сельскими управленцами как обоснование легитимности действующей власти.

При этом, согласно моей гипотезе, взгляд управленцев на устройство государства предполагает, что за дары государства нужно быть благодарными, можно их просить через управленцев, но нельзя их требовать⁴⁷. «Она считает, что все ей должны», — говорят управленцы о Наталье Воробьевой, которая активно добивается разных благ для себя и своего сына-инвалида и пишет жалобы на все уровни власти, вплоть до президента. «Ей / ему все должны» — это основной пейоратив, который используют муниципальные

⁴⁷ Разница между «просьбой» и «требованием», на мой взгляд, заключается в соблюдении управленческой иерархии (в сравнении с управлением в обход, см. Глава 5) и в корректном модусе коммуникации между представителем государства и гражданином как между «дарителем» и «просителем», а не между «поставщиком услуг» и «получателем». Эта грань улавливается, как кажется, и некоторыми жителями. Показательным мне, кажется, например, то, что, рассказывая про сельский сход, на который приезжают чиновники более высокого уровня, большевская пенсионерка Зинаида Евгеньевна подчеркнула и поправила меня, что там «активные» жители поселения не озвучивают «жалобы», но поднимают «проблемы и вопросы».

служащие обоих поселений в отношении требовательных к государству и недовольных его политикой односельчан, при этом не принимающих самостоятельного участия в управлении. Одним словом их можно назвать «потребителями»: «Есть люди потребители, которые не хотят делать праздник, а хотят, чтобы просто у них он был, и ещё не хотят платить», — рассказывала руководитель большовского дома культуры. Получая доступ к государственным и сельским благам при посредничестве управленцев сельского уровня или в обход них — праздничные мероприятия, пособия, зарплаты в бюджетных организациях, пенсии и в целом сытость, некоторые люди, тем не менее, не испытывают к государству благодарности и воспринимают его как своего должника.

Кто кому и что должен или не должен — рассуждения на эту тему нередко возникали в беседах управленцев. Ранее я писала о том, что дары современного государства выступают в системе взглядов управленцев гоббсианским даром, который ввергает получателей в отношения зависимости и подчинения государству. Однако, чтобы понять корень напряжения между разными ожиданиями от государства, стоит подробнее остановиться на концепции Томаса Гоббса.

Как известно, Гоббс выделяет два вида перенесения прав, в результате которого образуется политическое тело Левиафана, а именно *дар* и *договор*. Дар предполагает невзаимное перенесение права, при котором право заслуживать благо обусловлено добной волей дающего. Договор же, напротив, подразумевает, что благо гарантировано обязательствами другой стороны и по праву причитается получателю (Гоббс 2022: 129–131). Мое предположение состоит в том, что «сытость», с точки зрения сельских управленцев, можно рассматривать как дар, исходящий из свободной воли дарителя, не связанного обязательством давать, и поэтому этот дар предполагает обязательную благодарность, а отказ от него неправомерен и порицаем. Из этого следует, что сельские управленцы не воспринимают государство как патерналистское — обязанное заботиться о своих гражданах априори. Напротив, ожидание патернализма сельские бюрократы осуждают. Требовательное отношение к исходящим от государства благам связано со вторым видом перенесения прав — с договором, когда не только граждане должны государству, но и государство им.

Как замечает Джереми Моррис, доминирующий в современной России дискурс предполагает, что субъекты подчинены логике социального дарвинизма и рыночной конкуренции на фоне «безразличного» государства (Morris 2025: 16). В качестве иллюстрации антрополог приводит публичный комментарий одного чиновника (на мой взгляд, показательно, что подобные идеи закреплены именно за бюрократами), который сказал на встрече с молодежью: «[Г]осударство вам ничего не должно... государство не

просило вашу мать рожать... это ваша жизнь, вы должны делать ее сами» (Morris 2025: 16). Героини моего исследования так же опираются на идею индивидуальной ответственности⁴⁸, когда говорят, например, о «вечно недовольной» матери ребенка с инвалидностью: «Это ее был выбор оставить ребенка, зачем это сейчас постоянно подчеркивать? Она считает, что все ей должны».

Согласно Моррису, подобная неолиберальная логика в концепции государства парадоксальным образом сосуществует с ожиданиями⁴⁹ граждан патерналистской (родительской) заботы (как, к примеру, в социалистическом прошлом) и с их претензиями по поводу «безразличности» государства (*Ibid.*: 18–19, 119). По мнению Морриса, в этой диалектике атомизации и коммунитаризма, в странном сосуществовании противоречащих друг другу представлений об обязательствах государства можно найти «призрачные руки» прежнего колlettivistского устройства общества в изменившихся условиях «капиталистического реализма» (*Ibid.*: 73). Несмотря на популярное мнение о том, что россияне отчуждены друг от друга, в реальности они остаются «советизированными» посредством социализации внутри семьи и политических институтов и «стремятся к общности»: «Усвоение состязательных неолиберальных ценностей сдерживается тонкими попытками восстановить ценности родства» (*Ibid.*: 18).

Выстраиваемая Моррисом объяснительная схема не беспроблемна. Кажется, что утверждать о социалистических афтершоках, ощущаемых жителями современной России, — слишком простой ход (если не клише) исследований «постсоветской» России. Сколько времени должно еще пройти, чтобы перестать видеть в политическом устройстве России «призраки» СССР и тем самым подспудно определять его как *постсоциалистическое* (см. Müller 2019)? Насколько правомерно говорить о тоске по социализму применительно к людям, рожденным в 1990-е и 2000-е годы? Тем не менее описываемую Моррисом диалектику замечаю и я в своем исследовании. Она кажется мне важной точкой напряжения в понимании долга и ожидаемых отношений между гражданином и государством. Однако поскольку в своей работе я концентрируюсь на синхронном, а не диахронном анализе сельского управления, я предлагаю оставить разговор об исторических предпосылках этого противоречия за скобками, но подробнее проанализировать его влияние на наблюданную практику.

⁴⁸ Возможно, корни подобной логики размышлений можно найти в перестроенных реформах, нацеленных, как показывает Ксения Черкаев, цитируя экономиста Леонида Абалкина, на пробуждение у всех граждан страны внутренне присущего им «чувства хозяина» (Cherkaev 2023: 118).

⁴⁹ Популярный тезис (пост)советских исследований состоит в том, что в социалистическом обществе ответственность за благополучие была возложена не на индивида, а на патерналистское, буквально «заботящееся» о нем государство (см. Богданова 2005). В результате появляется «инвалидизирующая, морально ослабляющая зависимость общества от государства» — «чрезмерный патернализм подрывает стремление общества к партиципации и саморегулированию» (Кук 2021: 73).

Если антагонистами в системе взглядов сельских управленцев на государство выступают «потребители», то протагонистами могут быть названы, говоря словами героинь моего исследования, «нормальные», «ответственные люди», т.е. те, кто благодарны за сытость, лояльны чиновникам, не предъявляют лишних требований или предъявляя их, соучаствуют в управлении — «делают что-то для того места, где живут» (о подобном соучастии см., например, Фадеева 2019). Казалось бы, под данное определение попадает и «подкармливание». Почему оно осуждается бюрократами?

Дело в том, что «подкармливание» представляет собой пример конкурирующей дарообменной логики. Такая низовая реципрокность в духе соседской взаимопомощи между Кольцовыми и соседями или Толиком и продавщицей в описанных ситуациях вступает в конфликт с идеей гоббсианского дара. Во-первых, Кольцов отверг государственное благо, не переселившись в муниципальное жилье, что противоречит порядку гоббсианского дарообмена. Во-вторых, из этого дарообмена оказались исключены сельские управленцы, которые потеряли возможность рассчитывать на возможный отдарок себе (т.е. на то, что их просьбе будут внимать). В-третьих, оба «подкармливаемых» в Большом и Павлове мужчины в принципе оказались дистанцированными от государственного контроля, не полностью «одомашненными» государственными институтами соцзащиты и тем самым, опять же, поставили под удар «всегда крайних» местных бюрократов. Проблемы бы не было, если бы Кольцова забрала к себе домой Евгения, но в интервью эту перспективу она отвергла, т.к. не была готова ухаживать за пожилым человеком. Каждую зимнюю ночь «неблагополучный» Кольцов (больной и неизвестно, сытый или голодный, трезвый или пьяный) проводил в своем холодном и темном доме, его жизнь подвергалась опасности. Именно поэтому, на мой взгляд, соседская помощь, делающая возможной продолжение «дикой жизни», и осуждалась управленцами в этом случае. В других ситуациях она, напротив, могла эксплуатироваться структурой сельского управления — например, когда соседа нужно было убедить, опираясь на нормы горизонтальных отношений, прийти на выборы или когда нужно было найти кого-то, кто поможет сделать что-то бесплатно (например, перевезти что-то тяжелое или покосить траву), т.к. бюджет сельского поселения дефицитен.

Таким образом, в дискурсе управленцев встречаются четыре гастрономические идеологемы, которые, на мой взгляд, связаны с их видением управления и государства. Это «голод» во время уже нелегитимного государственного строя прошлого или свойство иного хронотопа, «подкармливание» в рамках соседской взаимопомощи; «сытость» как свидетельство социального благополучия и успешной государственной политики времен

президенства Владимира Путина; «потребление» и «пресыщение» («зажрались») — осуждаемые сельскими управленцами требовательность и неблагодарность в ответ на все дары государства. Данная разработанная мной конструкция дает возможность увидеть, какое отношение жителей к управлению поощряется сельскими бюрократами, и шире — какими, с их точки зрения, должны быть идеальные граждане: люди благодарные, а значит в общем и целом лояльные действующей власти и ее представителям; нетребовательные по отношению к местным управленцам и громко и публично не указывающие на существующие проблемы, если это не спланированная вместе с управленцами акция, которая должна воздействовать на более высокий уровень власти.

В противном случае, требовательность, проявляющаяся, к примеру, в таких распространенных жанрах, как письма президенту или жалобы в районные органы управления (важно: это действия, нарушающие ожидаемую иерархию и желаемый «свойский» тон коммуникации), несет за собой обременительную и нередко бессмысленную работу для сельских управленцев. К тому же такие жалобы часто воспринимаются как обвинения в собственной плохой работе. Всё это указывает на позицию самих низовых чиновников, находящихся в единой системе публичной власти в роли подчиненных, которым нужна помощь от населения и которые уязвимы для обвинений за различные происшествия на «своей территории». Передавая от государства гоббсианские дары, сельские бюрократы рассчитывают вступить с жителями в московский дарообмен: граждане должны быть безусловно благодарны государству и вместе с тем должны возмещать полученные дары медиаторам во взаимодействии с ним, сельским управленцам.

Представление о государстве как о необремененном дарителе, а не равном партнере по договору, т.е. об акторе, наделенном собственной волей и не связанном строгими обязательствами давать, на мой взгляд, может быть отражением такой черты современного политического устройства России как персонализм⁵⁰, парадоксальным образом сосуществующий с растущей цифровизацией и анонимизацией взаимодействия с государственной бюрократией. Персоналистский характер политического устройства, т.е. признание преобладающей роли в политике за волей лидера или отдельных влиятельных личностей (а не государственной системы как сложно устроенного целого), можно назвать распространенным тезисом политологических и социологических работ и публикаций в

---

⁵⁰ Безусловно, персонализм не является чертой исключительно современного устройства России. К примеру, о «гоббсианском» устройстве общества (сводимого к сумме воли членов) позднего СССР пишет Николай Скорин-Чайков, вспоминая эвенкийский анекдот, отождествляющий «колхоз» с его директором (Ssorin-Chaikov 2003: 11). С другой стороны, персонализм может быть признан чертой традиционного или харизматического господства, признаки которых можно найти во множестве исторических примеров. Исторический анализ этого явления не входит в задачи моей работы и требует отдельного исследования.

СМИ о современной России (см., например, Gel'man 2015: 96, 127; Baturo, Elkink 2021 и мн.др.). Однако для наглядности в рамках своего исследования я предлагаю остановиться на одном антропологическом исследовании, на примере которого можно увидеть, как в конкретной практике российской бюрократии высшего уровня проявляется персонализм.

Анализируя письменные резолюции, которые оставляли лидеры Российской Федерации на поступающих в их кабинеты документах, Константин Гаазе обратил внимание, что они делаются поверх печатного текста и содержат указания на эмоциональную реакцию суверена, которую должны по надписи реконструировать подчиненные ему чиновники (Гаазе 2016). Эти детали, утверждает автор статьи, могут быть названы специфически российскими и по-своему анти-бюрократическими, в веберовском понимании модерной бюрократии: «Текст, написанный от руки, наносится поверх другого текста, превращая оригинальный текст в нечто иное по природе. Это акт насилия, но прежде всего акт трансгрессии, т.е. выхода за рамки установленных бюро правил: рукописный текст “бьет” силу бланка, отметок, штампов и печатных знаков. Форма резолюции произвольна <...> эта произвольность <...> ставит волю наносящего резолюцию выше формальных правил бюро» (Там же: 122).

Так, изучая внутренние документы высших эшелонов российской бюрократии, можно увидеть, что на высоком уровне власти произвольное решение конкретной личности преобладает над формальным содержанием; воля личности превыше бюрократической рациональности. В фокусе моего исследования, напротив, нижний уровень власти. Однако и здесь заметны следы персонализма российской системы государственного управления, которые просматриваются в разговорах сельских управленцев о «сытости». Сельские бюрократы не имеют дела с письменными резолюциями, но ощущают ту же волю личности (или точнее нескольких влиятельных личностей), которая превыше бюрократических правил и договоров. Как я надеялась показать, «сытость», с точки зрения сельских управленцев, — не само собой разумеющееся условие, которое должны обеспечивать государственные структуры, но дар, за который граждане должны быть настолько благодарны, чтобы не предъявлять к государству требования и претензии. Отчетливее персоналистский подтекст можно заметить в другой части речи сельских управленцев и сельчан — а именно, в рассказах жителей обоих поселений о том, как там появлялись те или иные объекты инфраструктуры.

Политические послания сельской инфраструктуры

Когда о том, что значит быть авторитетом в селе, размышляла Вера Владимировна, председатель Сельской Думы в Большом, среди прочего («кто помогает, когда к тебе обращаются»; «люди уважают, он считается с мнением людей») она сделала интересное замечание: «В центре села должен быть, вокруг него должно все вариться». Следовательно, конструкция сельского авторитета предполагает не только знание, внимательность, и безотказность. Во всех этих проявлениях человек должен быть заметен среди других. Рассмотренная нами настойчивая, самостоятельно инициируемая помощь сельских управленцев — это один из способов стать заметными в своей управленческой деятельности. Другим проявлением этой заметности, на мой взгляд, служат инфраструктурные преобразования.

Когда мои знакомые из района узнавали, что я еду в Павлово, они удивлялись, зачем я еду «вообще в глушь», и спрашивали, есть ли «хотя бы свет» в этом «медвежьем углу». При этом, вопреки замечанию Кэролайн Хамфри о том, что удаленность — это прежде всего категория, присваиваемая месту извне, и «маловероятно, что <сами жители <удаленных мест>> назовут свое место проживания *глушью*» (Хамфри 2014: 10), в первый мой день в селе водитель Тимур так же удивлялся: «Занесло же тебя в такую глушь», и Ира вторила его словам: «У нас здесь вообще глушняк». Однако несмотря на эту репутацию и самопрезентацию, в инфраструктурном плане Павлово оказалось весьма благополучным и даже выгодно смотрящимся на фоне других сел района. Практически во всех домах здесь был проведен водопровод и сделаны газовые котлы и горелки, столбы электросетей обеспечивали жителей электричеством, а в самом центре гордо возвеличивалась вышка, поставляющая бесперебойный сотовую связь и мобильный интернет. На той же центральной улице располагался новый яркий оранжево-белый модульный ФАП, оснащенный необходимым оборудованием, напротив него второй этаж здания бывшего детского сада занимали еще пахнувшие свежим ремонтом клуб и библиотека, а внизу ждали своих редких посетителей новые тренажерные залы. Единственным инфраструктурным недостатком — не критичным, но негативно влияющим на образ поселения — можно было назвать разве что дорогу из бетонных плит или щебенку на некоторых уличках.

Напротив, Большое — процветающее и не считающееся «глубинкой» село, — в инфраструктурном плане неожиданно было менее совершенным. Дороги здесь были хорошо асфальтированы, однако из-за того, что село находилось в низине («в яме»), со связью и интернетом здесь были постоянные перебои, и ни одна компания, предоставляющая телекоммуникационные услуги, не хотела заниматься этой проблемой.

Газифицированы в Большом вплоть до 2023 г. тоже были не все дома, местная школа нуждалась в серьезном ремонте, как и здание клуба-администрации-библиотеки (напомню, что у администрации здесь не было собственного здания), в Заречной был закрыт клуб и не было водопровода (только водоразборная станция с чистой питьевой водой).

Жители Большого жаловались на перечисленные инфраструктурные недостатки. Жители Павлово, напротив, переживали по поводу будущего села и его обреченности на «вымирание», но переключались на позитивный презентизм. «Так-то по идее, вот смотри, мы вот отдаленный населенный пункт. У нас есть интернет, у нас есть у каждого почти... вода дома. Газ у нас есть. Мы по идее-то вообще неплохо живем», — рассуждала заведовавшая в то время местными клубом и библиотекой Виктория. Инфраструктурное благополучие служило для павловчан важным символическим якорем, сдерживающим тревоги по поводу будущего за счет гарантированно хороших условий жизни в настоящем.

Популярный тезис исследований инфраструктуры гласит, что инфраструктура содержит в себе идею обещания и позволяет артикулировать социальные (политические и экономические) отношения, а опыт взаимодействия с ней формирует отношения между государством и гражданами или вынуждает вычитывать в этом опыте прототип подобных отношений (см., например, von Schnitzler 2008; Collier 2011; Anand et al. 2018; Smith 2022). «Инфраструктурные разговоры» по поводу того, как в селе появлялись объекты инфраструктуры, составляли важную часть моих бесед с сельскими жителями, во многом по моей инициативе, и в этом разделе я попытаюсь конкретизировать, представления о какой именно власти в них возникали.

Эти «инфраструктурные разговоры» можно разделить на три группы: 1) инфраструктура как продукт государственных (федеральных, региональных, районных) программ; 2) инфраструктура, которую «выхлопотала» глава как «хозяйка территории»; 3) инфраструктура как результат действий «активных» жителей и содействия им какого-то влиятельного лица (депутата Районной, Областной Думы, кого-то «из Москвы» и пр.).

Первое политическое послание инфраструктуры как продукта государственных программ часто (но не исключительно) считывали сами управленцы — главы поселений, председатели Совета ветеранов, сотрудники ФАП-ов, тем самым, как кажется, указывая на свое эксклюзивное знание внутренней кухни бюрократии:

1.1. Павлово, глава поселения Надежда.

[А. З.: Когда появилась здесь вышка?] В 2011 году, это я уже работала главой. Тоже чисто случайно, у них, видимо, какая-то программа у «МТС» была, они приехали сюда: «Мы хотели бы поставить у вас сотовую связь». <...> [А. З.: А в

Ильинке тоже кто-то предложил и сделали свою вышку?] Нет, люди жаловались, мы писали заявки в район, и потом мы попали под программу президента, под федеральную программу.

1.2. Большое, пенсионерка, председатель волонтерской организации Зинаида Евгеньевна.

[А. З.: Что было с инфраструктурой, когда вы приехали в Большое?] Раньше в домах воды не было, газа. Газ появился в 2007 году, была государственная программа, проводили бесплатно. Воду за свой счет проводили. Муж инвалид — можно было по программе, но там долго и надо доплачивать, сделали сами.

1.3. Большое, крупный в районе предприниматель Игорь.

Власть сама по себе живет — отрешенно. Власть — это район. Никто не смотрит, что нужно селу. <...> В селе чтобы что-то развивалось, администрация района, области должна развивать эту территорию.

Как показывает последняя цитата, видение инфраструктурных преобразований как продукта деятельности вышестоящих властных структур может быть сопряжено с осознанием бессилия служащих сельской администрации ввиду отсутствия у них автономии и достаточных материальных и административных ресурсов: «Своими силами ничего не можем сделать — все упирается в деньги. Администрация что может? <...> Тогда [в советское время] проще было — финансы были здесь, а щас район заведует этими всеми. Сам хозяин, распоряжается всем. Глазами сделал бы все, а упирается в финансы», — объясняла мне, к примеру, глава первичной ветеранской организации в Большом Тамара Александровна.

Второй политический подтекст инфраструктуры часто взаимосвязан с первым. Он предполагает осознание значимости государственной политики, однако здесь наиболее важная роль отводится главе поселения. Сами управленцы и другие жители нередко рассказывали, что тот или иной объект инфраструктуры появился благодаря тому, что «глава подсуетилась», и чтобы что-то появилось, «глава должна похлопотать». Этую логику можно видеть, например, у заведующей павловским ФАП-ом Таисии Николаевны, которая называла дорогу, телефонизацию, водоснабжение и газификацию села заслугой прошлой главы Валентины Демьяновны, «обивавшей пороги»:

2.1. Павлово, заведующая ФАП-ом Таисия Николаевна.

До этого, наверное, не проводили по деревням, но еще это (асфальт, телефонизированность, водоснабжение, газификация) заслуга главы. Если ты сидишь не шевелишься, пятым местом, то просидишь, потому что в соседнем районе в деревнях даже газопровод не протянули. В то время вот Валентина Демьяновна молодец, ходатайствовала.

Сама Валентина Демьяновна схожим образом рассказывала о своей работе как о постоянных попытках «добиться» для села инфраструктурных улучшений:

2.2. Павлово, экс-глава Валентина Демьяновна.

Раньше работы много было. Как раз газификация была, вода, дорог не было, добивались, субсидии всякие для людей выбивали, предлагали, чтобы бесплатно что-то это <...> вот дорогу, в переулке не было у нас — дороги вообще не было, и вот ходили все они [жители] просили, и вот я в администрацию района все обращалась-обращалась. Ну и потом сделали. <...> я ездила в районную администрацию, чтобы выехали посмотрели, какая тут грязь, что не пройти да... Ну и потом мне, у нас был замглавы района — он так и сказал: «Ну ты вырвела эту дорогу». Вот. [Смеется.] Я все стонала ходила.

Любопытно, что и следующая глава Павлово, которая говорила о важности государственных программ в вопросах усовершенствовании инфраструктуры, отмечала также и собственную роль в инфраструктурных преобразованиях. Этих преобразований в конечном итоге «добилась» сельская администрация, служащие которой настойчиво подавали заявки на разные государственные программы:

2.3. Павлово, глава поселения Надежда.

Постоянно на встречах люди жаловались в Ильинке: «Нет сотовой связи, дети учатся — надо делать уроки». <...> А потом все-таки добились мы. Ну, слава Богу. Потом ФАП у них был закрыт. Тоже по федеральной программе открыли. [А. З.: Тоже Вы подали заявку?] Да. По просьбе людей, и сами мы писали письма, и все, и потом мы попали в федеральную программу.

Так, во второй группе «инфраструктурных разговоров» можно заметить представление о том, что инфраструктурное благополучие в первую очередь связано с настойчивостью главы поселения. Эта идея о настойчивом человеке, который всеми правдами и неправдами «добивается» лучшей жизни для жителей поселения⁵¹, на мой взгляд, вытекает из представления о главе как о «хозяйке⁵² территории».

О концепции города как хозяйства, хозяин которого должен отвечать за социальную и коммунальную сферу, пишет Стивен Колльер, анализируя советскую систему управления (Collier 2011). Изучая систему сельского управления в постсоветское время, Дуглас Роджерс так же отмечает, что неотъемлемый его элемент — «быть хозяином», однако, как было сказано ранее (см. Глава 2), Роджерс называет хозяевами только глав предприятий (Rogers 2006: 917). Действительно, павловчане, рассказывая о появлении инфраструктурных объектов, указывают и на совхоз. Например, все говорят о том, что бетонная дорога здесь появилась благодаря «Северу», т.е. базирующейся в соседнем северном регионе (нефтедобывающей или газодобывающей) компании, в конце 1980-х гг. купившей местное сельскохозяйственное предприятие, чтобы обеспечивать продуктами «северян» (или, по другой версии, «отмывать деньги»). Однако восприятие

⁵¹ О необходимости глав сельских поселений «выбивать» что-то и «пробиваться» см. также (Фадеева 2019).

⁵² См. также Глава 1, Глава 2.

главы поселения как «хозяйки» — все же более часто встречающийся мотив в «инфраструктурных разговорах». В Павлово это можно объяснить, например, тем, что сейчас в селе работающего предприятия нет и на статус «хозяина» больше никто не претендует. Тем не менее, несмотря на успешно функционирующее предприятие с харизматичной директором Демидовой, идея о главе, которая должна добиваться преобразований, актуальна и для Большого:

2.4. Большое, председатель Сельской Думы Вера Владимировна.

[А. З.: В Павлово инфраструктура производит впечатление, почему с Большим такая разница?] Не знаю, чем это объяснить. Что касается инфраструктуры — это такая проблема во всем, что касается Большого. Пищеблок [в школе и детском саду] ремонтируют — до этого возили в садик еду из [школы соседнего поселения]. Я ничего понять не могу. Везде [район] палки в колеса вставляют, когда дело касается инфраструктуры. Половина села без интернета, раздачи не хватает. Анна Артемовна взялась — глава занимается. А она только и может решать.

2.5. Большое, предприниматель Семен Константинович.

С Анной Артемовной задумали, готовили документы, чтобы дорогу сделать вдоль бетонки. С водой [на мельнице] решили, продукт [муку, хлеб] продвигает наш, когда общается с главами. Анна Артемовна сюда привозила телевидение. Главы с области приезжали с конференции — посещение агрофирмы и мельницы. Анна Артемовна подсуетилась — телевидение было. [А. З.: Зачем ей это надо?] Она поднимает престиж Большого. Агрофирма была монополистом, новое предприятие — престиж.

Таким образом, озвученная ранее идея о главе поселения как о хозяйке территории, ответственной за всех, важна для обоих поселений, где проходила моя работа. Как замечает Николай Скорин-Чайков, «идиома “выбивания” обещанных государством ресурсов <...> ярко отражает те почти физические усилия, требовавшиеся от совхозных чиновников в отношениях с другими ветвями государства. Приходит на ум аналогия с политической теорией Томаса Гоббса, у которого государственный порядок “порождается актом воли и постоянно возобновляемым актом воли же и поддерживается”» (Скорин-Чайков 2012: 163). На примере разговоров о сельской инфраструктуре хорошо заметно, что управление видится разным участникам местного управления не просто как часть общей государственной политики, но и как история подвигов и благодеяний конкретного человека — главы поселения.

В большовском чате жители села вплоть до апреля 2024 г. активно обсуждали, почему сельская администрация «ничего не делает» с проведением интернета, подразумевая, вероятно, что для решения этой проблемы должна «подсуетиться» глава. Когда дело касалось инфраструктурных поломок (перегоревших лампочек, перебоев с водой, светом), жители обоих поселений часто обращались именно в сельскую

администрацию, чем могли раздражать⁵³ сельских чиновников, не отвечающих за всю инфраструктуру самостоятельно, но вынужденных контактировать с поставщиками услуг. Более того, «потребители» даже могли быть недовольны тем, что сельская администрация не следила за их личным инфраструктурным благополучием, подспудно предполагая, вероятно, что сельские бюрократы должны быть ответственны буквально за всё. «В сельсовете сидят своими делами занимаются, на нас все равно. Инвалидность не получила, хотя сколько пыталась. Сломалась газовая горелка, дрова дорогие — не знаю, как переживу зиму. К Ире пойду материалку просить в январе», — жаловалась мне женщина, которую я встретила в павловском ФАП-е и с которой завязала беседу. О бедствии этой жительницы я, конечно, по возвращении домой рассказала Ире: «Не обращалась она к нам. Пусть обратится. Вот мы откуда узнаем, а? Мы ей уже материалку сделали, все что можно оказали. Она здесь не прописана, живет в доме, который остался от умершей бабушки [не родственницы]. Пусть идет работает. А то не работают — “поможите, поможите, все дайте”».

В третьей популярной группе инфраструктурных разговоров содержалась идея, противоположная той, согласно которой инфраструктурных преобразований добивалась именно глава. В Павлово, в Большом и особенно в Ильинке циркулировали разговоры о том, как инфраструктурные объекты появились благодаря настойчивости отдельных жителей, которые обратились за помощью к влиятельным лицам — чаще всего к депутату Областной Думы по фамилии Кох, известному в районе. Подобное политическое послание в инфраструктуре видели люди, как я могу заключить, ощащающие недоверие к местной власти: проживающие не в административном центре поселения и чувствующие неравенство в доступе к услугам. Например, в Ильинке и участницы хора, и бывшая депутат Сельской Думы, и председатель Совета ветеранов, и заведующая ФАП-ом — все говорили о том, что они сами или их знакомые добивались инфраструктурных преобразований самостоятельно (подробнее см. Глава 5).

Важно отметить, что два последних способа считывать политическое послание инфраструктуры отражали такую степень доверия и сочувствия жителей главе поселения, которая сложилась исходя из истории их взаимодействия с местной властью. Высокий

⁵³ По моему предположению, если в концепции государственного устройства общество сводится к сумме воли его членов, то инфраструктура — это не общее дело государства, за которое сельские бюрократы как его представители полностью ответственны. В условиях «капиталистического реализма» (Morris 2025) единого «государства» нет, внутри структуры управления есть множество агентов, подчас с конфликтующими интересами и логиками работы. Зоны компетенции раздроблены, и поддержание инфраструктуры входит в зону ответственности поставщиков услуг, а не служащих местной администрации. Поэтому, по логике героев этого исследования, адресовать претензии нужно не любым представителям государства, а конкретным ответственным за инфраструктуру организациям. Тем не менее, не обладая бюрократической грамотностью (см. Глава 5), жители исследуемых сел зачастую используют сельских управленицев как медиаторов во взаимодействии с другими инстанциями.

уровень доверия, лояльность действиям главы у одних людей закреплял за ней статус «хозяйки», настойчиво добивающейся инфраструктурных преобразований. Негативный опыт, напротив, оспаривал этот статус, признавая ведущую роль в преобразованиях за «активными» людьми, добивавшимися помощи с помощью более влиятельных лиц. Несмотря на кажущуюся противоположность, последний политический смысл инфраструктуры на деле связан с той же самой идеей о главе как о «хозяйке», но в этом случае «хозяйка» предстает нерадивой. Жалуясь, что «администрации все равно», люди имплицитно отталкиваются от представления, что в идеале за инфраструктуру должны отвечать служащие сельской администрации.

Показательным мне кажется то, что самой главе Павловского поселения также важно было подтверждать свой статус «хозяйки территории», ссылаясь на инфраструктурные преобразования. Во время одной из бесед в ее кабинете, которые мы проводили в рабочее время, Надежда поделилась со мной, что на случай, если кто-то начнет высказывать ей претензии (что, по всей видимости, периодически случалось), она ведет список сделанного за годы работы. Этот список (к собственному сожалению Надежды, начатый не с 2010, а с 2017 г., т.е. не с начала вступления в должность) она во время нашей беседы быстро нашла на рабочем столе компьютера и зачитала мне. В ряду сделанного главой значились модернизация системы уличного освещения, проведение водопровода, установление мусорных площадок и вышки сотовой связи и другие инфраструктурные преобразования вне зависимости от того, было ли на самом деле их появление результатом личной борьбы главы, настойчивости кого-то из жителей или продуктом федеральных программ (а возможно, всего вместе). Именно инфраструктура в Павлово служила показателем благополучия поселения и доказательством продуктивной работы главы, и обсуждая, что в центральной России во многих деревнях «нет света», глава Павлово не раз отмечала в беседах с другими сотрудниками администрации, что туда следовало бы отправить на недельку «недовольных», чтобы они посмотрели, «что значит плохо жить».

Действительно, казалось бы, в Павлово был необходимый минимум для комфортной жизни. Более того, ослепляющие новизной объекты инфраструктуры выглядели несколько чуждо в пространстве «вымирающего села», где новые тренажерные залы и помещения библиотеки чаще всего пустовали. Однако, возможно, эта кажущаяся нецелесообразность инфраструктуры, напротив, преследовала важную цель. По версии Анны, чье поселение уступало по уровню инфраструктурного благополучия, обеспечить такого рода благополучие в «тупиковых» деревнях — это осознанная политика района. После того как я пересказала ей слова Надежды о том, что глава поселения должна быть

настойчивой, чтобы чего-то добиться, Анна с негодованием начала сравнивать уровень инфраструктуры в Большом и трех других поселениях, меньших по размеру и не таких «перспективных», и сделала следующий вывод: «Мы вообще ничего не можем. <...> Писать заявки-то мы пишем, а толку ли? Нам отписки пишут. <...> Я не знаю, в чем там настойчивость должна, если ты раз пришел, два пришел: “Не положено”. Люди жалобы тоже пишут, на сходах граждан так же выступают, и никаких сдвигов. <...> Они выбирают села эти [более упадочные] затем, чтобы народ-то совсем не разбегался с этих сел-то, чтобы хотя бы чем-то зацепить, чтобы народ сидел. Потому что Большое-то че? Город тут рядом. В любом случае народ тут будет, как спальный район, да ведь?»

Таким образом, у разных жителей сельских поселений существует представление о главе как о «хозяйке территории», которая должна «обивать пороги» и «добиваться» инфраструктурных преобразований. Однако это представление вступает в противоречие с существующей структурой управления, в которой служащие сельской администрации находятся в нижней и вдвойне зависимой позиции и самостоятельно не могут обеспечить появление в селах инфраструктурных объектов. Проведение причинно-следственной связи между (не)благополучием инфраструктуры и (не)доброповестной работой главы поселения вносит важное дополнение к нашим представлениям об основаниях сельского авторитета. И сами управленцы, и жители их поселений часто связывали усовершенствование инфраструктуры с заслугами сельской администрации (и та же Анна, утверждавшая, что сельская администрация «ничего не может», о происходящих преобразованиях говорила «мы добились»). В «инфраструктурных разговорах» вновь просматривается уже замеченное мною напряжение между двумя видениями отношений с государством — как договора (когда инфраструктура — естественный и ожидаемый результат государственной политики) и дара (когда государственная политика имеет не такую значимость, как волевые действия отдельных личностей). Тем не менее во множестве случаев управление виделось героям этой работы как персоналистски устроенное, подчиненное заслугам отдельных личностей, а не слаженной работе всей государственной системы. Инфраструктурные улучшения должны были становиться свидетельством того, что за годы работы конкретных чиновников, жизнь в поселении стала комфортнее. Тем самым должна была задействоваться харизматическая легитимность господства управленцев, которая, как было показано ранее, зарабатывается путем постоянного подтверждения своей силы на практике (буквально, когда есть возможность перечислить «сделанное», как в списке Надежды).

Одновременно с этим популярность идеи о связности инфраструктурных преобразований с деятельностью главы, на мой взгляд, говорит о том, что идеальный

сельский управленец в своей работе должен быть заметен. Не просто не отказывать в помощи (хотя и это тоже, ведь инфраструктурные улучшения часто происходят в ответ на массовые жалобы и всеми разделяемые неудобства), но настойчиво «добиваться» получения благ, «хлопотать», активно задействуя свои эзотерические для других жителей знания о бюрократических тонкостях ради достижения цели, и «обивать пороги» вышестоящих инстанций, когда дело касается масштабных инфраструктурных проектов.

Очевидная работа

Не только безотказность, но и самостоятельное инициирование помощи и настойчивость в инфраструктурных преобразованиях — это наглядные показатели «работы» сельской администрации, которые если и не обезопасят чиновников от недовольств и конфликтов совсем, то, возможно, снизят их вероятность. На мой взгляд, представление о том, что «работа» сельской администрации должна быть заметна, связано с последней из важных норм сельского социального порядка, каким его представляли разные жители, — с трудолюбием.

Укрепиться в представлении о том, что труд имеет огромное значение для сельских жителей и встраивается в их представления об уважаемом человеке, мне позволили два наблюдения. В 2023 г. в Павлово я вместо Иры, в то время находившейся на затяжном больничном, составляла таблицу для готовившейся в области «Книги памяти» о тружениках тыла — это было прекрасным поводом поговорить с разными жителями поселения и чем-то реально помочь служащим администрации. Вспоминая уже умерших людей, которые были в составленном мной списке, мои собеседники и собеседницы часто подчеркивали, что тот мужчина или та женщина, о ком мы говорим, — «это хороший человек, труженик / труженица». Эту характеристику как бесспорно положительное качество человека люди считали достаточно важной⁵⁴, для того чтобы упомянуть о ней в «Книге памяти». В Главе 2 я писала, что «трудолюбие» — это та черта сельского «характера», которую управленцы считают положительной, т.к. «трудолюбие» жителей помогает бюрократам в управлении. Однако, как и в случае с безотказностью, ценность трудолюбия признается не только управленцами. Мои беседы для «Книги памяти» позволили мне понять, что трудолюбие видится позитивной характеристикой разным сельчанам.

В том же 2023 г. я вместе с заведующей спортивным клубом Жанной организовывала проведение лотереи и праздничной викторины в день выборов. Т.к. в тот

---

⁵⁴ Ожидаемо, такие детали характера и биографии, как пристрастие к алкоголю или непростой характер, меня, напротив, просили не указывать.

год заведующая клубом и библиотекой Виктория, обычно отвечавшая за праздничные мероприятия, уволилась (и устроилась работать проводником на железную дорогу), мое присутствие в селе оказалось кстати для Жанны, на которую «район» переложил проведение праздников. Заранее из «области» были присланы вопросы викторины, которые мы должны были зачитывать жителям, в т.ч. там были вопросы непосредственно о населенном пункте, на которые предполагались ответы в свободной форме. Среди таких открытых вопросов был вопрос о том, какие люди в сельском поселении внесли наибольший вклад в его развитие. Я сказала Жанне заранее, что этот вопрос мне нужно задать обязательно, прямо объяснив, как он связан с моим научным интересом (концепцией сельского авторитета).

В день выборов Жанна сказала мне, что будет всем говорить, якобы эта викторина нужна именно мне. Как объясняла работница культуры, в ином случае люди не захотят отвечать. С точки зрения Жанны, «пассивных» павловчан сложно вовлечь в какую-либо деятельность (см. Глава 2), и, вероятно, если представить викторину не как развлечение, но как способ оказать мне помощь, в соответствии с общим моральным принципом безотказности люди не смогут от нее отказаться. Когда собралась группа людей, пришедших на лотерею первыми, мы с Жанной стали задавать в первую очередь открытые вопросы викторины. Вопрос про людей, внесших вклад в развитие, к моему удивлению, ставил людей в тупик: «Да все...» — растерянно отвечали жители и далее переходили к поименному перечислению своих односельчан, которых объединяло лишь то, что все они «долго работали». Мне показалось примечательным, что отвечающим не важно было, на какой именно должности — от доярки до председателя совхоза — работали «внесшие наибольший вклад» люди. При этом меня поразило, что никто ни разу не назвал ни одну главу поселения. И только позже Асель, ранее работавшая в библиотеке и гордящаяся своими знаниями, специально перезвонила Жанне, чтобы та передала мне трубку и Асель смогла назвать тех, кого она не вспомнила сразу в спортклубе. Среди этих «добавленных» Аселью людей была экс-глава Павлово Валентина Демьяновна — «она тоже долго работала».

Накануне выборов, когда мы с Жанной обсуждали вопросы викторины, она тоже, подумав, вспомнила Валентину Демьяновну: «Она много чего сделала — освещение при ней было сделано. И Надежда Ивановна [нынешняя глава] вообще-то что-то сделала — дорогу⁵⁵, раньше ее не было, вышка [связи] появилась при ней, раньше не было интернета». Так, оказывается, что инфраструктурные преобразования обуславливают

---

⁵⁵ Здесь Жанна имеет в виду, вероятно, щебеночную дорогу на какой-то из улочек, либо приписывает к заслугам главы бетонную дорогу, которая появилась в селе намного раньше.

уважение к сельским управленцам, но так происходит далеко не всегда. Гораздо более важным среди оснований сельского авторитета, как показывают два описанных выше случая, — это то, насколько много человек «работал». Обращу внимание, на то, как сама Надежда объясняла необходимость ведения списка своих инфраструктурных заслуг: «Люди говорят, что администрация не работает, потому что им надо, чтобы сидели в Совете с восьми до четырех. Работа, которую администрация делает, не видна. Люди сегодня скажут спасибо, а завтра начнут говорить, какие все нехорошие, потому что власть никто не любит». Указывая на инфраструктуру, которая была улучшена за годы ее работы, глава поселения пыталась сделать свой нематериальный труд видимым, предъявить свидетельство своей реальной «работы». Тем не менее, как можно заключить из экспресс-опроса во время викторины, из-за того, что сельские чиновники в Павлове не соблюдали формальный график работы (см. Глава 1) и отказывали жителям в помощи, их инфраструктурная работа не была достаточно серьезным контраргументом, который бы убеждал всех жителей поселения, что местных чиновников стоит уважать.

С высказыванием Надежды о том, что «власть» в любом случае «никто не любит», спорить трудно. Однако, как кажется, ту «власть», работа которой заметна своей безотказностью, инфраструктурными преобразованиями и, что оказалось не менее важным, временем, затрачиваемым чиновниками непосредственно на видимую со стороны «работу» (как аффективный труд, так и передачу государственного дара), «не любят» все-таки чуть меньше. Возможно, так сложились обстоятельства, или на это повлияло то, что мой статус в Большом ощущался как более ассоциированный с Анной (достаточно даже того, что я жила в ее доме), или это можно объяснить демографическими причинами (более молодым и менее стабильным по составу населением), — но в Большом, где инфраструктурных заслуг у сельских бюрократов было меньше, но отзывчивость к запросам жителей была выше, слухи или прямые высказывания о том, что «администрация ничего не делает» мне, в сравнении в Павлове и Ильинкой, встречались гораздо реже.

Выводы

Как я попыталась показать в данной главе, авторитет сельских управленцев — это хрупкая форма господства, которая не гарантируется их положением априори, но нуждается в постоянном переподтверждении в каждом конкретном взаимодействии с односельчанами. Сельский авторитет складывается из множества составляющих, отсылающих, с одной стороны, к нормам воображаемой среди героев моего исследования сельскости. Среди составляющих сельскости не менее, чем «знание всех» и «простота», рассмотренные в

прошлых главах, важны безотказность и заметность в проявлениях своей работы и помощи.

С другой стороны, сельский авторитет разделяет некоторые черты, характерные для общей идеи государственного устройства. В созвучии с персоналистской концепцией власти сельское управление также устроено персоналистски — социальное и инфраструктурное благополучие жителей видится управленцам и другим сельским жителям как гоббсианский дар ничем не обязанного государства и/или как результат настойчивости и проявления воли отдельных личностей (главы поселения, активных односельчан и влиятельных в масштабе района / области / государства лиц). При этом подчеркнуто одобряемая в сельском контексте безотказность сельских бюрократов и преподнесение ими гоббсианского дара государства жителям, согласно моему предположению, связаны не только с их личным ощущением удовлетворения от работы, но и с имплицитной надеждой на то, что за их «нанесением помощи» последует ответное действие. Передавая односельчанам этот дар из своих рук, сельские управленцы воспринимают свои личные взаимодействия с жителями как московский дарообмен, который производит обязательства взаимности и солидарности.

Благодаря инфраструктурным преобразованиям как проявлениям максимальной помощи (т.е. помощи, нацеленной на всех жителей поселения) и адресной настойчивой помощи отдельным жителям сельские бюрократы, как я предполагаю, пытались заслужить больше уважения и защитить себя от массовых недовольств и конфликтов. Соответствуя идеальному образу сельского управленца, никому не отказывающей, заботливой и настойчивой «хозяйки территории», управленцы способствовали тому, что жители их поселений воспринимали сельскую администрацию как абсолютно необходимый для села орган власти, что должно, по идеи, гарантировать безопасность положения чиновников и повышать шансы, что их переизберут на следующий срок. Как пишет Фумики Тахара, активное вовлечение управленцами жителей своего поселения в разные государственные программы — это часть электоральных отношений с избирателями, которые, повинуясь законам реципрокности, должны на следующих выборах этих чиновников переизбрать (Tahara 2013: 94–95).

Однако так работала бы система в идеальном мире. Подходя к заключению этой главы, будет справедливо задать вопрос: а так ли для функционирования всей системы необходима легитимность господства сельских бюрократов, уважение со стороны большинства жителей поселения? Во-первых, мне кажется, что начатый мной разговор о том, что господство сельских бюрократов обязательно должно быть легитимно, — более релевантен для идеальной демократии, где за власть нужно бороться и необходимо

завоевывать голоса избирателей. Еще Леви-Стросс писал: «На самом деле, власть не является вожделенной целью борьбы. Вожди, которых я знал, скорее сетовали на свои тяжелые обязанности и большую ответственность, чем гордились ими» (Леви-Стросс 2022: 394). Властная формально должность (т.е. встроеннность в единую систему публичной власти) героями моего исследования воспринималась в большей степени как бремя. Обе главы поселений регулярно говорили мне и обсуждали между собой, что мечтают покинуть свою должность. Как сказала Анна, «хочется что-нибудь спокойней — не отвечать ни за коров, ни за собак, ни за детей, ни за какую хрень». Реальных кандидатов на должность главы в их сельских поселениях не так уж и много, и, возможно, корректнее было бы говорить об управленацах как о тех, кто занимает свою должность во многом от безысходности: т.к. служба в администрации — это одно из немногих рабочих мест в поселении, а кардинально менять сферу и место занятости непросто.

Во-вторых, если есть достаточное количество «своих людей» — родственников и друзей, как у Надежды в Павлове, то на довольно сильное недовольство других жителей вполне можно закрывать глаза, все равно рассчитывая на содействие «своих людей» в решении проблем. Социальный капитал в этом смысле может быть гораздо важнее действующего на большинство жителей авторитета. И для сельского управления вполне достаточно авторитета индивидуального, который имеют служащие в глазах отдельных («своих») людей, готовых содействовать в управлении.

В-третьих, в российских реалиях не стоит недооценивать тот вклад, который в назначении на должность сельского главы и в длительности его пребывания в этой должности играет «район». По закону, до реформы муниципальной власти, главы поселения могли избираться либо на муниципальных выборах, либо представительным органом муниципального образования (Федеральный Закон № 131: Гл. 6. Ст. 36). Однако во время моего исследования и в районе, где оно проходило, главы выбирались Сельской Думой из кандидатов, выдвинутых отдельными гражданами, общественными объединениями, юридическими лицами, путем самовыдвижения, главой района и одобренных специально собранной в «районе» комиссией. При этом большое значение имела «рекомендация» главы района. Рассказывая о своем вступлении в должность, Анна говорила, что она (до этого несколько лет работавшая специалистом в администрации) была рекомендована большевским депутатам Юрием Григорьевичем, в то время главой района, а сами выборы проходили, по словам Анны, потому что прошлая глава поселения стала району «неугодна»: «Политика — это всегда грязное дело». «Район», таким образом, оказывал существенное влияние на то, кто и сколько сможет служить главой сельского

поселения: он может давать «рекомендации», а не уживающиеся с районным начальством главы «не могут работать в этой системе» (см. также Плюснин 2022а: 381).

В связи с этим стоит заключить, что одного авторитета среди большинства жителей сельским управленцам недостаточно для того, чтобы быть избранными и долго находиться на своей должности — для существования в единой структуре управления им необходимо также уметь и поддерживать нужную репутацию в глазах «района». Следовательно, императивы сельского социального пространства оказываются слабее, чем императивы государственного социального пространства. Воля вышестоящих над служащими сельских администраций бюрократов в конечном итоге имеет большее значение, чем одобряемые в сельском контексте знание, простота, безотказность и трудолюбие.

ГЛАВА 5. Управление в обход: вернакулярная сельская бюрократия и культура государства

Когда есть вот такие застуники, че бы не работать?

Анна, глава Большовского с/п

Управлять и управляться

Перед окошком гардероба образовалась толпа — в основном пенсионеры, приехавшие в районный дом культуры на концерт со всех поселений в округе. Напирая друг на друга и толкаясь, люди настойчиво продвигались к своим вещам, и я растерялась в этой давке, позволяя оттеснить меня дальше. Вдруг кто-то уверенно взял меня под локоть и повел вперед. Это была Римма Ивановна — в прошлом заведующая ильинской начальной школой, когда та еще существовала, а в тот год пенсионерка, член Совета ветеранов и участница ильинского хора.

Я познакомилась с ней утром того же дня в ноябре 2022 г., в автобусе, который выделил «район» ко Дню народного единства, чтобы доставить в районный центр жителей Павловского поселения, и в котором, к счастью, нашлось место и для меня. Узнав от Иры, что меня как исследовательнице интересует сельская жизнь и то, как люди в селе решают проблемы, сидевшая со мной рядом Римма Ивановна охотно начала рассказывать о том, как, поверив обещанию о «золотых горах», переехала с мужем из другого района в Ильинку в конце 1980-х гг., когда «Север» купил местное агропредприятие. В то время Ильинка была совсем не благоустроенной деревней, и людей, массово переезжающих сюда на работу, селили в вагончики (лишь спустя несколько лет предоставив навечно «временное» деревянное жилье или добротные кирпичные дома). В деревне не было дороги и связи, но переехавшие жители «свои права знали, стали добиваться». По словам Риммы Ивановны, приехавшие в Ильинку люди сами «добились» газификации, строительства дороги, а недавно и установки вышки сотовой связи, так что только в 2022 г. здесь появились стабильная связь и интернет.

На момент того разговора я провела в Павлово две недели и то и дело слышала от управленицев, что местные жители «пассивные», ильинцы «сложные» (см. Глава 2), а инфраструктурных преобразований в поселении бы не было, если бы не настойчивость прошлой главы и/или государственные программы (см. Глава 4). Поэтому меня удивило, какую большую роль в инфраструктурном благоустройстве деревни моя первая ильинская знакомая отвела самим жителям. «В администрацию практически не обращаемся, — ответила Римма Ивановна на мой вопрос, — потому что до нее ехать далеко, неудобно. Туда еще ладно, а обратно маршрутка в четыре часа, где-то целый день болтаться. <...>

Если есть проблемы, лучше обратиться к соседу, чем в администрацию. <...> У нас активный клуб, куда мы приходим песни поем, поплачим друг другу о проблемах. Активный Совет ветеранов, очень хороший у нас организатор, она с Севера приехала. Зуева нас всех собрала».

Эта получасовая беседа в автобусе заставила меня в очередной раз задуматься о том, какую роль в управлении селом на самом деле играют местные бюрократы. В предыдущих главах диссертации я анализировала, как сельские муниципальные служащие преодолевают разнообразные трудности, чтобы осуществлять техническое управление поселением — отвечать на запросы жителей, решать их или свои проблемы, когда дело касается запросов из «района», и при этом сохранять должность и репутацию. Но что если заключить всю эту администраторскую машинерию в скобки и заниматься управлением социального пространства села в обход сельской администрации? Может ли поселение не быть управляемым представителями местной власти, но управляться само собой? Какие формы самоорганизации существуют в Павлове и Большом, как они устроены, насколько эффективным может быть управление (взаимодействие с государственными структурами и воспроизведение местного социального порядка) без управленцев, имеющих официальную должность? И какое влияние на формат управления сельскими поселениями оказывает более широкий контекст социальной политики государства?

В общем и целом, можно сказать, что в момент моей полевой работы деятельность сельских бюрократов, соответствующая ожиданиям жителей, состояла из четырех главных обязанностей, о которых так или иначе шла речь в предыдущих главах: сельские бюрократы проявляли внимание и оказывали заботу; несли ответственность за все социальное и физическое пространство поселений, воспроизводя порядок на территории и решая проблемы, с которыми к ним обращались жители; служили медиаторами во взаимодействиях жителей с государством; и настойчиво «добивались» инфраструктурных преобразований. В заключительной главе диссертации, не претендую на универсальность своих умозаключений, я порассуждаю о том, можно ли решить эти четыре задачи в обход сельских бюрократов.

Другие органы сельской власти: самоуправление или соуправление?

Начать стоит с того, что самыми предсказуемыми кандидатами на активное участие в управлении селом в обход сельской администрации, безусловно, кажутся руководители местных предприятий. Действительно, предприятия обладают материальными ресурсами, которых недостает администрации, и могут становиться источником, к которому за этими ресурсами обращаются жители или сами бюрократы (Игнатова, Божков 2015: 475;

Фадеева 2015; Фадеева, Нефедкин 2018). К примеру, в Большом директор местной агрофирмы Демидова оплатила работу эвакуаторов во время паводка в 2024 г., чтобы вовремя соорудить дамбы, ранее ее работники чистили в поселении дороги, она выделяла средства на ремонт местного храма и т.п. В том же Большом владелец магазина Артур также финансировал ремонт храма, а известный в районе бизнесмен Игорь, владевший сетью маршрутных такси, давал большовскому хору бесплатный автобус на районные конкурсы. В Павлово функционировавших предприятий не было, но к одному предпринимателю, арендовавшему бывшие совхозные помещения в Ильинке, при мне договаривались идти «активные» местные жительницы, чтобы попросить у него денег на проведение праздника. Следовательно, как показывают доступные мне материалы, бизнес действительно играет в общем сельском управлении значимую роль, однако в этом качестве он не самодостаточен. Если вспомнить выделенные функции сельской администрации (внимание, обеспечение порядка на территории, взаимодействие с государством и получение его даров), то можно сказать, что полностью сельские предприятия не выполняют ни одну из них, однако они во многом способствуют их выполнению совместно с сельской администрацией и учреждениями культуры.

Что касается учреждений культуры (дома культуры/сельского клуба; библиотеки, спортклуба) и других бюджетных организаций на селе (ФАП-ов, почты, школы, детского сада), то все эти учреждения тоже содействуют сельской администрации в управлении (и сами обращаются за помощью к ней). Казалось бы, так или иначе все они реализовывают функции управления самостоятельно: во взаимодействиях с жителями (в особенности на ФАП-ах, в сельских клубах и домах культуры) воспроизводится эффект заботы; на районных встречах их служащие могут попытаться добиться инфраструктурных преобразований (к примеру, сотрудница Ильинского ФАП-а говорила, что новый модульный ФАП в Ильинке появился благодаря ей); они распространяют некоторые знания о государственных благах и пр. Однако встраиваясь в отдельные структуры власти, подчиняясь районному департаменту медицины, образования или культуры или районному отделению почты, сотрудники этих учреждений в исследуемых мной поселениях также подчиняются и сельской администрации, и составляют единуюправленческую структуру «своих людей». К примеру, четыре из шести сотрудниц ФАП-ов в Большовском и Павловском поселении были сельскими депутатами или членами участковых избирательных комиссий (кроме того, одну сотрудницу связывали близкие родственные отношения с водителем Павловской администрации); а две «культурницы» были депутатами в Большом.

По закону, в российских сельских поселениях до реформы муниципальной власти должен был быть такой выборный представительный орган власти как Сельская Дума. По идеи, этот орган власти мог бы играть важную роль в управлении, заниматься им независимо от сельских администраций или влиять на работу последних. В Большовском поселении Дума состояла из десяти человек — по депутату на каждую улицу его трех населенных пунктов. По тому же принципу Павловская Дума состояла из семи депутатов. Избираемые посредством общего голосования сельские депутаты, в соответствии с местными нормативными документами разного уровня и Федеральным законом (Федеральный закон № 131: Гл. 3. Ст. 14–14.1), наделялись собственными полномочиями по решению вопросов местного значения и имели исключительные полномочия: утверждать структуру сельской администрации; формировать избирательную комиссию в поселении; предоставлять в «область» инициативы по преобразованию поселения; привлекать жителей поселения к социально значимым работам; заслушивать ежегодные отчеты главы поселения о результатах его/ее деятельности и пр. Иными словами, сельские депутаты должны были следить за порядком на территории поселения и контролировать администрацию, в т.ч. следить за расходованием бюджета и одобрять или отклонять выделенные служащим премии.

В обоих поселениях документы «Решений» местной Думы несколько раз в месяц размещались на сайте областных органов власти. Множество «Решений» депутатами со времен Covid-19 принимались посредством сообщений «“Поддерживаем?” — “Да”» в общем чате, а повестку «заседаний» определяли вышестоящие районные чиновники, передавая ее через сельскую администрацию. Более того, сами документы «Решений» составлялись служащими сельских администраций (в Большом за это была ответственна бухгалтер Настя, в Павлово — Валерия). Уже эта деталь позволяет увидеть, что Сельская Дума — на деле часть единой структуры власти, в которой она не столько «контролирует» сельскую администрацию, сколько подчиняется ей. При этом становится и быть сельскими депутатами зачастую уговаривали жителей сами главы сельских поселений: «...в основном депутаты, по своей добреей воле у нас никто не пришел, — объясняла мне Анна, почему в новогодние каникулы она не может покинуть территорию поселения и переадресовать необходимость «дежурить» местным депутатам. — А мы их просили уговаривали. И опять же уговариваешь, смотришь адекватных людей для себя, чтоб... не орал бы без ума».

Обращу внимание на замечание Анны о том, что сельских депутатов она тщательно выбирала. На уровне поселения главы формируют свои «команды», состоящие из депутатов, членов участковых избирательных комиссий, Совета ветеранов, Женского

совета, Добровольной народной дружины и т.д. — иными словами, всех общественных организаций и органов власти, которые формально необходимы в поселении. Таким образом, разветвленная сеть агентов самоуправления в большей степени связана с созданием видимости самоуправления в бюрократической плоскости и публичном поле, чем с реальной управленческой практикой. Известные мне сельские «команды», как и «команда» района, образуются из «своих» («нормальных», «ответственных») людей, т.е. из односельчан, в целом лояльных государственной политике и находящихся в хороших отношениях со служащими сельской администрации.

Как и на уровне района, императив солидарности членов сельских «команд» с главой поселения и друг с другом направлен на минимизацию возможных проблем в достижении необходимых результатов управления и формальных показателей. Как говорил Юрий Григорьевич, «если каждый сам по себе, одеяло каждый на себя тянет, то ничего не получается». Кроме того, «команды» формировались из «своих» людей, потому что управление на этом нижнем уровне сопряжено с обязательствами, ограничениями, но не с материальными стимулами. Осуществляясь «на добровольной основе», оно при этом всецело подчинено вышестоящим инстанциям, и проделываемая по требованию «сверху» работа может в любой момент, в ходе хронополитики срочных требований (см. Глава 1), смениться на другую или оказаться бессмысленной, и часто не получает даже минимального вознаграждения.

К примеру, в 2023 г. район обязал сельские администрации назначить несколько людей блогерами на выборах, которые бы делали посты в своих социальных сетях о подготовке и ходе избирательного процесса. В Павлово блогерами были назначены водитель администрации Тимур и сын главы поселения Борис, и, как показало время, этот выбор себя оправдал. Мужчины ездили на обучение в город, проходили тесты, а потом вдруг оказалось, что посты делать не нужно, сделанные нужно удалить, а сама работа не оплачивается вопреки изначальным данным. Поэтому, как объясняла мне Надежда, хорошо, что в ее команде «свои люди», все родственники (ее или коллег) или подруги, т.к. со-управленцам нужно доверять и это должны быть те, кому можно объяснить любую ситуацию, «чтобы они не сказали, что это администрация себе деньги за блогерство забрала»: «Чужим людям как в глаза смотреть? Хорошо, что Тимур свой, он все видит и понимает». Повинуясь той же логике, Сельская Дума и в Большом, и в Павлово — это по факту созданный главой поселения орган власти, существующий главным образом в силу формальных требований. «Вот единственное, что я бы убрала — я бы убрала Думы сельские, — сказала Надежда в ходе разговора в 2022 г. о возможной реформе и надеясь,

что сельские администрации останутся нетронутыми. — Вот Дума, по большому счету она не нужна. Во-первых, ее проблематично набрать. Не хотят сюда идти в Думу».

Во время интервью я спрашивала у своих собеседников в обоих поселениях, почему они стали депутатами (если я говорила с депутатом Сельской Думы), чем занимаются депутаты (в каждом интервью) и хотели ли бы они стать депутатами (если я говорила с не-депутатами). Ответ на первый вопрос практически всегда был связан с суммой капиталов главы поселения и невозможностью, во многом под давлением аффективного капитала и московского дарообмена (см. Глава 4), отказать ее просьбе: «Честно, на этот срок я согласилась только из-за нее». — «Из уважения к человеку. И вы думаете, на эту должность депутатскую кто-то метит? И Анна Артемовна ходит уговаривает». — <...> «Вот десять человек они должны быть, иначе не состоятся ни выборы, ничего. Она такой же заложник ситуации, как мы все. Мне ее жалко как человека и как руководителя», — к примеру, рассказывали мне Вера Владимировна и Любовь Борисовна, большовские председатель Думы и депутат, воспроизведя самый популярный ответ из тех, которые мне довелось слышать.

Ответы на второй вопрос разнились. Сами депутаты говорили о том, как сообщают о проблемах (например, о подозрительных личностях на территории) главе поселения или как пытаются привлечь односельчан к порядку, как помогают главе в обходах и пр. К примеру, большовский депутат и заведующая домом культуры Елизавета рассказывала, что к ней обращалась женщина, часть огорода которой захватил сосед. Елизавета сообщила об этой проблеме главе поселения. Вызвали участкового, в последствии размежевали землю и конфликт разрешился: «Депутаты — посредник между главой и людьми. Ничего другого они делать и не должны», — резюмировала Елизавета. Однако большинство жителей чаще всего отвечали, что толком не знают, чем занимаются депутаты, что они «ничего не делают» или «делают, наверное, что говорит глава». Часто мои собеседники не могли даже назвать, кто является депутатом на их улице (отдельном избирательном участке Сельской Думы).

Ответ на третий вопрос (о желании становиться депутатом) был однообразным — категоричный отказ. Его причины мои собеседники чаще всего находили в недостаточной «грамотности»⁵⁶, отсутствии свободного времени, плохом здоровье, преклонном возрасте или непонимании роли депутата. «Смысла в Думе они не видят, вот понимаешь... — объясняла мне Надежда, — Ну честно-откровенно, вот приняли бюджет. Они, во-первых, в нем ничего не понимают. “Кто за данный бюджет?” — [Подняла руку, вяло сказала] “Ну за”. <...> Ну что они могут? Например, ну захотели мы что-то, ну решить какой-то вопрос

⁵⁶ О грамотности в самоуправлении см. в разделе «Бюрократическое знание и вернакулярная бюрократия».

местного значения — во-первых, сразу это упирается в деньги. Раз. Второе — наши полномочия. Два. Был бы у нас бюджет наш, <...> налоговая база была бы хорошая у нас, <...> понимаю, тогда Дума, конечно, нужна, чтоб не было коррупции, чтоб там глава не заворовалась». Не имея реальных полномочий и ресурсов для решения возникающих в пространстве села проблем, за исключением разве что урегулирования личных конфликтов (у Сельской Думы нет собственного бюджета), сельские депутаты, при этом, как члены органа местного самоуправления, еще и имеют ряд ограничений (например, не могут заниматься предпринимательской деятельностью) и обязаны подавать сведения о доходах (своих и родственников) (Федеральный Закон № 131: Гл. 6. Ст. 40), что, ожидаемо, не служит стимулом к вступлению в эту должность.

Однако не менее важным в общем нежелании сельских жителей обоих поселений становиться депутатами или реально вовлекаться в управление мне кажутся опасения по поводу собственного социального капитала и уклонение от перевода горизонтальных соседских отношений в отношения управляемца и управляемого. Так, продавщица в павловском магазине Яна отвечала на мой вопрос, почему она не хочет быть депутатом: «Я человек приземленный, не хочу указывать людям, в чем они не правы». А действующая павловский депутат Полина Владимировна с сожалением упоминала о том, что некоторые односельчане предъявляют к ним необоснованные претензии, в духе «А вы же депутат, почему не решаете?». Вместе со статусом депутата образуется иерархия, не подкрепленная при этом полномочиями: не обладая реальной возможностью управлять, депутаты, тем не менее, воспринимаются как представители местной власти, что делает их открытыми к претензиям и конфликтам. В связи с этим наиболее простое решение — это не самостоятельное решение проблем (как депутатами, так и рядовыми жителями), но переадресация всех конфликтных ситуаций главе поселения, по умолчанию выделенной из горизонтальной сети отношений в силу своей должности. «Все хотят быть с друг другом в хороших отношениях. Но ты глава, давай, да, тебе-то какая разница?» — объясняла мне Анна, почему обратившаяся к ней с жалобой на односельчанина «недовольная» Воробьева не вызывает участкового сама, но просит решить свою проблему главу поселения.

Исследуя борьбу за обещанную землю, которую на рубеже XX–XXI вв. вели с государством мексиканские крестьяне, члены сельскохозяйственных общин «эхидо», Моник Нейтен в частности размышляет о том, почему оказываются неэффективными местные политические институты (исполнительные комитеты эхидо во главе с уполномоченным), казалось бы, специально созданные для борьбы крестьян за свои права (Nuijten 2003). По мнению Нейтен, вписанность сельчан в плотную сеть социо-

политических отношений друг с другом приводит к тому, что люди предпочитают не делать ничего (*Ibid.*: 60). Мне кажется, что сходные причины удерживают и жителей двух сибирских поселений от активного вовлечения в сельское управление (в частности, в роли сельского депутата). К примеру, павловская депутат Таисия Николаевна говорила мне, что в ту осень, когда я была в селе, она решила не заниматься проблемой, на которую ей жаловались жители — попросить односельчанина убрать с улицы спиленные им ветки. Этот нарушитель порядка был братом коллеги Таисии Николаевны по медицинской службе и депутатской должности. Женщина не хотела портить с ними обоими отношения, в связи с чем решила дождаться весны (будут убирать снег, якобы заодно уберут и ветки). Из-за избегания возможного конфликта, казалось бы, небольшая проблема была отложена Таисией Николаевной на потом, и неизвестно, была ли она решена при ее содействии в принципе.

Итак, Сельская Дума — это в большей степени формальный, чем действительно оказывающий влияние на локальное социальное пространство орган власти. Являясь на деле не органом низового *самоуправления*, но еще одной ступенью в единой системе публичной власти, Сельская Дума в поселениях, где я работала, была одной из нескольких «команд своих людей», которые главы поселений выстраивали на территории. Таким образом, не контролирующий и не самостоятельный, но подчиненный главе орган власти, Сельская Дума скорее содействовала главе в управлении (передавая сообщения о проблемах, включаясь в необходимую бюрократам деятельность и просто существуя на бумаге, как это требуется по уставу).

То же самое в целом можно сказать и о многочисленных, перечисленных выше сельских общественных организациях (часто существовавших исключительно на бумаге). Исключением в этом правиле мне кажутся сельские первичные ветеранские организации, Советы ветеранов. Эта общественная организация, подчиняющаяся, помимо главы поселения, районному Совету ветеранов, занимается преимущественно проблемами жителей, достигших пенсионного возраста. Совет ветеранов в обоих поселениях был весьма деятельным агентом управления: силами председателя и членов Совета организовывались праздники, на средства Совета покупались подарки самым пожилым жителям на личные и государственные праздники, этих же пожилых жителей председатель и члены Совета периодически навещали — т.е. воспроизводили столь важный в селе аффект заботы (см. Глава 3). Кроме того, Совет ветеранов обладает полномочиями влиять на распределение среди жителей даров государства — по своим собственным каналам он может оформлять субсидии, выплаты, материальную помощь и даже добиваться инфраструктурных преобразований на «ветеранских» встречах в районе.

В разных поселениях председатели Совета ветеранов в большей или меньшей степени сотрудничали с главами в управлении; в Большом и Павлово это были фактически параллельные сельской администрации структуры, подчинявшиеся районному Совету ветеранов и в меньшей степени взаимодействовавшие с сельскими администрациями. В Павловском поселении Совет ветеранов, базирующийся в Ильинке, и вовсе напоминал альтернативную структуру управления. Однако можно ли с определенностью назвать Совет ветеранов искомой мною формой самоорганизации, воплощением того, как село управляется само собой? Напротив, как отмечает Инна Копотева, Совет ветеранов не обладает политической независимостью: «В целом роль организаций нижнего уровня не сильно изменилась с советских времен. Они все еще работают для удовлетворения местных потребностей, политически неактивны и объединяют определенные социальные группы (женщин, инвалидов, ветеранов и т.д.)» (Копотева 2016: 162). Это такая же иерархизированная структура, подчиняющаяся «району» и имеющая своего лидера, председателя. Здесь следует наконец перейти к разговору о том, какую роль в сельском управлении играет фигура «организатора».

Мечта об организаторе

У бабы Тоси, с которой я порой переговаривалась, когда она сидела на лавочке за воротами своего деревянного дома на две квартиры, я узнала, что павловское кладбище находится прямо «за огородами», и в скором времени направилась туда. В то время я составляла таблицу для областной «Книги памяти», и мне было нужно пойти на кладбище, чтобы уточнить некоторые даты жизни. Кладбище вплотную прилегало к хозяйственным постройкам бабы Тоси и ее соседки, и практически граничило с чьим-то огородом, где во время моего похода люди копали картошку, посматривая на меня — странную девушку с блокнотом на кладбище — с любопытством. Однако больше всего меня поразило не расположение, но состояние этого сельского кладбища — оно густо заросло травой, так что к могилам приходилось пробираться, раздвигая сухие заросли руками.

Это были первые недели сентября, и я поняла, что траву в том году, вероятно, вообще не косили, что меня удивило. В августе, когда я еще была в Большом, Анна отправляла работника администрации по благоустройству обкашивать кладбища своего поселения, и вместе с ней я ездила проверять, как он выполнил работу. Большовские кладбища, находящиеся намного дальше от жилых домов, кладбища поселения, где живут в основном «приезжие» и поэтому, вероятно, кладбища, за могилами на которых не всегда есть кому следить, были ухоженными и чистыми. На этом контрасте павловские заросли

произвели на меня удручающее впечатление. После полудня я пошла в гости к Алевтине Степановне, «не вхожей» в администрацию бойкой пенсионерке, с которой я познакомилась накануне и которая пригласила меня к себе на обед. Когда мы разогревали еду, я поделилась с ней, что сходила на кладбище, и Алевтина Степановна сразу заметила, что «оно все заросшее», потому что Надежда «не хочет работать». По словам моей собеседницы, она много раз пробовала говорить с главой об этом запустении, «но толку никакого».

Так оказалось, что в обоих поселениях существовала идея, что за территорией кладбища должна ухаживать глава поселения (и формально эти пространства действительно находятся в ее ведении). При этом, пожалуй, для нас не так важно, находилось ли павловское кладбище в запустении потому, что Надежда — нерадивая «хозяйка» на самом деле, или потому, что в бюджете местной администрации, возможно, не хватало средств, чтобы оплачивать бензин для газонокосилки и работу косильщика, которого еще стоит поискать⁵⁷. На мой взгляд, интересно здесь то, что в этой нехитрой логической цепочке «(не)ухоженное кладбище — глава (не) работает» отсутствуют жители как еще одно звено.

В связи с этим наблюдением вспомню другой пример. В один из рабочих дней в Большовскую администрацию пришли за каким-то документом супруги Игнатюк — пенсионеры, переехавшие в Большое тридцать лет назад из Киргизии. Анна, не раз организовывавшая беседы для моего исследования, и в тот раз предложила посетителям поговорить со мной. Мы сидели в кабинете специалистов, за соседним столом занималась своими делами Ксюша, но моих собеседников, кажется, она не смущала. Сетуя, Игнатюк рассказывали о том, как сильно и в худшую сторону изменилась жизнь, как из-за реорганизации предприятия и пропажи документов супруг лишился положенной пенсии, как сложно пробиться к врачам (а «государство бы подумало...»), как в школах «могли бы», но не устраивают субботники и что «государству стоило бы» выделять больше денег селам. Сами Игнатюки, по их словам, «домоседы». Они не ходят в клуб, потому что «нет организатора, который бы организовал», и в церковь, потому что здесь нет постоянного священника, «который бы ходил по домам и привлекал бы бабушек», как это, по их словам, происходит у мусульман. Единственное, о чем мои собеседники говорили с одобрением, был Большовский тренажерный зал, о закрытии которого в связи с отсутствием инструктора они переживали: «Хотелось бы, чтобы тренажерный зал

---

⁵⁷ Работника по благоустройству в Павловской администрации, в отличие от Большовской, не было — по словам главы, потому что «никто не хочет работать». На территории села периодически косил траву и убирал мусор водитель администрации Тимур, что он делал, вновь по словам Надежды, «за спасибо».

вернули». «А сейчас в него нельзя ходить? Он закрыт?» — тогда спросила я. «Человек ответственный нужен, чтобы присматривал, у всех болячки свои».

Во время разговора я сочувствовала своим собеседникам. Когда, дождавшись нужного им документа, Игнатюки покинули кабинет, я поделилась с Ксюшей своим впечатлением от этих «хороших, нормальных людей». «Ну, я не знаю, это твое впечатление...» — осторожно сказала Ксюша и после небольшой паузы продолжила чуть резче: «Но мне вот ухо режет, что вот все нужно чтобы кто-то собирая, зазывал активно в спортклуб, чтобы все болячки знала. А почему она должна так-то знать? Она не медик. Все мы хотим, чтобы нас кто-то организовывал, зазывал, а не слишком ли много мы на этого человека?.. Я не люблю таких людей. Ну возьмите вы ответственность за свою жизнь. А то так вот нужен какой-то как козел отпущения, чтобы вот сказать, что он виноват».

Напомню, что во время полевой работы я часто слышала, как управленцы жаловались на «пассивное» население или говорили, что людей нужно организовывать и это непросто (см. Глава 2). Сама Вера Владимировна, председатель Сельской Думы и воспитательница в детском саду, раньше работавшая инструктором в том самом спортклубе, рассказывала мне, как сперва она писала объявления и «в стихотворной форме зазывала» ходить на спортивные кружки детей в спортзал местной школы, как потом разговаривала с женщинами, которых встречала в магазине или на улицах села, как в школу стали ходить и взрослые, и мужчины, как она собирала людей на соревнования («это каждому надо поклониться, но всех собирали, всегда была команда»), как в конечном счете вместе с главой она добилась отдельного кабинета на втором этаже сельского клуба, куда установили тренажеры. Сами люди «ничего не хотят», а после ее ухода с этой работы, как заметила Вера Владимировна, «нет инструктора, который взялся бы и работал, и повел людей». Однако мне кажется любопытным, что идею о необходимости организации силами какого-то особо инициативного человека разделяли не только управленцы⁵⁸, которые и занимались этой организацией. Сами жители Большого и Павлово, не занимающие управленческие позиции, ожидали того, чтобы их организовали. Меня удивило, как часто мои собеседники и собеседницы отводили себе не-агентную роль в структуре управления, занимая безопасную позицию чем-то обделенных граждан в силу внешних обстоятельств или, согласно их системе взглядов, равнодушия / злонамеренности властей (местных бюрократов, политических деятелей

⁵⁸ Напомню, что управленцами в сельских поселениях я называю не только имеющих должность в сельской администрации людей, но и членов их «команд». Инструктор спортивного клуба — это работник культуры, который входит в единую с сельскими бюрократами структуру управления (а также подчиняется районным учреждениям культуры). Вера Владимировна, к тому же, — председатель большовской Сельской Думы, еще одной сельской «команды».

более высокого уровня, или «государства»), но при этом в ответ на прямой вопрос отрицали саму возможность самостоятельных действий.

Так, я часто слышала, что в селах нет чего-то нужного для моих собеседников (хора, массовых гуляний на праздники, концертов, субботников), потому что «нет организатора». «Подкармливавшая» Кольцова⁵⁹ Евгения, учительница в большовской начальной школе, к примеру, сетовала, что новая детская площадка в селе не сравнится с городскими и с площадкой в соседнем поселении: «Почему здесь такого нету? От кого это зависит? От главы? Или от людей? Просто по деревне пройти и собрать на площадку — я бы с удовольствием дала». Но, как и в большинстве случаев, на вопрос о том, не хотела бы она в таком случае взять сбор средств на себя, женщина ответила без колебаний: «Нет. Раз не организовывают. Нету организатора. Всех все устраивает. Мне своей организаторской работы хватает в школе».

Когда я задумывала идею этой главы, сперва я предполагала, что она может быть анархистской — описывающей, как село может управляться и без сельских бюрократов. Однако данный параграф содержит в себе первое сомнение в релевантности этого замысла. Из большинства моих разговоров с жителями двух сибирских поселений можно заключить, что управление в принципе не воображается ими как горизонтальная структура или процесс, в котором может принять активное участие каждый. Напротив, согласно здравому смыслу, который я вывожу из слов моих собеседников и собеседниц, население скорее можно представить как аморфную массу, которой кто-то должен придать форму извне, буквально «собрать»⁶⁰ ее. Подчиняясь общему политическому контексту, даже управление на уровне села мыслится персоналистски — ключевая роль в процессе самоорганизации отводится отдельной личности.

Так, в Павлово многие сетовали на то, что после смены председателя Совета ветеранов в 2013 г., когда им стала жительница Ильинки, павловские пенсионеры практически перестали участвовать в коллективной деятельности: «Раньше Сергей Николаевич собирал. А сейчас Зуева, нами она не занимается. Раньше собирались в клубе — вязали, песни пели, праздники. Сейчас не хочет ходить никто». На концерты в Павлово приходило мало людей, еще меньше были готовы в них участвовать в качестве выступающих, несмотря на то что в селе был красивый отремонтированный дом культуры (а точнее несколько помещений на втором этаже бывшего детского сада). Была здесь и заведующая Виктория, которая отвечала за проведение праздников и жаловалась мне на

---

⁵⁹ См. Глава 4.

⁶⁰ На особенность (само)восприятия россиян как «массы», которую кто-то должен «собрать», указывала и Анна Круглова, связывая подобное видение с социалистическим (коллективистским) прошлым (Kruglova 2016: 18).

то, что в Павлово «все пассивные» и «ничего не хотят», укореняя причину этой «пассивности» в общем «характере» павловчан (см. Глава 2). В Ильинке же, напротив, проводилось много концертов. Маргарита Геннадьевна Зуева — эффектная женщина, переехавшая сюда «с Севера» на пенсию вместе с мужем, развернула в деревне активную деятельность. «Зуева нас собрала», как сказала мне в автобусе Римма Ивановна. В нашу первую встречу в холодном ильинском клубе Маргарита Геннадьевна рассказывала о том, как «собирала своих пенсионеров» — хор здесь был и раньше, но ходили туда несколько человек, а она «с каждым работала, ой-ой-ой, как было, конечно, сложновато, но собрала — вот работают, поют». «Т.е. Вы их активно организовывали?» — уточнила я. «Ну вот можно сказать, что... я не хвалюсь, но да, они вот щас: “Из-за тебя только мы здесь ходим, тебя б не было — мы бы не ходили там”. И вот тяну».

Управленцы и другие павловчане регулярно сравнивали активную культурную жизнь ильинцев — их хор и концерты, ярмарки по праздникам, совместную ходьбу со скандинавскими палками, которые Зуева взяла в павловском спортклубе, — с павловской тишиной, находя ее причины то ли в «характере» жителей, как Виктория («В Ильинке люди на этот счет ответственные, а у нас все ленивые, деревня ленивые, ничего не хотят!» — говорила мне заведующая павловским спортклубом Жанна), то ли в «характере» самой Зуевой (та же Жанна в другой раз сказала, что хор в Ильинке существует и люди ходят на концерты только благодаря Зуевой, которая «молодец»).

Как-то я забрела и на Ильинское кладбище — небольшое, в лесочке между двумя частями деревни, в отдалении от жилых домов, оно было ухоженным, без травы, новые искусственные цветы на могилах. Сначала я подумала, что все дело в другой почве, на которой, наверное, не растет трава, но потом узнала, что траву на кладбище убирали местные жители на субботнике, который организовала Зуева со своими «помощницами». Позже я слышала, как она обсуждала, что на одной из могил слишком пусто и неплохо было бы посадить на ней цветы, а на пикнике в честь праздника Рождества Богородицы, когда на осенней лесной поляне собралось несколько участниц ильинского хора, Зуева, заведующая ильинским клубом и местным ФАП-ом и куда напросилась я, женщины договорились пойти убирать на кладбище на следующей неделе. Да и сам тот пикник некоторыми из них выставлялся для строгих мужей как «уборка на кладбище» — т.к. нареканий эта формулировка не вызвала, предположу, что сама идея субботника казалась мужчинам понятной, что тем более любопытно, т.к. все «помощницы» Зуевой и она сама переехали в Ильинку (кто-то в 1980-е, кто-то в 2010-е гг.) и родственников на кладбище у них не было.

Следовательно, по всей видимости, коллективные действия, касающиеся социального пространства поселения (мобилизации жителей на совместную деятельность), действительно могут совершаться в обход сельских бюрократов. Однако рискну предположить, исходя из того скромного материала, который у меня имеется, что происходят они не столько в результате низовой горизонтально устроенной самоорганизации, но в результате активного «сбора», который осуществляет какой-то «агитатор», или «организатор». Он может не иметь прямого отношения к сельской администрации, но зачастую все же имеет особое отношение к бюрократии, о чем пойдет речь в следующем разделе.

Бюрократическое знание и вернакулярная бюрократия

Как-то раз во время обеда на павловской почте я пила чай с заведующей местным отделением Светланой, женщиной средних лет, и зашедшей к ней в гости Ольгой Васильевной, учительницей математики на пенсии и старшей подругой. Ольга Васильевна рассказывала, что накануне вечером в ее доме погас свет, как раз когда по телевизору началась интересная передача. В окнах соседского дома света также не было. Почти сразу женщине позвонил односельчанин, и убедившись, что проблема со светом не у него одного, позвонил в диспетчерскую, после чего перезвонил Ольге Васильевне. «Сейчас у нас если потухнет, это же все, трагедия, — подхватила тему Светлана. — Ночь не переживем, если света не будет». На улице Светланы зимой из-за ветра часто случались проблемы со светом, но в диспетчерскую, по ее словам, никто не звонил, кроме Валентины, которая больше в селе не живет: «Она все время говорила: “Ну кто больше кроме меня-то будет звонить? Я одна звоню. А вы будете сидеть без света”. <...> Да, я без света сидеть буду, я звонить не буду. А так-то на самом деле никто, все сидят ждут, смотрят друг на дружку», — смеялась Светлана. Женщины согласились, что они и правда, как правило, не звонили куда-то сами, если возникали проблемы с инфраструктурой, «наверное, на авось живем». «У меня никаких номеров нету, я даже не знаю, как скорую вызвать», — добавила Ольга Васильевна.

Это самоустраниние от звонков по поводу сбоев коммунальной инфраструктуры и, что более неожиданно, по поводу таких личных нужд, как вызов скорой помощи, меня удивило. «Какие-то люди есть ответственные, которые номера знают, или это в администрации или депутаты?» — спросила я женщин. «Ну, наверное, люди ответственные, — ответила Ольга Васильевна, — люди есть просто знают номера и все». «Мы не задумывались просто, что надо. Кто такие люди, они записывают, у них все есть. <...> Ну а мы не запишем и даже не знаем», — дополнила Светлана. После этого

разговора я стала обращать внимание, что в Большом вопросы «Что с водой?», «Что у нас со светом опять?» часто появляются в локальном чате, где на эти сообщения отвечал кто-то один, кто уже позвонил в диспетчерскую — т.е. далеко не все жители звонили в диспетчерскую сразу и сами. В чате Павлово-Ильинки я таких сообщений не видела (а в отдельный чат ильинского хора не была включена), но еще несколько раз я слышала, как жители Павлово и Ильинки говорили, что сами они «не звонят».

Так, во время беседы с заведовавшей в 1990-е гг. ильинским клубом, а ныне пенсионеркой, собирающей дома предметы старины, Варварой Станиславовной, я спросила, не обращаются ли к ней, «такой активной», односельчане, если нужно позвонить по поводу проблем со светом или газом, или обращается ли к кому-то она. На это женщина ответила, что раньше «вся деревня ей звонили» и у нее был справочник, пока однажды Варвара не ответила, что не знает номера «какого-то кабинета администрации», после чего ее незнание якобы стало обсуждаться в местном магазине («Варька? Да не знает? Да она все знает!»). Эта реакция женщине не понравилась («Я че такая уж сплетница, что прям я все должна знать, куда че позвонить?»), и она стала отвечать, что «ничего не знает», «набирайте 09, звоните — все узнаете». Тем не менее к ней по-прежнему обращались соседи, она вызывала ассенизаторскую машину на пять домов в округе, собирала со всех деньги при решении коллективных проблем, обзванивала соседей.

Свидетельницей этой части разговора была Галина Тимофеевна, на кухне которой мы и сидели втроем. Галина Тимофеевна сказала, что та же схема действует и среди домов в ее округе, где звонками и сбором денег занимается ее сосед. Позже Галина Тимофеевна рассказала мне, что до своего переезда «всей деревне звонила» Танька — ее соседка, работавшая специалистом по социальной работе в соседнем поселении. Когда у Галины Тимофеевны начались проблемы с ногами, Танька же спросила, почему она не оформит себе социального работника (об этой возможности Галина Тимофеевна не знала) и посоветовала обратиться в Павловскую администрацию. Когда женщина отказалась от этого, Танька повлияла на то, что Ира (имя-отчество которой Галина Тимофеевна не вспомнила без моей помощи) ей позвонила сама и заискивающе, как это изобразила Галина Тимофеевна, спросила, «не против ли» она стать подопечной соцработника. Так благодаря Таньке к Галине Тимофеевне стала пару раз в неделю приходить Тоня (стать соцработником которой, по ее словам, тоже предложила Танька).

Итак, из пересказанных разговоров о решении инфраструктурных и личных проблем через коммуникацию с диспетчерской, скорой помощью, отделом социальной защиты и районной администрацией можно сделать несколько любопытных выводов. В

первую очередь, можно заключить, что, согласно здравому смыслу, который разделяют мои собеседницы, «знание телефонов» — это знание не обыденное и не повсеместное, но какое-то особенное, которым может (или хочет?) обладать и правильно пользоваться не каждый человек. По сути, речь идет о каком-то подвиде *бюрократического знания*: диспетчерская, «какой-то кабинет администрации» и даже скорая — это бюрократические структуры.

Важную роль в том, как представляют себе взаимодействие с бюрократией герои моего исследования, играет идея о *грамотности*. Вновь вспомню, как я помогала жителям Павлово и Ильинки заполнять договора на газ в приезд газовиков (см. Глава 2). В этих договорах, на мой взгляд, не было ничего сложного — нужно было просто вписать паспортные данные и информацию об имеющемся в доме газовом оборудовании, но люди выстраивались ко мне в очередь и ждали, чтобы я внесла их данные из документов или под диктовку. Когда я говорила, что они могут пока что-то заполнить сами, некоторые отвечали: «Мы же *неграмотные*». Неделю спустя, в Ильинке таких очередей ко мне не было, больше людей заполняли документы сами, а про кого-то Надежда говорила: «Она заполнит сама, она женщина *грамотная*». Наверное, «грамотность» здесь можно было бы понять буквально — как указание, конечно, не на умение писать и читать, но на уровень образования (или наличие высшего образования?). Однако я думаю, что речь идет все же об особом, бюрократическом знании, заключающемся в умении заполнять документы и договора, в принципе взаимодействовать с официальными бумагами и, главное, не бояться их. «Кассиром, бухгалтером она всю жизнь работала, грамотная», — говорила мне павловская соработник Клавдия Никитична о своей подопечной; «Она все равно, раз грамотная, она отчитается там, как надо, и все», — сетовала экс-глава Павлово Валентина Демьяновна на формальное, бумагопроизводительное отношение к работе заведующей спортклубом Жанны (одновременно управляющей местным магазином, а ранее бухгалтером в администрации).

Так, я предполагаю, что минимальные бюрократические знания, кажущиеся элементарными мне, как исследовательнице или как молодой городской жительнице, в сельском контексте (и по крайней мере пожилым жителям) видятся иначе — как менее доступные и требующие особого навыка, или «грамотности». В селах образуется сеть из обладающих этим минимальным бюрократическим знанием людей, к которым за помощью обращаются другие, «неграмотные» люди. Можно сказать, что ответственность за решение общих и частных проблем, связанных с инфраструктурой или взаимодействием с бюрократическими инстанциями, распределена, а не принадлежит каждому конкретному человеку. «Знающие», «грамотные» люди обладают особой

бюрократической агентностью, которую другие избегают или считают недоступной. Под этим термином я понимаю готовность и/или способность решать собственные и коллективные инфраструктурные проблемы и взаимодействовать с не-сельскими бюрократическими инстанциями.

Один из известных исследовательских ходов при изучении бюрократии — сопоставление ее с магией. Дело ли в том, что так обосновывается право антропологов изучать бюрократию, сперва не считавшуюся подходящим объектом исследования в рамках дисциплины (см. Hull 2012: 12; Thelen, Alber 2018: 1–10), или в том, что так ученые переносят уже известную им логику анализа и терминологию на новый предмет, но исследователи нередко замечают общие свойства между двумя этими системами знаний и воздействия на реальность: повторяемость и нормативность, секретность и специализированный труд, перформативность и непонятный жаргон (см. Herzfeld 1992; Irimia 2022). Отдельное внимание ученых в этом контексте привлекает культ официальных документов в странах глобального Юга, становящихся «чем-то вроде материального фетиша, т.е. волшебных объектов, придающих силу сами по себе» (Гребер 2016: 23). Возможно, интересующее меня бюрократическое знание тоже можно понять в сопоставлении со знанием магическим?

Как и сельские «знающие» — колдуны и знахари, кто-то «знает номера» и умеет коммуницировать с бюрократическими структурами, как будто для коммуникации с не-сельскими бюрократами нужны свои заклинания и способности. Любопытно, что эти бюрократические знания должны быть заключены в каком-то материальном артефакте. «Справочник» Варвары или ежедневники и потрепанные телефонные книги самих сельских бюрократов, куда заносятся самые разные номера, можно сопоставить с тетрадками с рукописными заговорами, которые изучают фольклористы. А сами бюрократические артефакты фетишизированы и, как кажется, аффективно заряжены — они внушают страх. Однако все же бюрократическое знание не настолько сакрально и строго эксклюзивно, как магическое. Поэтому магические коннотации я предлагаю оставить на уровне популярной метафоры и рассматривать бюрократическое знание лишь как один из наиболее значимых в сельском управлении подвидов *культурного капитала*. Вероятно, эта часть «внешнего богатства, превращенного в неотъемлемую часть личности», приобретаемый уровень «образованности» (Бурдье 2014: 299), оказывается в селе тем актуальнее, что значительная часть местных жителей — пенсионеры (пусть и пользующиеся интернетом, но, возможно, не привыкшие к поисковым системам), а возможно, дело в том, что интернет и связь появились не так давно (в Ильинке только в 2022 г.), а до этого номера и сами телефоны были у единиц. Так или иначе и в Павлове, и

в Ильинке, и в Большом нет устоявшейся и разделяемой всеми привычки звонить не-сельским бюрократам. Это удел отдельных «знающих» людей.

Структуру сельского управления, таким образом, следует представлять не как пирамиду, к вершине которой (главе поселения или лидеру другой местной организации) сходятся все остальные точки, и которая в свою очередь лежит в основании других пирамид (района, области, федерального округа); но как более разветвленную сеть, в которой между «главой» и «населением» существует несколько узловых точек, к которым могут обратиться «неграмотные» жители и которые умеют взаимодействовать с более высокими уровнями структуры в обход главы (например, сами звонить в районную диспетчерскую). Этих обладающих бюрократическим знанием и бюрократически агентных людей я предлагаю называть *вернакулярными бюрократами* — не занимающие официальных должностей в сельских органах власти, они в силу каких-то обстоятельств хранят, распространяют и используют бюрократическое знание, медируя доступ к государственным благам (например, Танька рассказала Галине Тимофеевне о том, что ей «положен» соцработник, и фактически обеспечила ей его).

Следовательно, говоря о сельском, независимом от местной администрации, управлении (в смысле выполнения четырех выделенных ранее задач), можно заключить, что, как и управление на районном, и государственном уровне, оно не осуществляется анархистски, самостоятельно каждым индивидом, но, грубо говоря, *поликефально* выстроено по персоналистскому принципу. О том, как вернакулярные бюрократы «добиваются» государственных благ в обход сельских администраций рассмотрим подробнее в следующих разделах.

Об одной грамотной: получая блага, которые «положены»

Есть еще одно сомнение в том, что возможно мыслить вернакулярное управление в Большом и Павлово как анархистское, помимо того, что слова моих собеседников и собеседниц чаще всего не отсылали к концепции горизонтально устроенной, саморегулирующейся системы без явного лидера. Во время полевой работы я нередко сталкивалась с тем, что люди не избегали государства, подобно скотовским крестьянам на юго-востоке Азии (Скотт 2017), но напротив, желали быть увиденными государством и вовлеченными в процессы распределения государственных благ, как, например, занимающиеся «партизанским аудитом» парагвайские крестьяне (Hetherington 2011), эвенки, называвшие себя коммунистами и патриотами и надеявшиеся на увеличение квот на пушную охоту (Ssorin-Chaikov 2003), или мексиканские крестьяне, ищащие

правильных посредников, способных, преодолев бюрократический лабиринт, вернуть себе обещанную государством землю (Nuijten 2003).

Безусловно, сельские жители нередко вовлечены в такую деятельность, которая скрывается ими от государства, — например, нерегламентированная продажа самогона, сигарет или содержание «неоформленной» фермы (без уплаты налогов) являются тем, что жители стараются от государства спрятать. Однако важное значение в той истории, которую рассказывает моя диссертация, на мой взгляд, играет контекст современной внутренней политики государства. В Главе 1 я писала о том, что сельские администрации встроены в единую вертикаль власти (которая должна оформиться окончательно, если произойдет полное реформирование системы муниципального управления), и анализировала, как это оказывается на работе сельских бюрократов. В этой главе, в свою очередь, я хотела бы обратить внимание на российскую социальную политику в момент моего исследования — в начале 2020-х гг. Национальные проекты, различные государственные, федеральные целевые и региональные программы, социальные выплаты и льготы для разных категорий граждан (пособия по безработице; материнский капитал; льготы для молодых семей; льготы на коммунальные услуги пенсионерам, инвалидам, многодетным семьям, ветеранам войн и т.д.) заставляют людей хотеть быть увиденными. Как известно, в современной России государство стало еще одним ресурсом, на котором промышляют жители деревень (Плюснин 2022b: 74). «Детские хорошо получают. Вот надеются все», — одно из популярных объяснений, почему в селе «некому работать».

Пособия и выплаты люди могут получать как по реальным основаниям, так и посредством разного рода махинаций, упоминаемых Юрием Плюсниным (Там же). Однако в контексте этой главы для меня важен сам распространенный способ восприятия государственных денег. «Все равно они от государства выделяются, почему будут пропадать?» — как-то сказал председатель Совета ветеранов из другого поселения того же района, планируя предложить восьмидесятилетней женщине оформить опекуна, чтобы тому шел трудовой стаж, а ей доплата к пенсии⁶¹. Мне неизвестно, насколько распространено такое отношение к государственным деньгам в принципе, однако во время своей полевой работы я много раз сталкивалась с рассказами о том, как люди пытались получить ту или иную выплату или субсидию и как выражали недовольство, если что-то им оказывалось «не положено» (всегда, конечно, «несправедливо»). Словно многие мои собеседники, в противовес разделяемой управленцами идеи о

⁶¹ Оформление опекунства над пожилыми людьми, недееспособными в силу заболеваний, расстройств психики и/или достигшими восьмидесяти лет — популярный промысел и в Павлове, и, полагаю, в Большом (доплата к пенсии; трудовой стаж опекуну). Вспомним, к примеру, как настойчиво Анна предлагала мужчине из Заречной оформить опекунство над материю (см. Глава 4).

государственных благах как о свободном гоббсианском даре (см. Глава 4), воспринимали государственные деньги как априори «выделенные» где-то и «положенные» каждому вне зависимости от того, подходит ли он под официальные критерии и испытывает ли в них необходимость. Чтобы знать, как «не дать пропасть» государственным благам и какие конкретно блага существуют, и нужно обладать бюрократическим знанием.

Впервые «не входя» в сельскую администрацию Алевтину Степановну я случайно встретила на улице, и она сразу пригласила меня в гости в свой огромный кирпичный дом, который построил ее муж — в 1990–2000-е гг. они держали большое хозяйство и неплохо зарабатывали на этом. Тогда я собирала данные о тружениках тыла и на всякий случай решила спросить женщину, знает ли она что-то о людях из списка. К моему удивлению, Алевтина Степановна, родившаяся в соседнем поселении и переехавшая в Павлово, на родину мужа, только в 1990-е гг., рассказала мне много подробностей о жизни тех, с кем в селе она жила недолго и кто был намного старше нее. Как оказалось, она сама добивалась для нескольких из этих людей звания — «все знали, что я всем хлопотала, и они ко мне обращались, и я писала, я уже знала куда». Алевтина Степановна объяснила, что она занималась сбором и подачей документов для тех, кто к ней обращался, потому что увлекается историей, в частности она изучала историю своей семьи и писала о ней книги, реабилитировала всех своих родственников, признанных «врагами народа», но еще не добилась реабилитации «для себя»: «Вот где справедливость? Вот я все равно этого добьюсь конечно <...>. Мне это [из материальных соображений] не надо, понимаешь? У меня <...>, я и “Ветеран [труда]”, и...» Звания «Ветерана труда» Алевтина Степановна тоже, по ее словам, «добивалась» для себя сама — в сельской администрации ей якобы отказались помочь: «Считается, что мы хорошо живем, мы богатые, и нам не положено, понятно? А мы с этим не согласны. То, что я заработала “Ветерана” — вы должны мне дать». В конце концов Алевтина Степановна получила «положенное». Она «доказала», что это звание присваивается «в Москве», куда, по ее словам, она и обратилась напрямую, не дожидаясь, пока списки претендентов на «Ветерана труда» с предприятия пройдут всю последовательность районных и областных кабинетов. «И после этого всем стали давать», «я все говорю, что надо бороться, и я борюсь».

Описанную активную борьбу на бюрократическом поле — за себя, и за других, — женщина развернула, на мой взгляд, не только и не столько в силу своего «интереса к истории» и желания исторической справедливости, но и потому, что она уже обладала бюрократическим знанием и навыком коммуникации с бюрократическими структурами, о чем отчасти упомянула сама («и я писала, я уже знала куда»). Бухгалтер по образованию,

долгое время она работала в городской пожарной службе и в отделе кадров («квартиры распределяла, я все решала, ко всем ездила, все проверяла. В общем, людям я помогала»), а затем была социальным работником в Павлово, где ухаживала за несколькими бабушками и «своими дебилами» (парой с психическими расстройствами).

Причастность к бюрократическим инстанциям и навык обращения с документами — это те свойства, которые сделали Алевтину Степановну вернакулярным бюрократом, человеком, обладающим бюрократическим знанием. Как будто «магия» бюрократических структур контагиозна — работавшие в этих инстанциях люди навсегда остаются заражены бюрократическим знатём, сохраняя навык обращения с документами, службами и чиновниками. У Алевтины даже имелось материальное воплощение ее бюрократического знания — точно такая же распечатка с номерами телефонов разных инстанций и жителей поселения, которая висела в кабинете Иры; некоторые номера в нее были вписаны поверху ручкой, т.е. список обновлялся и пополнялся. По словам Алевтины Степановны, таких как она «в Совете не любят», потому что они «знают больше», чем служащие администрации, а значит, нагружают «советских» работой и, добавлю, еще и оспаривают важное для сельских бюрократов притязание на то, что всей полнотой сельского и бюрократического знания обладают именно они (см. Глава 2).

В один из моих визитов, вероятно, восприняв и меня как «грамотную», Алевтина Степановна, советовалась со мной, как узнать, положены ли ей выплаты по уходу в связи с недавно полученной инвалидностью. Где-то «в районе» ей дали бумажку, где упоминалось, что инвалидам «положены» такие выплаты, и женщина задумала оформить своим опекуном соседку, мать троих детей — не ради самого ухода, но, по известной схеме, ради выплат и трудового стажа для последней. Вместе с Алевтиной Степановной мы звонили по указанному на бумажке с разъяснениями номеру, чтобы уточнить этот вопрос.

В тот же день женщине позвонила Алла Константиновна, «шабутная», по характеристике местных управленцев, жительница Павлово. Она увидела, что в село к кому-то приехали газовики и попросила их после заехать к Алевтине Степановне, которая с мужем также ждала их приезда. Алевтина Степановна поблагодарила Аллу и просила сходить для нее в магазин, ходить далеко Алевтине самой было тяжело. По всей видимости, Алла регулярно приносила покупки из магазина для Алевтины Степановны, она даже сама подсказала, что еще нужно купить, и принесла купленное в сумках, принадлежащих Алевтине. Пока Алла была в гостях, Алевтина Степановна в т.ч. объясняла ей, какие выплаты от государства ей положены в этом году, советовала идти добиваться их в администрацию или в городе, затем женщины вспоминали, получала ли

материальную помощь Алла в прошлом году. Иными словами, Алевтина Степановна была бюрократическим посредником Аллы, направляя ее и помогая добиваться от государства «положенного» по умолчанию. Однако за трансляцию своего бюрократического знания вернакулярный бюрократ не получала денег, как это делают муниципальные служащие. Ее помощь не приносила материальной выгоды, но возвращалась отдарком в виде доставки продуктов из магазина или заботливого координирования приехавших в село газовиков.

Культура государства: дотягиваясь до харизмы

Как-то уже после окончания полевой работы в ленте «Одноклассников» я увидела фотографию ильинского хора, которую разместила знакомая мне со времен концерта ко Дню народного единства Римма Ивановна. Под этой публикацией в комментариях завязался диалог, в ходе которого приятельница Риммы Ивановны из другого села посетовала на то, что дом культуры у них снесли два года назад, так что несмотря на близость к областному центру, в селе молодежи было некуда пойти. «Трудный случай. И все молчат? Ваш народ — кремень! — ответила Римма Ивановна. — Наш не стал бы молчать, до президента бы дошли». Эти слова имеют под собой основания — мне известны несколько рассказанных ильинскими жительницами историй о том, как им удалось чего-то «добыться».

Однажды вместо репетиции ильинского хора, по просьбе председательницы Совета ветеранов Маргариты Геннадьевны Зуевой, сделанной строгим тоном бывшей воспитательницы в детском саду, не в форме вопроса, но фактически ставя перед фактом, несколько женщин разместились вместе со мной в кабинетике заведующей клубом и рассказывали, как переехали в Ильинку и с какими проблемами сталкивались. После моего вопроса об инфраструктуре, которая была в Ильинке раньше, статная женщина в очках, Васса Игоревна — ныне воспитательница в детском саду, бывшая учительница и депутат Сельской Думы, взяла первенство в нашем полилоге и рассказала о том, как сама добивалась инфраструктурных преобразований в деревне. Переехав в Ильинку из Казахстана в 1988 г., Васса Игоревна с семьей сперва жила в вагончике, а затем получила добротный дом, где, однако были проблемы с центральным отоплением, которые привели к призыву из «района» всем переходить на природный газ. Т.к. Васса Игоревна была депутатом, она стала ездить «в район», добиваясь для ильинцев центрального отопления, однако районная администрация отказалась женщине в этом запросе: «А они приехали, знаете, такие красивые мужчины, все молодые парни: “Вот он у вас лес — берите пилы, пилите дрова и топите печки!”» Сын Вассы Игоревны, в то время учившийся в

университете в областном центре, написал для нее заявление и посоветовал собрать подписи односельчан. С этими документами женщина поехала в областную администрацию.

«Ну и всё, я туда приехала, первый раз я туда не зашла, потому что там ковровые дорожки, я испугалась, естественно. Вышла, он [сын] говорит: “Быстро, одевайся, переодевайся. Ты же с собой туфли взяла, платье взяла, переодевайся иди”. [Смеется.] Я переоделась значит и иду такая. Думаю, сейчас тормознет меня. А там же такая охрана стояла, вы что! А я как будто бы ни в чем ни бывало, с сумочкой через плечо и бегом-бегом. Он даже-даже [ничего не сказал]! [Смеется.]». С помощью женской хитрости проникнув в администрацию, Васса Игоревна обратилась в приемную с заявлением, после чего ей принесли «книгу» по Ильинке, в которой, к удивлению женщины, было указано, что к каждому дому в деревне уже проведен газ и асфальтирована дорога. Бумажная реальность, как это часто бывает, не соответствовала действительности, о чем женщина сообщила изумившимся, по ее словам, областным чиновникам и зарегистрировала свое заявление. Когда о проблеме из «области» сообщили районным бюрократам, те сперва возмутились тому, что Васса Игоревна «через голову прыгнула», однако женщина ответила, что сперва обращалась к ним, а значит иерархию не нарушила. «Ну и всё. И потом вот стали делать нам газ. Потом я стала собирать документы про дорогу, снова поехала в [областной центр]. А потом за телефон взялась. Вот считайте, это благодаря Парамоновой Вассе Игоревне газ провели, дорогу сделали, и телефон провели. Вот у меня было три цели!» Я спросила рассказчицу, почему именно она добивалась всех этих инфраструктурных преобразований, на что она ответила: «Потому что жила очень плохо и... [Усмехается, теряясь.] <...> Я плохо не жила, знаете. Я во-первых была очень боевая раньше. <...> Я могла идти и добиваться, вот это у меня было в то время».

Когда на следующий день все вместе мы сидели на лесном пикнике, Васса Игоревна задала своей верующей приятельнице по хору два вопроса о православии, которые ее волновали. Один из них мне кажется показательным в контексте данного раздела: «Вот почему говорят “такой-то такой-то раб божий”? Разве мы рабы? Мы сыновья. Почему мы рабы? Мы не рабы, а то и живем как рабы». Ранее я писала о том, что бюрократически агентные люди должны быть «грамотными» и зачастую «заражены» бюрократическим «знатъём», т.к. когда-то работали в бюрократических структурах. Наравне с этой контагиозной грамотностью, подвидом культурного капитала, заключающимся в навыке взаимодействия с бюрократией, на мой взгляд, есть еще одно важное качество, которое разделяют как сельские управленцы, так и вернакулярные бюрократы — умение «добиваться».

Меня интересовало, почему какие-то люди готовы предпринимать так много действий, добровольно становясь «агитаторами» среди односельчан или разворачивая бюрократическую борьбу. Как правило, в ответ на этот мой вопрос, люди находили причину своей повышенной бюрократической агентности в особенностях характера или биографии. Очень часто бюрократически агентные собеседники рассказывали (сами или в ответ на мой вопрос), что занимались общественной и организаторской деятельностью в советское время (были старостами класса и комсоргами). Васса Игоревна говорила, что настойчиво добивалась инфраструктурных преобразований, потому что «молодая была, боевая». Алевтина Степановна говорила о нереализованном «призвании» к преподаванию, повинуясь которому она, даже не получив педагогическое образование, все равно стала много общаться с людьми и помогать им. А Маргарита Геннадьевна вместе с заведующей в 2022 г. ильинским клубом обсуждали, что желание участвовать в самодеятельности и организовывать людей связано с тем, что «внутри у кого уже что сидит». «...Если уж человек по жизни он такой, он такой и будет, и в восемьдесят, и в двадцать». — «Да-да-да, — согласилась Маргарита Геннадьевна, смеясь, — ну вот не сидится же дома. Мой: “Сиди уже дома”. Вчера на репетицию, он: “Куда опять?” Приехала, замерзла, полежала — нет, надо бежать». Однако все-таки не менее важную роль, чем внутренняя предрасположенность⁶² (объект скорее психологии и других систем знаний о личности, чем антропологии), на мой взгляд, играет опыт работы в бюрократических структурах, в ходе которого люди накапливают нужный подвид культурного капитала и приобретают профессиональный габитус, или по аналогии с бурдьевистской «политической компетенцией»⁶³ (Бурдье 1993а: 103–105), *бюрократическую компетенцию*.

Центральным понятием известной книги Наяники Матур о смертельной нерасторопности индийской бюрократии является индийский термин «sarkar» — «власть государства, заключенную внутри» (*intimate repository of state power*), «воплощение государства» (Mathur 2015: 22, 40). «Sarkar» может обладать (становиться «sarkari»⁶⁴) не

⁶² О значимости в современной России настойчивых «активистов» — «опытных собеседников с государством» — пишет Джереми Моррис, определяя напористость этих личностей как интерсубъективный эффект призрачно-присутствующего социализма и желания общности, а не индивидуальное психологическое качество (Morris 2025: 77, 183–193).

⁶³ «[Т]ак же, как и религиозный, художественный или научный габитус, габитус политика предполагает специальную подготовку» (Бурдье 1993б: 188). У политика должно быть много свободного времени и специфический культурный капитал (Там же: 183). Он должен обладать специфическими знаниями, накопленными другими политиками, владеть политической риторикой и пройти инициацию, чтобы «привить практическое владение логикой, имманентной политическому полю, и внушить действительное подчинение [его] ценностям, иерархиям и цензурам» (Там же: 188). О необходимости подобной подготовки справедливо говорить и в отношении (вернакулярных) бюрократов.

⁶⁴ Как отмечает Матур, прилагательное «sarkari» может использоваться не только в указанном выше значении, но и в значении «механически следующий приказу», «подчиняющийся рутине», «узколобый»; в других контекстах «свободный» и мн. др., ассоциирующееся с государством. «Sarkari» может быть вкус картофельной котлеты в поезде; физическое прикосновение исчезающей формы; фразеология публичных

только правительство как орган власти, но и отдельные люди, и вещи, и документы, и места, «зараженные его магией» (*Ibid.*: 22). К примеру, Матур описывает «*sarkar*» как аффект, образующийся, когда индийские чиновники взывают к уважению к государству (*Ibid.*: 31–32). Таким образом, можно сказать, что служба в системе бюрократии в каком-то смысле буквально делает людей бюрократами по нутру, меняет их внутреннюю сущность так, что они начинают воплощать в себе государство и излучать его энергию вовне (они сами становятся *sarkari*). Применительно к рассматриваемому мной случаю, можно сказать, что, повинуясь подобному принципу, сельские вернакулярные бюрократы благодаря опыту работы в какой-либо бюрократической структуре (в настоящем или в прошлом) навсегда остаются причастными к бюрократии как системе правил обращения с государством, они наделяются внутренне, габитуально присущим им талантом взаимодействия с ним. Вспомню одну показательную историю.

Проблема, актуальная для всего района, где проживали герои моего исследования, — это сезонные пожары, когда каждый год горели торфяные болота и окружающие поселения леса, создавая угрозу и для самих населенных пунктов. Вокруг Ильинки пожары случались регулярно, но при этом в деревне долгое время не было стабильной сотовой связи — установленные в Павлово и в центре соседнего поселения, по середине между которыми находится Ильинка, вышки разных операторов якобы полностью блокировали сигнал здесь. «Мы даже экстренно не можем вызвать кого-то... Вот деревня сгорит, и никто не узнает! Это страшно. Очень», — рассказывала мне Варвара Станиславовна историю появления в Ильинке вышки. Сперва по поводу этой проблемы жители обращались в местную администрацию, но сельские бюрократы якобы отвечали, что не могут ничего сделать; а служащие компании оператора мобильной связи отказывали из-за маленькой численности жителей — «мы же не знаем ничего, сколько действительно проживает-то; сами так посчитали, у нас не получается триста пятьдесят человек [минимальное население для установки вышки в н/п]».

В один из сезонов пожаров в гостях у Варвары была ее дочь Соня: «Она говорит: «Все, начинаем»... Она раз умная девочка. Мы-то уже с прошлого века, нам сказали «пойдите» — мы пошли. Я, конечно, там полаюсь, поору, но без бумажки я же букашка. А мне в письменном виде отказ никто не даст... Ну в общем отговорки найдут... А она все это записывала, она все у себя сохраняла». По словам Варвары, Соня обратилась в сельскую администрацию, потом в районную и в областную. Она собирала письменные отказы и делала диктофонные записи разговоров, «пошла по всем депутатам», пока

объявлений из громкоговорителя; или сам вид автомобиля с послом или полотенца, наброшенного на спинку большого офисного кресла» (Mathur 2015: 24–25).

помочь не согласился молодой мужчина, баллотировавшийся в тот год в Областную Думу. Содействия в итоге он, по всей видимости, не оказал, но посоветовал написать коллективное письмо и собрать подписи жителей. Когда Соня и Варвара получили этот совет, они были в отъезде, и на помощь им пришла родственница, также живущая в Ильинке. В декабре Соня «вышла на приемную президента, и туда вот это все-все-все отправила». Через два дня ночью, как подчеркнула Варвара, приехали специалисты и начали строить вышку.

Так, Соня, работающая в бюрократической структуре (службе судебных приставов) и поэтому обладающая нужным культурным капиталом, в итоге добилась появления в селе необходимого инфраструктурного объекта. При этом стоит обратить отдельное внимание, на то, какую роль в этом деле сыграла фигура президента, воплощенная в ней *харизма*. Макс Вебер пишет, что харизматическое господство «опирается на сиюминутное откровение и сиюминутное творчество, на деяние и пример, принятие решения происходит отдельно для каждого случая <...> — иррационально»; «специфически внеповседневное и чисто личное социальное отношение» (Вебер 2019: 409–410; 412). «Президент», несомненно, для многих жителей обладает харизмой — как личностной (в контексте персоналистской концепции государства), так и должностной, воплощающей веру в саму государственную власть (Там же: 211). Чего стоит сама иррациональность времени (ночь), выбранного для строительства вышки якобы в связи с исполнением воли президента, начало этого строительства как по волшебству, подчиняясь известной нам хронополитике срочности (см. Глава 1). Знание вернакулярных бюрократов предполагает умение найти выход на влиятельного, харизматичного человека (не обязательно президента, но, например, на районного или областного⁶⁵ чиновника, депутата или на бизнесмена), и обзавестись его поддержкой.

При этом не имеет значения, что за словом «президент» скрывается целый штат делопроизводителей. Президент в воображении многих героев исследования является той конечной инстанцией, к которой они могут обратиться, когда на всех предыдущих уровнях получили (как им кажется, незаслуженный) отказ или их проблемы и просьбы были проигнорированы. «Носитель харизмы пользуется пиететом и авторитетом в силу послания, воплощенного в самой его личности, — послания, носящего революционный

⁶⁵ Одним из таких «харизматичных» чиновников в исследуемом районе считался депутат Областной Думы Кох. Мне говорили, что в большовском спортклубе появились тренажеры, потому что «Кох приезжал, то ли Анна Артемовна ему письмо писала, Кох выделил средства». Говорили, что в Павлове «Кох помогал» открыть новый модульный ФАП, а ильинские жители в ответ на свою просьбу получили от Коха в подарок новую гармонь. Как и любое господство, господство харизматическое предполагает добровольное повиновение воле господина — помочь президента или Коха выступала для управленцев аргументом, почему граждане должны голосовать за ведущую партию. Как сказала Анна, «за кого-кого, а за Коха я бы и так проголосовала, он вообще везде».

характер, опрокидывающего иерархический порядок ценностей <...>» (Вебер 2019: 187). Харизма президента, как кажется, неоспорима, словно он может совершить чудо и наделить государственным благом даже при отсутствии на то достаточных оснований — главное попросить и, что особенно важно, попросить правильно. Вновь вспомню, как в Большом от лица обратившегося в администрацию жителя я писала письмо президенту, чтобы добиться для его жены звания «Ветерана труда» (см. Глава 4). Ранее Анна помогала мужчине подавать обращения на местном уровне и ему отказывали, но позже знакомый посоветовал ему «писать президенту» — таким способом советчик, по его словам, уже «добрался» всего для себя. Я говорила с просителем по телефону и записывала с его слов детали трудовой биографии жены, чтобы составить письмо. В конце разговора мужчина сказал: «Теперь вот еще какой вопрос. Я себе тоже звание хочу. Но двух ветеранов в одну семью не дают?.. Я проработал сорок два года на одном месте... Но сначала с женой решим, потом уж я для себя».

Стоит сказать, что относительная доступность «государства» и цифровизация⁶⁶ государственных и муниципальных услуг — это важный контекст, влияющий на практику сельского управления. «Госуслуги», городские МФЦ, официальные сетевые ресурсы Президента России для многих жителей Большого⁶⁷ и Павлово стали более удобной альтернативой взаимодействия с бюрократами, а часть прежней работы сельским специалистам и вовсе запретили делать, передав ее сотрудникам МФЦ. Как-то о жителях Павлово Анна сказала «они живут своим мирком, в интернете так не сидят, как здесь». Действительно, у меня сложилось впечатление, что павловчане (но не ильинцы) в большинстве своем не привыкли к «Госуслугам» и другим цифровым сервисам. Они не говорили мне о таком способе решения бюрократических проблем, несколько раз я слышала, как Ира консультировала кого-то по поводу того, что и как нужно подать на этом портале, а когда я принесла в павловский ФАП полученный от соцзащиты QR-код для записи в поликлинику, мне пришлось долго объяснять медикам, что это такое. «Может быть, кто городские, или молодежь — это для них, не для нас», — растерянно разглядывая распечатанный код, сказала Таисия Николаевна.

---

⁶⁶ Цифровизация российского управления происходила постепенно с 2002 г. «Новая вертикально интегрированная государственная инфраструктура» позиционировалась как «снижающая тяготы бумажной волокиты и чрезмерного регулирования» и упрощающая бюрократические процедуры для пользователя (Gritsenko, Zherebtsov 2021: 34). Растущая цифровизация политики и управления создала новые ожидания политической прозрачности (идею «открытого правительства») (Wijermars 2021). Парадоксальным образом эта открытость лишь способствовала укреплению управленческой вертикали и усилиению государственного контроля (как над чиновниками, так и над политической оппозицией, и над простыми гражданами) (*Ibid.*).

⁶⁷ В 2023 г. новенькая (и проработавшая в администрации около года) местная специалист по социальной работе Рената, по ее словам, «приучила» большовских жителей ездить в МФЦ — вновь обращу внимание на идею специализированного бюрократического знания, которому нужно обучаться.

«У нас же вся крутизна, все везде ездят, все всё знают», — сравнивала с павловскими жителями большовцев Анна. Это знание, т.е. бюрократическая грамотность, проявлялось не только в том, что жители активнее пользовались цифровыми бюрократическими сервисами и МФЦ (возможно, потому что в целом население здесь было более молодое и мобильное ввиду близости к городу). Бюрократическое знание большовцев воплощалось и в том, что здесь люди чаще писали письма президенту: «Вот люди, президенту пишут. <...> Я сроду даже не знаю, куда ему писать», — с горькой ironией комментировала Анна новость об очередном письме.

То письмо написала уже не раз появлявшаяся в этом тексте «недовольная» Наталья Воробьев — женщина средних лет, активная пользовательница большовского чата и рекордсменка по количеству высказываемых там жалоб, мать ребенка с инвалидностью и, по мнению управленицев, одна из главных «потребителей», которая считает, что из-за болезни сына «ей все всё должны». Когда во время интервью я спросила Наталью, есть ли в селе какие-то проблемы, она посетовала на то, что у нее в доме до сих пор печное отопление, хотя «по распоряжению президента о догазификации» газ должны были бесплатно подвести в 2023 г., а Анна Артемовна обещала помочь приобрести газовый котел, но «газовые службы тянут». Между тем уже приближался август, а возле дома Натальи еще не было стояков, что тревожило женщину. «Написала письмо президенту. Впереди зима — опять дрова... Уже не знала, куда обращаться», — поделилась со мной женщина.

Через несколько дней в кабинет Анны зашла специалист по социальной работе Рената. На ее почту социального работника пришло письмо о том, что с территории поселения написано письмо президенту от Воробьевой Натальи, «мол “помогите провести газ, ребенок-инвалид, денег никаких не хватает, работает один муж”». Ренате нужно было подать характеристику на семью и заполнить акт. «Как обычно. Смысл, [что] они пишут? Все приходит к нам на место», — смеялась Анна. «Все будет зависеть от того, как мы напишем... Привыкли писаки писать везде. Тут даже бы сроду писать никуда не стал бы. Все бы пришло своим чередом».

Таким образом, можно говорить о двояко устроенной бюрократической системе в современной России. С одной стороны, она иерархизирована и рациональна в веберовском смысле слова: человек отправляет запрос (через сельскую администрацию, МФЦ или «Госуслуги») и, если на то имеются справедливые и подкрепленные нужными документами основания, получает государственное благо. С другой стороны, «знающий» (и задетый «равнодушием» и бездеятельностью местных бюрократов) гражданин может обратиться к влиятельному лицу и уповать на его харизму в обход линейной

бюрократической схемы. Однако путь в обход часто оказывается не самым прямым. Письма президенту в конечном итоге приводят обратно в кабинеты сельских бюрократов, создавая для местных управленцев еще одну «срочную задачу». Письмо Воробьевой скорее всего бесполезно — Рената сделает характеристику на ее семью, составит акт, и Наталья получит ответ, что уже стоит в очереди на газификацию, деньги на котел, как и обещали, ей тоже дадут. Другой вариант — письмо, которое способно навредить той цели, ради которой оно написано.

К примеру, одной из насущных проблем в Большом была местная школа, в которой давно не было ремонта, хотя его и пытались «добиться». В один из дней Анна поделилась, что накануне моего приезда ей «названивала» местная жительница, «что “мы пишем готовим письмо на [областной центр] на школу, чтобы сделали ремонт”. Я говорю: “Так, подождите, какое письмо готовите? Вы щас наготовите письмо так, что потом скажут: “Нахер эту школу вообще ремонтировать, проще ее будет расформировать, детей отправить в [соседнее поселение], других это самое в [другое поселение по соседству]. И всё”». Беспокойство Анны было не напрасным — ранее к подобному результату жителей поселения уже привели жалобы на старый клуб в Заречной: «Это уже было, когда люди жаловались, вот на Заречную на этот клуб, его можно было отремонтировать, он бы стоял еще и стоял, клубишко, который был. Все жаловались, его просто взяли закрыли, и все, и сказали, будет приезжать... выездная бригада, агитбригада, концерт и все. Я говорю, вы щас доэтосамое тоже». По словам Анны, этот аргумент убедил звонившую, она обещала принести получившееся письмо сперва на согласование Анне.

Важно оговорить, что знание вернакулярного бюрократа может быть недостаточным, а бюрократическая «магия», нарушающая последовательное продвижение запроса от нижестоящего к вышестоящему уровню бюрократической иерархии, может стать вредоносной. Как более опытная и профессиональная бюрократическая знающая, глава призывала бюрократически агентную жительницу к согласованному действию: «...показать администрации так и так, что они скажут, что они не это самое, откажут — пишем дальше, обращаемся к депутату, но это чтобы отходило от администрации, а не так вот». Тем самым чиновница не только защищала односельчан от возможных негативных последствий просьбы в неправильном тоне, но и вступала с ними как с союзниками, обращающимися к ней за помощью, в личные отношения дарообмена (см. Глава 4).

В ранее упомянутой книге о борьбе мексиканских эхидатариев за землю Моник Нейтен предлагает использовать понятие «культура государства» (culture of the state) — разделяемые гражданами «способы представления и интерпретации, которые характеризуют отношения между государственной бюрократией и посредством которых

формируется идея государства» (Nuijten 2003: 17). Культура государства складывается из того, как люди интерпретируют речи, официальные акты и документы, и как сами пишут какому-то «влиятельному человеку» (*mighty actor*). Мексиканская бюрократия 1990-х гг., о которой пишет автор, децентрализована, в документах и делопроизводстве много неразберихи, и мексиканские эхидатарии пытаются решить свои бюрократические проблемы с помощью чиновников-посредников, систематически их обманывающих и наживающих на их доверчивости. Однако один из значимых эффектов бюрократии, как показывает Нейтен, — это производство надежды, и крестьяне сохраняют свою веру в могущество каких-то иных посредников, знающих особые правила и скрытые тропы, способные вывести эхидатариев сквозь бюрократический лабиринт к нужной цели, положенному по праву участку земли (*Ibid.*: 116). Находясь в бесконечном поиске правильных посредников, эхидатарии, согласно автору, воспроизводят идею (сильного) государства — мечту о государстве не как о веренице более или менее влиятельных групп людей («правительство», «богачи», «бедняки»), но как о непредвзятом судье, едином центре управления, влиятельной фигуре президента, который может помочь крестьянам вернуть «потерянную землю» (*Ibid.*: 92).

На мой взгляд, идея государства, которую разделяют жители двух сибирских сел, где я работала, также связана с воображением «влиятельных людей», которые помогут, — иногда просто в силу своей харизмы, но чаще если иметь нужный культурный капитал, помогающий до их харизмы добраться, если знать, как правильно к ним обратиться и быть достаточно настойчивыми. При этом современная российская бюрократическая система значительно отличается от описанной Нейтен. На мой взгляд, российскую бюрократию корректнее будет представить не через метафору лабиринта (напротив, она выстроена в целом довольно четко), но через фигуру отказа и аффект равнодушия.

Система бюрократии в современной России устроена вертикально, и по идее решение каждой проблемы требует обращения сначала к самому близкому органу власти с дальнейшей переадресацией запроса на следующий уровень, если это необходимо. При этом если городские бюрократы могут заниматься «социальным производством равнодушия» (Herzfeld 1992) — отказывать в обращениях без подробного объяснения причин, вести коммуникацию с клиентами в нейтральном, надменном или грубом тоне (см. Мартыненко 2025), то нормами сельского социального пространства сельские бюрократы принуждены к (вос)производству аффекта заботы и, как правило, избегают того, чтобы их слова и действия были считаны как «равнодушие» (См. Глава 3). Однако если на самом нижнем, сельском уровне гражданин встречает сопротивление в решении своего запроса или считает, что служащие «равнодушны» к его проблеме, то он может

обойти эту «лестницу» управления — взамен чиновников, осуществляющих повседневное управление, обратиться к «внеповседневной» харизме влиятельного лица напрямую. Харизматический бюрократ может вернуть запрос обратно на нижний уровень власти, переведя просьбу односельчанина в приказ «сверху», или сразу же исполнить просьбу. При этом, чтобы добраться до харизмы, нужно знать как найти обходной путь и куда стоит идти, т.е. обладать бюрократическим знанием.

Как отметил один из героев книги Джереми Морриса, вовлеченный в активистскую деятельность: «Это странная ситуация, когда закон в определенной степени “работает”, если вы подготовлены к взаимодействию с ним» (Morris 2025: 183). В данном разделе я хотела показать двоякое устройство современной бюрократической системы России: с одной стороны, иерархизированной и цифровизированной, но одновременно с этим, ввиду своей рассогласованности (*Ibid.*: 127), требующей особого бюрократического знания и габитуального умения взаимодействия с государством. В этой ситуации, как мне представляется, сельские бюрократы не тождественны государству — не являются его прямой персонификацией, но служат наиболее подготовленными посредниками во взаимодействии с вышестоящими государственными структурами. В случае неудачного посредничества или негативного опыта взаимодействия, этого посредника может заменить бюрократ вернакулярный. Загвоздка состоит лишь в том, будет ли у него достаточно свободного времени, знаний и умений.

Выводы

Итак, в заключительной главе своей диссертации я проанализировала несколько историй о том, как жители Большого и Павлово решали управленческие проблемы в обход служащих сельских администраций — собирались на совместную деятельность, взаимодействовали с не-сельскими бюрократическими инстанциями, получали доступ к государственным благам и добивались инфраструктурных преобразований. Однако, как я старалась прояснить, многообразие примеров этого альтернативного сельским муниципальным служащим управления вовсе не означает, что можно положительно и однозначно ответить на центральный для этой главы вопрос «Может ли село не быть управляемым, но управляться само?».

Во-первых, как было показано, среди героев исследования не распространена сама идея горизонтально устроенной самоорганизации без ярко выраженных лидеров, которые бы «собирали» людей — это скорее нереализуемая мечта самих управленцев. Во-вторых, даже минимальное (с точки зрения городского жителя и человека с высшим образованием) бюрократическое знание — не является всеобщим, но распределено между

несколькими наиболее «грамотными» и бюрократически агентными людьми, которых я предложила называть *вернакулярными бюрократами*. По моему предположению, эти вернакулярные бюрократы «заражены» бюрократическим знанием, т.к. имеют опыт работы в бюрократических структурах; с другой стороны, их управленческая агентность обусловлена, как говорят сами люди, внутренне присущими их характеру особенностями и деталями биографии.

Вернакулярные бюрократы обладают особым видом культурного капитала, который в т.ч. позволяет им находить доступ к бюрократической харизме — «помогающим» чиновникам, другим влиятельным людям или «президенту», которые, по их мнению, способны одарить жителей желаемыми государственными благами. Так, если жители считают, что им что-то «положено» по договору в гоббсианском смысле, то во множестве случаев действовать они вынуждены, обращаясь не к государству как к системе рациональной бюрократии, но (особенно в случае неудачи) к влиятельным людям, которых нужно найти, правильно попросить и проявить в своей просьбе настойчивость. Действовать в обход местной администрации вернакулярным бюрократам и другим жителям позволяет современная социальная политика государства с многообразием программ, льгот и выплат, а также уровень цифровизации государственных и муниципальных услуг.

Таким образом, на примере практик альтернативного муниципальным служащим управления я попыталась реконструировать *культуру государства*, которую разделяют по крайней мере некоторые жители Большого и Павлово. Многими моими собеседниками государство видится как источник благ. Это не лабиринт, как описываемая Моник Нейтен мексиканская бюрократическая система, и не дар ничем не обязанного суверена, как позиционируют государство управленцы, но скорее вечный должник, пещера с заготовленными для всех сокровищами, и чтобы получить их, нужно найти знающего заветные слова и самому быть достаточно настойчивым в этом поиске, буквально своими усилиями «выбивать» себе вход. При этом едва ли бюрократическую борьбу легче вести в одиночку.

«Ну людям всегда так кажется, что это от них только, что кому-то жалуются», — сказала Анна в ответ на мой рассказ о чудесном появлении вышки сотовой связи в Ильинке. Бюрократическое знание сельских управленцев позволяет случайно не навредить общему делу, а запросы в обход, когда нарушается прямая последовательность делопроизводства, все равно в большинстве своем спускаются обратно на места, только меняя статус обращений для сельских управленцев с «просьбы» снизу на «требование» сверху.

Наиболее эффективной главным героям моего исследования видится система сельского управления, которая построена на принципах кооперации, когда вернакулярные бюрократы и «грамотные» жители согласуют свои действия с сельскими управленцами, играют с ними в одной команде. С другой стороны, не случайным мне кажется и то, что известные мне вернакулярные бюрократы, «добивавшиеся» чего-то для себя, односельчан или поселения в целом, негодовали по поводу равнодушия, обделенности вниманием или прямых отказов в помощи служащих местной сельской администрации: «Ильинка им как гость в горле»; «в Павлово все делается!.. А нашим пойди-попроси — хрен!»; «Проблем здесь очень много! Только сельский совет на нас большой и толстый положил. Они на нас... ну не обращают внимания. Я даже на выборы перестала ходить, потому что я во все это не верю!» Так, как кажется, бюрократически агентные вернакулярные бюрократы начинают самостоятельно добиваться чего-то, когда не находят нужной отдачи от главы поселения. Возможно, поэтому в Большом я слышала, что кто-то другой сам «добился» чего-то для села, обратившись к харизме вышестоящих чиновников, только от пары людей, которые поддерживали другую политическую партию и поэтому считались «оппозиционерами». Все остальные говорили о том, что добивалась преобразований Анна, что она помогала кому-то другому это делать или что что-то появилось само, благодаря «государству» (см. Глава 4).

На последнее объяснение я бы хотела обратить отдельное внимание. Мне кажется, размышляя о сельском (само)управлении есть риск преувеличить агентность простых жителей, которые могут управляться сами, или агентность сельских глав или вернакулярных бюрократов, которые этих людей так или иначе организовывают и которые управляют поселениями. Между тем локальное социальное пространство села — это часть пространства государственного, вписанная в него и подчиняющаяся правилам игры на его поле. Как известно, в России существует сильная финансово-экономическая дифференциация регионов. «Ближе к России, в Тверской области, хуже в деревнях», — говорили сотрудницы большовского детского сада, указывая на эту разницу. В регионе, где проходила моя работа, инфраструктурного благополучия, по всей видимости, добиться было проще, чем во многих других субъектах Федерации, здесь реализовались областные программы, позволяющие на это благополучие притязать.

Однако условия не равны и между поселениями одного региона. Вновь вспомню, что сам выбор поселения, где будет модернизирован тот или иной объект инфраструктуры, по мнению Анны, «район» делает с учетом «перспективности» территории: «Они выбирают села эти [более упадочные] за тем, чтобы народ-то совсем не разбегался с этих сел-то, чтобы хотя бы чем-то зацепить, чтобы народ сидел» (см. Глава

4). Так, если на уровне управления внутри поселения (проведения праздников, мобилизации на коллективную деятельность) и на уровне государственных благ, распределяемых индивидуально (субсидий и выплат) и правда можно чего-то добиться, имея бюрократическое знание, то говоря о более масштабных инфраструктурных преобразованиях, эффект от управленческого геройства, как кажется, более ограничен внешними структурными обстоятельствами — государственной, региональной и районной политикой. И добиться чего-то вопреки этой политике можно разве что имея связи с могущественными людьми.

В одном из поселений района управление осуществлялось немного обособленно от районной администрации, этому селу «помогал» один влиятельный на федеральном уровне экс-чиновник и ныне крупный бизнесмен, уроженец этого поселения. На деньги мецената в селе строились спортивные сооружения, дом культуры, церковь, а сам меценат находился на связи с сельскими управленцами и во многом координировал их. «[Главе этого поселения] легко работать, когда вот такие у него есть заслуженные. <...> Когда есть вот такие заступники, че бы не работать?» — мечтательно и печально как-то сказала Анна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В тот рабочий день в августе 2021 г. после обеда я вновь обзванивала избирателей. Это очень утомительная работа: не проблема обзвонить сотню людей и рассказать о выборах, не проблема спросить, за кого они будут голосовать, но угнетает необходимость говорить и спрашивать все это, зная, что мне совершенно не важен ответ — важно, чтобы на том конце сняли трубку (и желательно подольше ее не клали, т.к. фиксируется длина разговора вплоть до секунд), а я в любом случае отмечу только то, что требуется для отчета. Этот обзвон казался мне нечестным и бессмысленным, о чем я рассказала Ксюше, чей рабочий телефон я оккупировала на время обзыва. Специалист отлично понимала мои чувства и поспешила объяснить: «Когда я пришла работать, Анна Артемовна мне сразу сказала: “Мы исполнительная власть, не законодательная. Наше дело выполнять поручения свыше. Даже если с чем-то не согласна, относись спокойнее. С этим ничего не сделаешь. Уйдем мы — придут другие”».

Это мудрое наставление главы молодому специалисту содержит в себе указание на противоречивый статус служащих сельских администраций, которым посвящена данная диссертация. С одной стороны, они сами называют себя «властью», как это делают и многие жители. С другой стороны, парадоксальным образом, их «власть» в реальности практически безвластна и подчиняется правилам государственной структуры управления и нормам сельского социального пространства. Классические тезисы об относительной автономии и политическом потенциале уличных бюрократов (Lipsky 1969; 2010) оказываются мало применимы к реалиям исчезающего сельского муниципального управления в современной России. Широкой дискреции служащих сельских администраций противоречит все более укрепляющаяся вертикаль государственной власти (бюджетная и избирательная зависимость и хронополитика срочных требований, угнетающая темпоральность сельских бюрократов), а также встроенность низовых чиновников в сельское социальное пространство, их зависимость от своих клиентов (что показательно, никогда так не называемых, но именуемых просто «нашими людьми»). Сами чиновники осознают уязвимость своего положения и постоянно сетуют на нее, однако в то же время пытаются соответствовать популярному образу (сельской) власти и регулярно демонстрируют управленческую проницательность и способность к классификациям разного уровня, свойственную «хозяину территории».

Как показано в диссертации, два вида социального пространства, в которые вписано сельское управление, взаимозависимы: чтобы в условиях ограниченности ресурсов и небезопасности, диктуемой государственным социальным пространством, служащие сельских администраций могли осуществлять управление и реализовывать

свою «исполнительную власть», им необходимо иметь авторитет среди жителей подведомственных поселений внутри сельского социального пространства. Данный авторитет, по моему предположению, складывается из четырех главных составляющих, отражая ключевые ценности локального социального пространства. Он требует «знания» (бюрократического и сельского «знания всех»), «простоты» (релевантного сельской среде модуса коммуникации, позволяющего заработать необходимый аффективный капитал), «безотказности» (а также ее превосходной степени — настойчивой помощи) и «трудолюбия» (таких заметных со стороны проявлений «работы», как, к примеру, инфраструктурные преобразования). При этом авторитет сельских управленцев — это хрупкая форма господства, он не дается чиновникам априори в силу их должности или сопричастности территории, но требует постоянного переподтверждения в практике управления. «Люди сегодня скажут спасибо, а завтра начнут говорить, какие все нехорошие. Потому что власть никто не любит», «человеку девять раз сделай хорошо и один раз сделай плохо — он запомнит последний», — устало замечала глава Павловского поселения Надежда.

Сельский авторитет встроен в сложную систему обмена, связанную с концепцией государства, которую я попыталась реконструировать, исходя из анализа высказываний героев этого исследования. Управленцы и некоторая часть жителей разделяют разные представления относительно долговых отношений с государством. Эти противоречивые точки зрения я предлагаю соотносить с двумя видами перенесения прав, выделенными Томасом Гоббсом (Гоббс 2022: 129–131). Так, управленцы и некоторые жители считают российских граждан априори обязанными государству — свободному дарителю, сверху вниз поставляющему свои *гоббсианские дары*, и поэтому призывают жителей к благодарности и нетребовательности. Другие герои исследования, напротив, определяют своим должником государство, *по договору* обязанное обеспечивать им достойный уровень жизни, и пытаются «добиться» от него положенных благ в кооперации с местными бюрократами или в обход них, и часто получают в глазах управленцев порицаемый статус «потребителей».

В процессе дарообмена между гражданами и государством сельские бюрократы всегда занимают позицию медиаторов. При этом, передавая из своих рук его дары (сообщая о наличии государственных благ, уговаривая подавать на них документы и осуществляя необходимые бюрократические процедуры), сельские бюрократы одновременно рассчитывают, что они сами вступают с односельчанами в *моссовский дарообмен*, обязывающий второго участника транзакции к отдаче — содействию в

управлении, которое необходимо служащим администраций при всей уязвимости их позиции в структуре муниципальной власти.

Так насколько же сельская администрация — необходимый орган власти в сельских поселениях? Если форма власти местных чиновников хрупка и ее поддержание так трудоемко, а реальные возможности воздействия на социальное пространство весьма ограничены, то, может быть проводящаяся реформа муниципального управления, давшая первоначальную интригу моему исследованию, ничего в особенности не изменит и оправдана? Как было показано в заключительной главе, коммуникация с государством требует бюрократического знания и особой компетенции, а значит, в данный момент в сельском управлении необходимы посредники в лице официальных чиновников или не имеющих должности *вернакулярных бюрократов*, когда-то ранее работавших в бюрократических структурах и сделавших умение взаимодействовать с бюрократией частью своего габитуса. Уместно предположить при этом, что, как и в любом деле, любители чаще всего будут проигрывать профессионалам — тонкости внутренней механики бюрократии вернакулярным бюрократам известны в меньшей степени, чем тем, кто ежедневно совершенствует свой бюрократический навык и тратит на коммуникацию с государственными структурами большую часть (рабочего) времени.

Между тем сама *культура государства* устроена двояко — с одной стороны, это иерархизированная, последовательная и цифровизированная система, с другой стороны, в ней заметен персонализм, связанный с воображением внеповседневной харизмы «влиятельных людей», добраться до которой позволяет опять же не повсеместно распространенное, но имеющееся у конкретных людей бюрократическое знание. Соответственно, для осуществления управления необходимы отдельные волевые личности, умеющие с этой системой обращаться и готовые «добиваться» государственных благ и преобразований, несмотря на все существующие в государственном социальном пространстве сложности. Кто станет таким «добытчиком», когда закроются сельские администрации? Кто будет передавать дары государства и создавать столь важный в селе аффект заботы? Или с исчезновением фигуры «добивающегося» и «заботящегося» исчезнут и мечты об «организаторе»? Сейчас в это мало верится, но возможно, изменения в структуре управления приведут к изменению представлений и ожиданий, и наконец станет развиваться самоорганизация и самостоятельность в решении проблем? Нам остается подождать, пока время даст свои ответы на эти вопросы.

Что касается тех двух администраций, рассказу о которых я посвятила свою диссертацию, то необратимые изменения там уже наступили. После окончания моей полевой работы там были ликвидированы должности бухгалтеров и собственный бюджет,

а в 2025 г. исчезли сами «сельские поселения», ставшие частью муниципального округа, что говорит о том, что с неизбежными изменениями в скором времени столкнутся и сельские администрации как органы местного самоуправления. Впрочем, изменения, о которых я бы хотела сказать в заключение, в Большовском поселении наступили еще до осуществления реформы.

Во второй половине 2024 г. Анна вместе с коллегой из другого поселения Екатериной реализовала давно лелеемую идею уволиться с работы — обе главы досрочно покинули свою должность и устроились работать проводницами на железной дороге. Это решение разные люди объясняли по-своему. Любопытным образом, дошедшие до меня слухи отражают ключевые особенности сельского управления, о которых я упоминала в исследовании, поэтому этот материал, полученный *post factum*, кажется мне заслуживающим внимания.

Как упоминала сама Анна, когда мы виделись летом 2024 г., после окончания моей полевой работы, узнав о ликвидации в сельских администрациях должностей бухгалтеров, она захотела уйти с работы вместе с бухгалтером Настей, поскольку перспектива работы вдвоем с Ксюшей ей не казалась привлекательной ввиду разных подходов женщин к работе и самого объема этой работы, который, как предполагала глава, увеличится. В этом обосновании решения уволиться можно увидеть указание на уязвимость позиции сельских чиновников, их зависимость от районной администрации и потребность в доверии к членам своего коллектива, с которыми можно разделять обязанности, не подвергая себя большей опасности. Кроме того, для Анны имел значение выигрыш в зарплате, который принесла бы ей смена работы, что прямо указывает на такую присущую сельской бюрократии черту как недофинансируемость.

От управленца из соседнего поселения я услышала другую версию. Она гласила, что после паводков на территории сельских поселений было много разрушений из-за строительства дамб (в особенности в Большовском поселении) — огороды на приусадебных участках некоторых жителей были перекопаны, повсюду оставался мусор. Данное обстоятельство вызывало недовольство у местных жителей, но сельская администрация не могла ничего сделать, не получив дополнительных средств. Эта безвыходная ситуация, по мнению моего собеседника, и спровоцировала Анну уволиться, и в данной интерпретации мы видим утверждение о дефиците бюджета (особенно остро ощущающемся в условиях чрезвычайной ситуации) и зависимости сельских чиновников от жителей своих поселений, на чьи претензии и требования они обязаны реагировать. Позже Анна подтвердила, что в этих слухах была доля правды, как и в другой версии.

Последняя известная мне трактовка рокового решения Анны, в свою очередь, отражает такую черту сельского управления как абсурдность требований «свыше» и необходимость низовых бюрократов им подчиняться, чему противопоставлены персонализм и обращение к харизме влиятельной личности. Говорили, что Анна и Екатерина приняли окончательное решение покинуть свою должность из-за требования «района» доставлять останки погибших во время Специальной военной операции односельчан за счет сельской администрации, что нереализуемо ввиду дефицита бюджета. Тем не менее смирение перед приказом или увольнение оказались не единственными возможными реакциями на абсурдное требование «сверху». Ходили разговоры, что упоминавшийся ранее влиятельный меценат, покровительствующий одному из поселений района, узнав от главы «своего» поселения об этом требовании, пригрозил «району» публично озвучить проблему в СМИ. В реальности, как я узнала позже, дело обстояло не совсем так, но это уже другая история. В контексте диссертации важно, что в «команде» управленицев возникла сама идея о том, что под влиянием харизмы влиятельного лица требование могло быть проигнорировано, несмотря на бюрократическую иерархию. Сила личности, повинуясь общей персоналистской логике власти, в этом рассказе, вновь победила силу бюрократических документов и решений. Не попадающие под сень этой харизмы и несогласные с требованиями системы низовые бюрократы, в свою очередь, были вынуждены сменить свою позицию в структуре власти и, так и не доработав до «муниципальной» пенсии, покинули обжитые кабинеты, оставив приглядывать за ними портреты вышестоящих чиновников.

БИБЛИОГРАФИЯ

Законодательные акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 16.12.2021. Вносится сенатором Российской Федерации А. А. Клишасом, депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым.
3. СП 42.13330.2016. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений: актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89: утвержден приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 30 декабря 2016 г. N 1034/пр: дата введения 1 июля 2017 г.
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025).
5. Федеральный закон от 8.10.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Публикации в СМИ:

1. В Думе перенесли рассмотрение проекта о реформе местного самоуправления на 2025 год // Интерфакс. – 11.12.2024. – (<https://www.interfax.ru/russia/997225>). – Просмотрено: 11.02.2025.
2. Веретенникова К. Муниципальная реформа обросла поправками // Коммерсантъ. – 23.05.2022а. – № 88/П. – С. 3. – (<https://www.kommersant.ru/doc/5358903>). – Просмотрено: 11.02.2025.
3. Веретенникова К. Утром реформа — вечером деньги: новый законопроект о местном самоуправлении одобрен в первом чтении // Коммерсантъ. – 26.01.2022б. –

Просмотрено: 11.02.2025.

4. Гребенникова А. Новый закон о местном самоуправлении в Российской Федерации // Президентская академия. Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина. – 2025. – (https://piu.ranepa.ru/news/novyy-zakon-o-mestnom-samoupravlenii-v-rossiyskoy-federatsii/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com). – Просмотрено: 29.05.2025.
5. Мухаметшина Е. Госдума примет законопроект о муниципальной реформе до конца осенней сессии // Ведомости. – 24.09.2024. – (<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/09/24/1064105-gosduma-primet-zakonoproekt-o-munitsipalnoi-reforme>). – Просмотрено: 11.02.2025.
6. Мухаметшина Е. Госдума приняла закон о реформе местного самоуправления // Ведомости. – 05.03.2025. – (<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/03/05/1096248-gosduma-prinyla-zakon>). – Просмотрено: 09.04.2025.
7. Перцев* А. Отрубленные корни. К чему приведет упразднение городских и сельских поселений // Московский Центр Карнеги*. – 09.02.2022. – (<https://carnegie.ru/commentary/86401>). – Просмотрено: 16.02.2022.
8. Почему муниципальную реформу отбросили, а не отложили // Независимая газета. – 31.07.2022. – (https://www.ng.ru/editorial/2022-07-31/2_8500_editorial.html). – Просмотрено: 12.08.2022.
9. Прах А. Местное самоустраниние: Сенаторы и эксперты поспорили о плюсах и минусах муниципальной реформы // Коммерсантъ. – 21.02.2022. – № 10. – С. 3. – (https://www.kommersant.ru/doc/5173598?from=doc_vrez). – Просмотрено: 11.02.2025.

Научная литература:

1. Агапов М. Г., Васильева З. С., Карасева А. И., Клюева В. П., Круглова А. Б., Невский А. В., Петряшин С. С., Седова Н. Н., Штейнберг И. Е. Размышления об «антропологии времени» и режимах темпоральности: реплики к дискуссии // Этнографическое обозрение. – 2021. – № 6. – С. 102–126. – doi: 10.31857/S086954150017937-0.
2. Александров В. А. Сельская община в России (XVII–начало XIX в.). – М.: Наука, 1976. – 322 с.

3. Алиева Л. В. История крестьянской общины на завершающем этапе ее существования: историографические проблемы // Метаморфозы истории. – 2003. – № 3. – С. 266–279.
4. Алымов С. Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. – 2010. – Т. 101. – № 1. – С. 109–129.
5. Алымов С. «Перестройка» в российской глубинке // Антропологический Форум. – 2011. – № 15 Online. – С. 3–54.
6. Андреев И. Л. К. Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. И. Засулич // Советская этнография. – 1979. – № 5. – С. 3–21.
7. Андрианов В. Р., Кащеева А. Р. Акторы местного самоуправления: формирование идентичности в контексте внедрения одноуровневой системы управления // Крестьяноведение. – 2024. – Т. 9. – № 3. – С. 229–248. – doi.: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-229-248.
8. Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914–1917). – М.: Соцэкгиз, 1962. – 383 с.
9. Архипова М. Н. Модели управления жителей северорусской деревни в постперестроечный период // Крестьяноведение. – 2023. – Т. 8. – № 3. – С. 129–143. – doi.: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-129-143.
10. Архипова М. Н. Соционормативные практики в северорусской деревне: опыт этнологического исследования: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2018. – 197 с.
11. Архипова М. Н., Туторский А. В. Общинные традиции в хозяйстве (как пример бытования традиций в малой группе) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2013. – № 3. – С. 104–115.
12. Басалаева И. П. Продовольственная безопасность в «регионе согласия» // Пути России. Война и мир: Сб. ст. – Т. 22. – 2017. – С. 147–162.
13. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
14. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределамиластного регулирования. – М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»: Common Place, 2024. – 272 с.

15. Богданова Е. Советская традиция правовой защиты, или в ожидании заботы // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 39 (1). – С. 76–83.
16. Богораз (Тан) В. Г. Новое крестьянство. – М.: Тип. А. П. Поплавского, 1905. – 126 с.
17. Бреславский А. С. Введение: пригороды и пригородные исследования в современной России // Что мы знаем о современных российских пригородах?: Сб. науч. ст. / Ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 3–25.
18. Бредникова О. Е. Деревня умерла? Да здравствует деревня (еще раз к вопросу о различиях города и деревни) // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / Под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 28–59.
19. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с фр. О. В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. – М.: НЛО, 2013. – 576 с.
20. Бурдье П. От королевского дома к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социоанализ Пьера Бурдье. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001а. – С. 141–178.
21. Бурдье П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001б. – 562 с.
22. Бурдье П. Политические позиции и культурный капитал // Бурдье П. Социология политики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993а. – С. 99–158.
23. Бурдье П. Политическое представление: Элементы теории политического поля // Бурдье П. Социология политики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993б. – С. 179–230.
24. Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов // Бурдье П. Социология политики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993с. – С. 53–98.
25. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 64–86.
26. Бурдье П. Формы капитала // Классика новой экономической социологии / Сост., науч. ред. В. В. Радаев, Г. Б. Юдин; пер. с англ. и фр. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 293–315.

27. Бухарев В. М., Люкшин Д. И. Российская смута начала ХХ века как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. – Казань: Изд.-во Казан, гос. ун.-та, 1994. – С. 154–160.
28. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер. М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.
29. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. – М.: ИД ВШЭ, 2016. – Т. 1: Социология. – 445 с.
30. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. – М.: ИД ВШЭ, 2019. – Т. 4: Господство. – 542 с.
31. Гаазе К. Б. Рукописное письмо как практика российской правительности // Социология власти. – 2016. – Т. 28. – № 4. – С. 104–131. – doi: 10.22394/2074-0492-2016-4-104-131.
32. Герасименко Г А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 342 с.
33. Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОСПЭН, 2004. – 560 с.
34. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Пер. с англ. А. Гутермана. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 704 с.
35. Гололобов И. Деревня как не-политическое сообщество: социальная (дис)организация мира собственных имен // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / Ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. — СПб.: Алетейя, 2012. – С. 59–78.
36. Гребер Д. Бредовая работа: трактат о распространении бессмысленного труда. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. – 440 с.
37. Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 224 с.
38. Григоричев К. Местные сообщества и местная власть в неинституционализированном пространстве: случай пригородов Иркутска // Полития. – 2013. – Т. 68. – № 1. – С. 103–116.
39. Григоричев К. «Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода. В поиске теоретических инструментов анализа // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 422–446.

40. Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская Этнография. – 1984. – № 5. – С. 70–80.
41. Гудова Е. А. «Письмо должно быть долгожданным»: как устроена темпоральная синхронизация сотрудников в российской почте // Социология власти. – 2020. – Т. 32. – № 1. – С. 155–178. – doi: 10.22394/2074-0492-2020-1-155-178.
42. Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – М.: РОССПЭН, 1996. – 439 с.
43. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. – Архангельск: Поморский университет, 2004. – 432 с.
44. Дуглас М. Как мыслят институты / Пер. с англ. А. Корбута. – М.: Элементарные формы, 2020. – 250 с.
45. Дюргейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисл., вступ. ст., comment. А. Б. Гофмана. – М.: КДУ, 2014. – С. 55–124.
46. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
47. Иванов Е. П. Политическая жизнь деревни и община накануне коллективизации (1926–1929 гг.) // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. – Уфа, 1984. – С. 115–123.
48. Игнатова С. Н., Божков О. Б. Взаимодействие институтов местной власти и предпринимательства на селе // Петербургская социология сегодня. – 2015. – № 6. – С. 469–489.
49. Ионин Л. Г. Словарь понятий Макса Вебера // Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. – М.: ИД ВШЭ, 2019. – Т. 4: Господство. – С. 465–498.
50. Каплун В. Перестать мыслить « власть » через « государство »: *gouvernementalité*, *Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. – 2019. – Т. 29. – № 2. – С. 179–220.
51. Карасева А. И., Момзикова М. П. Часовые пояса и синхронные телекоммуникации: незаметная работа по темпоральной координации у горожан Дальнего Востока России // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 42–61. – doi: 10.31857/S086954150005295-4.

52. Клеман К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?» – М.: НЛО, 2021. – 232 с.
53. Копотева И. В. Гражданское общество и гражданская активность сельской России // Крестьяноведение. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 142–166. – doi: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-142c-166.
54. Корелин А. П., Шацилло К. Ф. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства. – М.: РГГУ, 1996. – 238 с.
55. Кук Л. Посткоммунистические государства всеобщего благосостояния. Политика реформ в России / Пер. с англ. И. Николаевой. – СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. – 415 с.
56. Лапердин В. Б. Председатели в колхозном социуме Западной Сибири в 1930-е годы: практики коадаптации и дезадаптации // Крестьяноведение. – 2024. – Т. 9. – № 4. – С. 144–158. – doi: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-144-158.
57. Ларкина Т. Ю. Работа лица российских педагогов в ситуации низких образовательных результатов их учеников // Антропологический форум. – 2024. – № 63. – С. 67–92. – doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-63-67-92.
58. Леви-Стросс К. Печальные тропики. – М.: Изд-во АСТ, 2022. – 544 с.
59. Лярская Е. В., Гаврилова К. А. Размер и его значение: о социальных сетях и социальном комфорте на Ямале и Камчатке // «Дети девяностых» в современной Российской Арктике: коллективная монография / Отв. ред. Н. Б. Вахтин, Ш. Дудек. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 324–398.
60. Мазур Л. Н. Антропология местной власти в современной России: деволюция или инволюция? // Социальное время. – 2018. – Т. 3. – № 15. – С. 58–75.
61. Мазур Л. Н. Становление и эволюция сельской бюрократии в России во второй половине XIX–начале XX вв. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 16. – № 2 (127). – С. 251–267.
62. Мартыненко А. Бездушные бюрократы. Как устроена работа органов опеки. – М.: Common place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2025. – 160 с.
63. Мартыненко А. А. Работа с жалобами в органах опеки и попечительства: между экономией усилий и «настоящей» целью работы // Вестник антропологии. – 2023а. – № 4. – С. 265–284. – doi: 10.33876/2311-0546/2023-4/265-284.
64. Мартыненко А. А. Чистота и порядок: представления сотрудников органов опеки // Антропологический форум. – 2023б. – № 57. – С. 40–60. – doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-57-40-60.

65. Моляренко О. А. Местное самоуправление в современной России, или Хроники крайней власти // Мир России. – 2021. – Т. 30. – № 1. – С. 8–28. – doi: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-8-28.
66. Моррис Дж. Децентрализованный корпоративизм: фиктивное родство на стыке патерналистских и неолиберальных трудовых отношений // Социология власти. – 2025. – Т. 37. – № 1. – С. 36–61.
67. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. Статья, комментарии А. Б. Гофмана. – М.: КДУ, 2014. – 416 с.
68. Мустайоки А. Ностальгия по советскому прошлому // Советское прошлое и культура настоящего: монография: В 2-х т. Т. 2 / Ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 209–219.
69. Никишенков А. А., Перстнева И. П., Туторский А. В. Проблемы этнографического изучения русского крестьянства (соционормативная культура). Учебно-методическое пособие. – М.: Новый хронограф, 2010. – 161 с.
70. Позаненко А. А. «Отдельная типа республиканка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. – 2018. – № 4. – С. 31–55.
71. Позаненко А. А. Пространственная изоляция и устойчивость локальных сообществ: к развитию существующих подходов // Вестник Томского государственного университета. – Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 244–255.
72. Плюснин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. – М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022а. – 448 с.
73. Плюснин Ю. М. Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2022б. – Т. 25. – № 3. – С. 58–90.
74. Плюснин Ю. М. Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2008. – № 3. – С. 38–50.
75. Рогозин Д. М. (ред.) Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. – М.: ФГБУН Институт социологии РАН, 2015. – 316 с.
76. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 25–35.

77. Скотт Дж. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2017. – 568 с. – (Библиотека свободы).
78. Скорин-Чайков Н. В. Антропология времени: очерк истории и современности // Этнографическое обозрение. – 2021. – № 6. – С. 83–103. – doi: 10.31857/S086954150017934-7.
79. Скорин-Чайков Н. В. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги «Социальная жизнь государства в северной Сибири») // Социология власти. – 2012. – № 4–5. – С. 155–187.
80. Скорин-Чайков Н. В. Экономика, ойкономия, домострой: заметки об антропологии домохозяйства // Этнографическое обозрение. – 2024. – № 6. – С. 5–22.
81. Туторский А. В. Сельское как социальное в этнографических исследованиях // Вестник антропологии. – 2024. – № 2. – С. 33–44.
82. Туторский А. В. Элементы общинных традиций в быту колхозной деревни: институт лидерства (по материалам Архангельской области) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2009. – № 1 (5). – С. 74–81.
83. Фадеева О. П. Сельские сообщества и хозяйствственные уклады: от выживания к развитию. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. – 264 с.
84. Фадеева О. П. Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // ЭКО. – 2019. – № 4. – С. 71–94. – doi: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-71-94.
85. Фадеева О. П. Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус // Крестьяноведение. – 2022. – Т. 7. – № 2. – С. 122–157.
86. Фадеева О. П., Нефедкин В. И. «Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане // Крестьяноведение. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 95–114. – doi: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-95-114.
87. Феноменов М. Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Ч. I: Производительные силы деревни. Ч. II: Старый и новый быт. – М.; Л.: Государственное издательство, 1925.
88. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.
89. Фуко М. Субъект и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. / Пер. с франц. Б. М. Скуратова; общ. ред. В. П. Больщакова. – Ч. 3. – М.: Практис, 2006а. – С. 161–190.

90. Фуко М. Что такое наказывать? // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. / Пер. с франц. Б. М. Скуратова; общ. ред. В. П. Большакова. – Ч. 3. – М.: Праксис, 2006б. – С. 27–41.
91. Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. / Пер. с франц. Б. М. Скуратова; общ. ред. В. П. Большакова. – Ч. 3. – М.: Праксис, 2006с. – С. 241–270.
92. Хамфри К. Изменение значимости *удаленности* в современной России // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 3. – С. 8–24.
93. Христофоров И. А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). – М.: Собрание, 2011. – 368 с.
94. Шевченко Н. В. (Авто)биографии личного дела, или производство письменного «я» российского призывника (на материалах одной петербургской НКО в 2010-е гг.) // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2023а. – Т. 8. – № 4. – С. 194–216. – doi: 10.18522/2415-8852-2023-4-194-216.
95. Шевченко Н. В. Бюрократические маршруты и документные темпоральности анкеты призывника в правозащитной организации // Антропологический форум. – 2023б. – № 59. – С. 73–102. – doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-73-102.
96. Шелудков А. В. Индустриальные деревни, спальные районы, внутренняя периферия: функциональная специализация пригородной зоны Тюмени // Что мы знаем о современных российских пригородах?: Сб. науч. ст. / Ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2017. – С. 136–145.
97. Шелудков А. В., Рассказов С. В., Фарахутдинов Ш. Ф. Сельские муниципалитеты на юге Тюменской области: пространство, статистика, власть. – М.: Страна Оз, 2016. – 184 с.
98. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Предисл. А. Беляева; пер. с англ.; 4-е изд. М.: НЛО, 2019. – 604 с.
99. Ярзуткина А. А. Глава арктического села: социальный капитал и осуществление властных полномочий // Сибирские исторические исследования. – 2025. – № 1. – С. 62–79. – doi: 10.17223/2312461X/47/4.
100. Яхшиян О. Ю. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х гг. – Автореф. дисс... канд. истор. наук. – М.: МПГУ, 1998. – 15 с.

- 101.Anand N., Gupta A., Appel H. *The Promise of Infrastructure*. – Durham, NC: Duke University Press Books, 2018. – 264 p.
- 102.Andersen D., Bengtsson T. T. *Timely Care: Rhythms of Bureaucracy and Everyday Life in Cases Involving Youths with Complex Needs* // *Time & Society*. – 2019. – Vol. 28. – No. 4. – P. 1509–1531. doi: 10.1177/0961463X18783371.
- 103.Andreetta S. *Granting «Human Dignity»: How Emotions and Professional Ethos Make Public Services* // *The Cambridge Journal of Anthropology*. – 2022. – Vol. 40. – No. 2. – P. 36–53. – doi: 10.3167/cja.2022.400204.
- 104.Andreetta S., Enria L., Jarroux P., Verheul S. *States of Feeling: Public Servants, Affective and Emotional Entanglements in the Making of the State* // *The Cambridge Journal of Anthropology*. – 2022. – Vol. 40. – No. 2. – P. 1–20. – doi: 10.3167/cja.2022.400202.
- 105.Anjaria J. S., Rao U. *Talking back to the state: citizens' engagement after neoliberal reform in India* // *Social Anthropology/Anthropologie Sociale*. – 2014. – Vol. 22. – No. 4. – P. 410–427.
- 106.Auyero J. *Patients of the State: The Politics of Waiting in Argentina*. – Durham; L.: Duke University Press, 2012. – 196 p.
- 107.Baturo A., Elkink J. *The New Kremlinology: Understanding Regime Personalization in Russia*. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – 231 p.
- 108.Bear L. *Time as Technique* // *Annu. Rev. Anthr.* – 2016. – No. 45. – P. 487–502. – doi: 10.1146/annurev-anthro-102313-030159.
- 109.Becker H. S. *Social Class and Teacher-Pupil Relationships* // *Education and the Social Order* / Eds E. R. Carr, B. E. Mercer. – New York: Rinehart & Co., Inc., 1957. – P. 273–285.
- 110.Bennis W. G. *Leadership Theory and Administrative Behavior: The Problem of Authority* // *Administrative Science Quarterly*. – 1959. – Vol. 4. – No. 3. – P. 259–301.
- 111.Blau P. *Bureaucracy in Modern Society*. – New York: Random House, 1966. – 127 p.
- 112.Bovens M. *Two Concepts of Accountability: Accountability as a Virtue and as a Mechanism* // *West European Politics*. – 2010. – Vol. 33. – No. 5. – P. 946–967.
- 113.Brown M. K. *Working the Street: Police Discretion and the Dilemmas of Reform*. – N.Y.: Russell Sage Foundation, 1981. – XVI+374 p.
- 114.Casey C. «Come, Join Our Family»: Discipline and Integration in Corporate Organizational Culture // *Human Relations*. – 1999. – Vol. 52. – No. 2. – P. 155–178.
- 115.Cherkaev X. A. *Gleaning for Communism: The Soviet Socialist Household in Theory and Practice*. – Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 2023. – XV+189 p.

- 116.Cloke P. Country Backwater to Virtual Village? Rural Studies And «The Cultural Turn» // *Journal of Rural Studies*. – 1997. – Vol. 13. – No. 4. – P. 367–375.
- 117.Collier S. J. Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. – 312 p.
- 118.Cooper A. The Doctors Political Body: Doctor–Patient Interactions and Sociopolitical Belonging in Venezuelan State Clinics // *American Ethnologist*. – 2015. – Vol. 42. – No. 3. – P. 459–474. – doi: 10.1111/amet.12141.
- 119.Cooper E., Pratten D. Ethnographies of Uncertainty in Africa: An Introduction // *Ethnographies of Uncertainty in Africa* / Eds E. Cooper, D. Pratten. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 1–16.
- 120.Dando C. E. «The Map Proves It»: Map Use by the American Woman Suffrage Movement // *Cartographica: The International Journal For Geographic Information And Geovisualization*. – 2010. – Vol. 45. – No. 4. – P. 221–240.
- 121.Ferguson J. The Anti-Politics Machine: «Development», Depoliticization and Bureaucratic Power in Lesotho. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996. – XVI+320 p.
- 122.Ferguson J. The Country and the City on the Copperbelt // *Cultural Anthropology*. — 1992. – Vol. 7. – No. 1. – P. 80–92.
- 123.Friendly M., Palsky G. Visualizing Nature and Society // *Maps: Finding Our Place in the World* / Eds J. Akerman, R. Karrow. – Chicago: University of Chicago Press, 2007. – P. 207–253.
- 124.Gel'man V. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes. – Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015. – 208 p.
- 125.Geoffrion K., Cretton V. Bureaucratic Routes to Migration: Migrants Lived Experience of Paperwork, Clerks, and Other Immigration Intermediaries // *Anthropologica*. – 2021. – Vol. 63. – No. 1. – P. 1–28.
- 126.Goodwin M. The Governance of Rural Areas: Some Emerging Research Issues and Agendas // *Journal of Rural Studies*. – 1998. – Vol. 14. – No. 1. – P. 5–12.
- 127.Graeber D. Dead Zones of the Imagination: On Violence, Bureaucracy and Interpretive Labor // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. – 2012. – Vol. 2. – No. 2. – P. 105–128. – doi: 10.14318/hau2.2.007.
- 128.Graeber D. Revolution in Reverse // *Revolutions in Reverse: Essays on Politics, Violence, Art, and Imagination*. – N.Y.: Autonomedia, 2011. – P. 41–66.
- 129.Griffiths M. Living with Uncertainty: Indefinite Immigration Detention // *Journal of Legal Anthropology*. – 2013. – Vol. 1. – No. 3. – P. 263–286.

- 130.Gritsenko D., Zherebtsov M. E-Government in Russia: Plans, Reality, and Future Outlook // *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies* / Eds D. Gritsenko, M. Wijermars, M. Kopotev. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 33–52.
- 131.Gupta A. Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India. – Durham; L.: Duke University Press, 2012. – 368 p.
- 132.Handelman D. Introduction: The Idea of Bureaucratic Organization // *Social Analysis*. – 1981. – No. 9. – P. 5–23.
- 133.Hardt M. Affective Labor // *boundary 2*. – 1999. – Vol. 26. – No. 2. – P. 89–100.
- 134.Hardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. – N.Y.: Penguin, 2004. – 448 p.
- 135.Hendriks T. D. A State of Relief: Feelings, Affect and Emotions in Instantiating the Malawi State in Disaster Relief // *The Cambridge Journal of Anthropology*. – 2022. – Vol. 40. – No. 2. – P. 21–35. – doi: 10.3167/cja.2022.400203.
- 136.Herzfeld M. [A Review of] *Becoming Bureaucrats: Socialization at the Front Lines of Government Service*. Zachary W. Oberfield. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. 236 pp. // *American Ethnologist*. – 2015. – Vol. 42. – No. 3. – P. 536–537. – doi: 10.1111/amet.2_12146.
- 137.Herzfeld M. *The Social Production of Indifference*. – Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1992. – 209 p.
- 138.Hetherington K. *Guerrilla Auditors: The Politics of Transparency in Neoliberal Paraguay*. – Durham, NC: Duke University Press, 2011. – XIV+296 p.
- 139.Heyman J. McC. Putting Power in the Anthropology of Bureaucracy // *Current Anthropology*. – 1995. – Vol. 36. – No. 2. – P. 261–287.
- 140.Hochschild A. R. *The Managed Heart. Commercialization of Human Feeling*. – Berkeley: Los Angeles, CA: University of California Press, 1983. – 327 p.
- 141.Horáková A. Modern Rurality, Neoliberalism, And Utopias: The Anthropologistss Account // *Utopia & Neoliberalism. Ethnographies Of Rural Spaces* / Eds A. Horáková, A. Boscoboinik, R. Smith. – Berlin: Lit-Verlag, 2018. – P. 9–44.
- 142.Hull M. S. *Government of Paper: The Materiality of Bureaucracy in Urban Pakistan*. – Berkeley, CA: University of California Press, 2012. – XIV+301 p.
- 143.Irimia A. Bureaucratic Sorceries in The Third Policeman: Anthropological Perspectives on Magic and Officialdom // *The Parish Review: Journal of Flann O'Brien Studies*. – 2022. – Vol. 6. – No. 2. – P. 1–21.
- 144.Janeja M. K., Bandak A. (eds). *Ethnographies of Waiting: Doubt, Hope and Uncertainty*. – L.: Bloomsbury Publishing, 2018. – 212 p.

- 145.Jarroux P. Fear at Work: Bureaucratic and Affective Encounters between Primary School Teachers and Their «Chiefs» in Postcolonial Benin // *The Cambridge Journal of Anthropology*. – 2022. – Vol. 40. – No. 2. – P. 72–87. – doi: 10.3167/cja.2022.400206.
- 146.Jauregui B. Provisional Authority: Police, Order, and Security in India. – Chicago: University of Chicago Press, 2016. – 240 p.
- 147.Jessop B. The Regulation Approach, Governance and Post-Fordism // *Economy and Society*. – 1995. – Vol. 24. – No. 3. – P. 307–334.
- 148.Johnson-Hanks J. When the Future Decides // *Current Anthropology*. – 2005. – Vol. 46. – No. 3. – P. 363–385.
- 149.Kaufman G. The Forest Ranger: A Study in Administrative Behavior. – Baltimore: Resources for the Future, 1960. – 312 p.
- 150.Kay R. Relationships, Practices, and Images of the Local State in Rural Russia // *Stategraphy: Toward a Relational Anthropology of the State* / Eds T. Thelen, L. Vettters, K. von Benda-Beckmann. – N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2018. – P. 56–72.
- 151.Kay R. Social Security, Care and the «Withdrawing state» in Rural Russia // *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-socialist Countries* / Eds M. Jäppinen, M. Kulmala, A. Saarinen. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars, 2011. – P. 145–168.
- 152.Kay R. (Un)Caring Communities: Processes of Marginalisation and Access to Formal and Informal Care and Assistance in Rural Russia // *Journal of Rural Studies*. – 2011b. – Vol. 27. – No. 1. – P. 45–53.
- 153.Koester D. Drink, Drank, Drunk: A Social-Political Grammar of Russian Drinking Practices in a Colonial Context // *Anthropology of East Europe Review*. – 2003. – Vol. 21. – No. 2. – P. 41–46.
- 154.Kruglova A. Anything Can Happen: Everyday Morality and Social Theory in Russia: PhD Thesis. – Toronto: University of Toronto, 2016. – 265 p.
- 155.Lazzarato M. Immaterial Labor / Transl. by P. Colilli, E. Emory // *Radical Thought in Italy: A Potential Politics* / Eds P. Virno, M. Hardt. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996. – P. 133–147.
- 156.Lipsky M. Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services. – N.Y.: Russell Sage Foundation, 2010. – 299 p.
- 157.Lipsky M. Toward a Theory of Street-Level Bureaucracy. – Madison, WI: Institute for Research on Poverty, University of Wisconsin, 1969. – 46 p. – (Institute for Research on Poverty Discussion Papers. No. 48)
- 158.Little J., Austin P. Women and the Rural Idyll // *Journal of Rural Studies*. – 1996. – Vol. 12. – No. 2. – P. 101–111.

- 159.Lockie S., Lawrence G., Cheshire L. Reconfiguring Rural Resource Governance: The Legacy of Neo-Liberalism in Australia // *Handbook of Rural Studies* / Eds P. Cloke, T. Marsden, P. Mooney. – L., Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 2006. – P. 29–43.
- 160.Manekkar P., Gupta A. Intimate Encounters: Affective Labor in Call Centers // *Positions: East Asia Cultures Critique*. – 2016. – Vol. 24. – No. 1. – P. 17–43.
- 161.Mathur N. Paper Tiger: Law, Bureaucracy and the Developmental State in Himalayan India. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 203 p.
- 162.May J., Thrift N. (eds). *Timespace: Geographies of Temporality*. – L.: Routledge, 2003. – 323 p.
- 163.Maynard-Moody S., Portillo S. Street-Level Bureaucracy Theory // *The Oxford Handbook of American Bureaucracy* / Ed. R. F. Durant. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 252–277.
- 164.Morris J. Everyday Politics in Russia: From Resentment to Resistance. – L.: Bloomsbury Academic, 2025. – 250 p.
- 165.Murphy M., Skillen P. The Politics Of Time On The Frontline: Street Level Bureaucracy, Professional Judgment, And Public Accountability // *International Journal of Public Administration*. – 2015. – Vol. 38. – No. 9. – P. 632–641. – doi: 10.1080/01900692.2014.952823.
- 166.Müller M. Goodbye, Postsocialism! // *Europe-Asia Studies*. – 2019. – Vol. 71. – No. 4. – P. 533–550. – doi: 10.1080/09668136.2019.1578337.
- 167.Nadkarni M., Shevchenko O. The Politics of Nostalgia: a Case for Comparative Analysis of Post-Socialist Practices // *Ab Imperio*. – 2004. – No. 2. – P. 487–519.
- 168.Nisar M. A., Masood A. Dealing With Disgust: Street-Level Bureaucrats as Agents of Kafkaesque Bureaucracy // *Organization*. – 2020. – Vol. 27. – No. 6. – P. 882–899.
- 169.Nuijten M. Power, Community and the State: The Political Anthropology of Organisation in Mexico. – L.: Pluto Press, 2003. – X+227 p.
- 170.Panelli R. Rural Society // *Handbook of Rural Studies* / Eds P. Cloke, T. Marsden, P. Mooney. – L.; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2006. – P. 63–90.
- 171.Penz O., Sauer B. Governing Affects: Neoliberalism, Neo-Bureaucracies, and Service Work. – L., N.Y.: Routledge, 2019. – 177 p.
- 172.Pesmen D. *Russia and Soul: an Exploration*. – Ithaca; L.: Cornell University Press, 2000. – 384 p.
- 173.Prottas J. M., People Processing: The Street-Level Bureaucrat in Public Service Bureaucracies. – Lexington, MA: Lexington Books, 1979. – XII+179 p.

- 174.Roberts S. E. The Bureaucratic and Political Work of Immigration Classifications: an Analysis of the Temporary Foreign Workers Program and Access to Settlement Services in Canada // *Journal of International Migration and Integration*. – 2020. – Vol. 21. – P. 973–992.
- 175.Rogers D. How to Be a Khoziain in a Transforming State: State Formation and the Ethics of Governance in Post-Soviet Russia // *Comparative Studies in Society and History*. – 2006. – Vol. 48. – No. 4. – P. 915–945.
- 176.Smith D. J. Every Household Its Own Government: Improvised Infrastructure, Entrepreneurial Citizens, and the State in Nigeria. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2022. – 232 p.
- 177.Ssorin-Chaikov N. V. On Heterochrony: Birthday Gifts to Stalin, 1949 // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 2006. – No. 12. – P. 355–375.
- 178.Ssorin-Chaikov N. V. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2003. – 261 p.
- 179.Ssorin-Chaikov N. V. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. – Chicago: HAU Books, 2017. – 150 p.
- 180.Stacey C. L. The Caring Self: The Work Experiences of Home Care Aides. – Ithaca, L.: ILR Press; Cornell University Press, 2011. – XII+199 p.
- 181.Stein H. (ed.) Public Administration and Policy Development: A Case Book. –N.Y.: Harcourt, Brace, and Company, 1952. – 860 p.
- 182.Tahara F. Principal, Agent or Bystander? Governance and Leadership in Chinese and Russian Villages // *Europe-Asia Studies*. – 2013. – Vol. 65. – No. 1. – P. 75–101.
- 183.Tahara F. A Village Perspective on Competitive Authoritarianism in Russia // *Odysseus: 東京大学大学院総合文化研究科地域文化研究専攻紀要*. – 2016. – No. 20. – P. 87–110.
- 184.Thelen T., Alber E. Reconnecting State and Kinship: Temporalities, Scales, Classifications // *Reconnecting State and Kinship* / Eds T. Thelen, E. Alber. – Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2018. – P. 1–38.
- 185.Thompson E. P. Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism // *Past & Present*. – 1967. – No. 38. – P. 56–97.
- 186.Umbreş R. Living with Distrust: Morality and Cooperation in a Romanian Village. – N.Y.: Oxford University Press, 2022. – 228 p.
- 187.van Maanen J. The Asshole // *Policing: A View from the Street* / Eds P. K. Manning, J. van Maanen. – N.Y.: Random House, 1978. – P. 221–238.

- 188.von Schnitzler A. Citizenship Prepaid: Water, Calculability, And Techno-Politics In South Africa // Journal of Southern African Studies. – 2008. – Vol. 34. – No. 4. – P. 899–917.
- 189.White S. Time, Temporality And Child Welfare: Notes On The Materiality And Malleability Of Time(S) // Time & Society. – 1998. – Vol. 7. – No. 1. – P. 55–74. – doi: 10.1177/0961463X98007001003.
- 190.Wijermars M. The Digitalization of Russian Politics and Political Participation // The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies / Eds D. Gritsenko, M. Wijermars, M. Kopotev. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 15–32.
- 191.Whyte S. R. Epilogue // Dealing with Uncertainty in Contemporary African Lives / Eds L. Haram, C. B. Yamba. – Nordiska Afrikainstitutet, 2009. – P. 213–216.
- 192.Whyte S. R., Siu G. E. Contingency: Interpersonal and Historical Dependencies in HIV Care // Ethnographies of Uncertainty in Africa / Eds E. Cooper, D. Pratten. – Palgrave Macmillan, 2015. – P. 19–36.
- 193.Wolf E. R. Kinship, Friendship, and Patron-Client Relations in Complex Societies // Social Anthropology of Complex Societies. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – P. 46–67.
- 194.Yang J. «Officials Heartache»: Depression, Bureaucracy, and Therapeutic Governance in China // Current Anthropology. – 2018. – Vol. 59. – No. 5. – P. 596–615. – doi: 10.1086/699860.
- 195.Yang J. Hidden Rules and the «Heartache» of Chinese Government Officials // Made in China Journal. – 2019. – Vol. 4. – No. 1. – P. 36–41. – <<https://madeinchinajournal.com/2019/04/18/hidden-rules-and-the-heartache-of-chinese-government-officials/>>.
- 196.Yang J. «Bureaucratic *Shiyuzheng*»: Silence, Affect, and the Politics of Voice in China // HAU: Journal of Ethnographic Theory. – 2021. – Vol. 11. – No. 3. – P. 972–985. – doi: 10.1086/717956.
- 197.Zacka B. When the State Meets the Street: Public Service and Moral Agency. — Cambridge, MA; L.: Belknap Press of Harvard University Press, 2017. – 352 p.
- 198.Zerubavel E. Patterns of Time in Hospital Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – 182 p.